

ISSN печатной версии: 2658-7335

№ 3 / 2026

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT
SCIENTIFIC MAGAZINE**

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

№ 3

2026

**НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ.
СОВРЕМЕННОСТЬ**

2026, № 3

Основан в 2016 г.

**SCIENCE. EDUCATION.
THE PRESENT**

2026, № 3

It is founded in 2016.

ISSN печатной версии: 2658-7335

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук с 23.09.2022

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-72249 от 24.01.2018 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (роскомнадзор)

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека (Российский индекс научного цитирования) № 165-04/2021

Объединенный каталог «Пресса России» – подписной индекс 38977

УЧРЕДИТЕЛИ:

- **ООО «Наука и образование»**

РЕДАКЦИЯ:

- **ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Попов Михаил Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД РФ, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани, директор издательства ООО «Наука и образование»

- **ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России

- **ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ**

Шелкова Елена Андреевна

ISSN for printed version: 2658-7335

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

the journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published from 23.09.2022

Mass media registration certificate: PI № FS 77-72249 dated January 24, 2018 of Federal service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications (roskomnadzor)

License Agreement Scientific Electronic Library
(Russian Science Citation Index) № 165-04/2021

The integrated catalog «Press of Russia» – subscription index 38977.

FOUNDERS:

- **LLC «Science and education»**

EDITORIAL BOARD:

- **EDITOR-IN-CHIEF**

Popov Mikhail Yuryevich,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Employee of the Kuban Internal Affairs Bodies, Director of the Publishing House of Science and Education LLC

- **DEPUTY CHIEF EDITOR**

Kirill V. Vishnevetsky,

Doctor of Law, Professor, Head of Educational and Methodological Department Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia

- **MANAGER OF EDITION**

Shelkova Elena Andreyevna

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Абакумова Ирина Владимировна,

академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, педагогики и дефектологии, Донской государственной технической университет;

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Говердовская Елена Валентиновна,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по последипломному и дополнительному образованию, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета;

Лучинский Юрий Викторович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правового регулирования, Кубанский государственный университет;

Семенцов Владимир Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный университет;

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабаев Михаил Матвеевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Байер Елена Александровна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и практики физической культуры и спорта, Донской государственной технической университет, директор ГКУСО РО Азовского центра помощи детям;

Богатырев Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, профессор Юридического института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессора юридического факультета, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»;

Давыдова Галина Ивановна,

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Ялта;

Жиркова Евгения Алексеевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет;

Звонарева Лола Уткировна,

доктор исторических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Института мировых цивилизаций, Москва;

Иванцов Сергей Вячеславович,

доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Игнатов Александр Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Кашкаров Алексей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клименко Таужан Микаиловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказской государственной академии;

Коломийцева Елена Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики, Московский государственный институт культуры;

Мамедов Рашад Юсуф оглы,

доктор философии по праву, доцент, доцент кафедры гражданского права, Академия полиции Азербайджанской республики;

Невский Сергей Александрович,

Заслуженный сотрудник МВД РФ, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника, начальник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского Института МВД России;

Немыка Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет;

Павлов Юрий Михайлович,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой публицистики и журналистского мастерства, Кубанский государственный университет;

Скуратовская Марина Леонидовна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дефектологии и инклюзивного образования, Донской государственный технический университет;

Федотова Ольга Дмитриевна,

доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой начального образования, Донской государственный технический университет;

Хоронько Любовь Яковлевна,

доктор педагогических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Шаталова Ольга Васильевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документирования Елецкого государственного университета имени Бунина;

Шкаплеров Юрий Павлович,

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника Могилевского института Республики Беларусь;

Шульженко Вячеслав Иванович,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии и журналистского языка, Пятигорский государственный университет.

EDITORIAL COUNCIL:

THE CHAIRMAN OF EDITORIAL COUNCIL

Irina V. Abakumova,

Academician Russian Academy of Education, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Pedagogy and Defectology, Technical University;

VICE-CHAIRMEN OF EDITORIAL COUNCIL

Elena V. Goverdovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Deputy Director for Postgraduate and Additional Education of the Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University;

Yury V. Luchinsky,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation, Kuban State University;

Vladimir A. Sementsov,

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of Department of Criminal Proceedings, Kuban State University;

MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Babaev,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Elena A. Bayer,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Theory and Practice of Physical Culture and Sports, Don State Technical University, Director of the Azov Child Care Center;

Valery V. Bogatyrev,

Doctor in Law, Professor of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Professor of the Faculty of Law, Moscow Financial-Industrial University «Synergy»;

Galina I. Davydova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Psychology Department of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky KFU», Yalta;

Evgenia A. Zhirkova,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature, Literature Theory and Criticism, Kuban State University;

Lola U. Zvonareva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Advertising and Public Relations of the Institute of World Civilizations, Moscow;

Sergey V. Ivantsov,

Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexander N. Ignatov,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminology of the V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Alexey A. Kashkarov,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Tauzhan M. Klimenko,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute of the North Caucasus State Academy;

Elena Yu. Kolomiitseva,

Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture;

Rashad Yu. Mamedov,

Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor, Assistant Professor of Civil Law Department, Police Academy of the Azerbaijan Republic;

Sergey A. Nevsky,

Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head, Head of the Research Center № 1 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Anna A. Nemyka,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University;

Yuri M. Pavlov,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Journalistic Skills, Kuban State University;

Marina L. Skuratovskaya,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Defectology and Inclusive Education, Don State Technical University;

Olga D. Fedotova,

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Don State Technical University;

Lubov Ya. Khoronko,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Education and Educational Sciences, Academy of Psychology and Pedagogy of the Southern Federal University;

Olga V. Shatalova,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Methods of Teaching and Documenting it at Yelets State University named after Bunina;

Yuri P. Shkaplerov,

Doctor in Law, First Deputy Head, Mogilev Institute of the Republic of Belarus;

Vyacheslav I. Shulzhenko,

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Linguistics, Russian Philology and Journalistic Language, Pyatigorsk State University.

КОНТАКТЫ:

○ ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Михаил Юрьевич

Тел.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Шелкова Елена Андреевна

Тел.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ РЕДАКЦИЯ РАСПОЛОЖЕНА ПО АДРЕСУ

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, Переулок Народный, д. 2/1

Часы приема: понедельник – пятница, 10⁰⁰ – 17⁰⁰

Тел./факс: +7(988) 167-67-67

Адрес для писем: 350005, г. Краснодар, а/я 1812, Попову М.Ю.

CONTACTS:

○ EDITOR-IN-CHIEF

Popov Mikhail Yur'evich

Ph.: +7(928) 268-34-15

e-mail: popov-52@mail.ru

○ MANAGER OF EDITION

Shelkova Elena Andreevna

Ph.: +7(988) 167-67-67

e-mail: milena.555@mail.ru

○ THE EDITORIAL OFFICE IS LOCATED AT THE ADDRESS

350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Narodny Lane, 2/1

Reception hours: Monday – Friday, 10⁰⁰ – 17⁰⁰.

Ph./fax: +7(988) 167-67-67

Address for correspondence: for Popov M.Yu., po box 1812, Krasnodar, 350005, RF.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Горобец А.Ф.</i> Сравнение в детективном дискурсе (на материале повести А. Конан Дойля «Знак четырех»)	19
<i>Кайзер Б.А.</i> Трансформация языковых практик в сетевой литературе как реакция на массовое появление нейросетевых текстов	24
<i>Кашдаева Д.И.</i> Сравнительно-сопоставительный анализ способов выражения пространственных отношений (русские падежи – английские предлоги) в аспекте преподавания русского языка как иностранного	28
<i>Рожик Е.Н.</i> Аксиологическая парадоксальность номинации «Русский интеллигент» в русской лингвокультуре	35
<i>Терентьева Л.М.</i> Социально-политическая реклама как явление	40

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Бабуров Д.Г.</i> «Аффордансы» цифровых платформ в контексте формирования медиаобраза политических акторов	46
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Древецкий В.В.</i> Правовое регулирование археологической деятельности в Российской Федерации и его значение для криминалистического выявления незаконного поиска археологических предметов	57
<i>Еналеева Э.Ф.</i> От информационных до цифровых технологий: проблемы совершенствования законодательства	62
<i>Лозовский Д.Н., Солодкая В.И.</i> К вопросу о содержании организованной преступной деятельности на этнической основе	68
<i>Тюрин М.А.</i> Понятие и признаки социального проектирования в предупреждении преступлений	74

Харина Е.М.

Реформа арбитражного законодательства и практика признания решений по российско-китайским коммерческим контрактам	80
--	----

Швецов Р.Е.

Сведения о соединениях и геолокации в частной детективной деятельности: уголовно-правовая оценка	88
---	----

CONTENTS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Alla F. Gorobets</i> Comparison and simile in detective story discourse («The sign of the four» by artur conan doyle)	19
<i>Beata A. Kaiser</i> Transformation of linguistic practices in online literature as a response to the proliferation of ai-generated texts	24
<i>Diana I. Kashdayeva</i> Comparative analysis of the ways of expressing spatial relations (russian cases – english prepositions) in the context of teaching Russian as a foreign language	28
<i>Elena N. Rozhik</i> Axiological paradoxicality of the nomination «Russian intellectual» in russian linguoculture	35
<i>Lada M. Terentyeva</i> Socio-political advertising as a phenomenon	40

JOURNALISM

<i>Daniil G. Baburov</i> Affordances of digital platforms in the context of forming the media image of political actors	46
---	----

JURISPRUDENCE

<i>Vladimir V. Drevetskiy</i> Legal regulation of archaeological activity in the Russian Federation and its significance for the criminalistic detection of illegal search of archaeological objects	57
<i>Eleonora F. Enaleeva</i> From information technology to digital technologies: challenges of improving legislation	62
<i>Denis N. Lozovsky, Viktoria I. Solodkaya</i> On the issue of the content of organized criminal activity on an ethnic basis	68
<i>Mikhail A. Tyurin</i> The concept and features of social project design in crime prevention	74
<i>Ekaterina M. Kharina</i> The reform of arbitration legislation and the practice of recognizing decisions on russian-chinese commercial contracts	80
<i>Roman E. Shvetsov</i> Connection and geolocation data in private detective activity: criminal law assessment	88

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-2>

УДК 81'1

Attribution

cc by

СРАВНЕНИЕ В ДЕТЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. КОНАН ДОЙЛЯ «ЗНАК ЧЕТЫРЕХ»)

Горобец А.Ф.

*Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал*

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурсивных сравнений, демонстрирующих сравнительную деятельность автора художественного текста. Актуальность исследования обусловлена интересом современных лингвистов к функционированию системы сравнения в детективном дискурсе. Целью исследования является расширение представления о динамической системе сравнения в пространстве художественного текста. Материалом анализа явилась детективная повесть А. Конан Дойля «Знак четырех». Результат проведенной работы показывает, что сравнения, функционирующие в рассматриваемом художественном дискурсе, разделяются на две категории: образные и логические, при этом большинство образных являются зооморфными сравнениями, и логические представлены, в основном, грамматическими формами (степенями сравнения прилагательных), а также сравнительными конструкциями, в состав которых входят степени сравнения прилагательных. Рассматриваемые дискурсивные логические сравнения функционируют как источник объективной информации, в то время как сравнения образные, используемые писателем для раскрытия художественных образов в тексте, репрезентируют эффективные стилистические средства и порождают дискурсивную образность произведения.

Ключевые слова: детективный дискурс, художественный текст, сравнение образное, сравнение логическое, субъект сравнения, объект сравнения.

Финансирование: инициативная работа.

Original article.

COMPARISON AND SIMILE IN DETECTIVE STORY DISCOURSE («THE SIGN OF THE FOUR» BY ARTUR CONAN DOYLE)

Alla F. Gorobets

V.M. Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus branch

Abstract. The article deals with analysis of discursive comparison and simile, that demonstrate creative comparative ability of the author of prose fiction text. The relevance of the study is due to modern linguists' interest in the functioning of comparison and simile in detective story discourse. The purpose of the study is to expand understanding of dynamic system of comparison and simile in fiction text. The material analyzed is 'The Sign of the Four' by Arthur Conan Doyle. The research results show that in the considered text both comparisons and similes function. Most of the similes here are zoomorphic and the comparisons are represented mainly by degrees of comparison of adjectives or grammar constructions, including comparison of adjectives. The analyzed discursive comparisons function as a source of objective information. The similes used by the writer to create images of characters, represent effective stylistic means and discursive imagery of the work.

Keywords: detective story discourse, fiction text, simile, comparison, the tenor of a simile, the vehicle of a simile.

Funding: independent work

Введение

В познавательной деятельности человека сравнение занимает особую роль. По определению А.А. Потебни, «самый процесс познания есть

процесс сравнения» [5, с. 76]. Как познавательная категория сравнение является объектом изучения филологических наук. «Сравнение представляет собой чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании чело-

© Горобец А.Ф.

века» [4, с. 3]. Оно изучается как синтаксическая форма и как выразительное средство языка. Сравнение «может быть выражено и словом, и словосочетанием, и сравнительным оборотом, и придаточным, и даже самостоятельным предложением» [1, с. 141]. Высказывание, в состав которого входит сравнение, несет в себе компонент субъективности, а также является оценочным средством, посредством которого говорящий выражает свое отношение к какому-либо предмету или явлению. Сравнение, функционирующее в художественном тексте, являющееся изобразительным средством, дает возможность исследователю воссоздать картину мира автора текста.

Накопленный в лингвистике опыт исследования семантики сравнения и особенностей его функционирования в пространстве художественного дискурса создает необходимые предпосылки для его дальнейшего изучения с позиций современной когнитивной лингвистики.

Обсуждение.

В предлагаемой статье мы рассматриваем сравнение как отражение сравнительной деятельности автора художественного текста, что «позволяет рассматривать систему сравнения как систему динамическую» [2, с. 8].

Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к сравнению как объекту изучения в лингвистике и его выразительным возможностям.

Цель исследования: расширить представление об особенностях художественного юридического дискурса.

В ходе работы решалась задача: выявить специфику сравнений, функционирующих в художественной прозе британского писателя А. Конан Дойля.

Материалом анализа послужила детективная повесть «Знак четырех».

Объектом анализа явились сравнительная лексика и сравнительные конструкции в исследуемом тексте.

Методы исследования: контекстуальный анализ, метод сплошной выборки, описательный метод, компонентный анализ, интерпретационный метод.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые исследуется функциональная специфика сравнения в пространстве художественного текста писателя А. Конан Дойля.

Результаты.

Приведем примеры из повести, распределяя их в соответствии с тематическими группами, при этом укажем, что под субъектом сравнения мы

понимаем то, что сравнивается (предмет, явление или признак) и под объектом сравнения – то, с чем сравнивается (предмет, явление или признак, который используется для характеристики субъекта).

I. Внешность персонажей.

1. Автор использует образные зооморфные сравнения (а именно: сравнения с хищной птицей) для описания характерных черт лица Шерлока Холмса в тот момент, когда внимание главного героя сконцентрировано на чем-либо чрезвычайно важном для него:

a) *He leaned forward in his chair with an expression of extraordinary concentration upon his clear-cut, **hawk-like** features* [8, с. 1] (*hawk-like* – ястребиный);

b) *... and his beady eyes gleaming and deep-set **like those of a bird*** [8, с. 1] (*like those of a bird* – как у птицы).

2. Шерлок Холмс рассуждает о сочетании некрасивой внешности человека с его прекрасными душевными качествами, доказывая таким образом, что впечатление от внешности может привести к неверному суждению о человеке, поскольку эмоции противоречат чистому разуму. В данном случае логическое сравнение выражено наивысшей степенью сравнения прилагательного: «**the most repellent man of my acquaintance is a philanthropist who has spent nearly a quarter of a million upon the London poor**» [8, с. 1] (*the most repellent* – самый отталкивающий).

3. Описание черт лица жертвы преступления (мертвого человека) представлено с помощью логического сравнения, т.е. конструкции, в состав которой входит сравнительная степень прилагательного: *The features were set, however, in a horrible smile < ... > which in that still and moonlit room was **more jarring to the nerves than any scowl or contortion*** [8, с. 3]. Используя конструкцию *more jarring ... than* (дословно *более сильно воздействующая ... чем*), автор демонстрирует ужас, охвативший доктора Уотсона при виде искаженного лица убитого человека.

4. Характеристика следов преступления дает представление о части тела преступника, а именно: о размере его стопы: *The floor was covered thickly with the prints of a naked foot < ... > perfectly formed, but scarce **half the size of those of an ordinary man*** [8, с. 3]. Это сравнение показывает, что оставленные отпечатки, вызвавшие недоумение у доктора Уотсона, были похожи на следы детских ног. Сравнительная конструкция (логическое сравнение) *half the size of those [foot] of an ordinary man* (в половину размера [ступни] человека) выражает сопоставление и несет понятие уменьшения в два раза.

5. В ходе расследования преступления Шерлок Холмс обращается к справочной литературе, чтобы найти ключ к разгадке «детских» следов,

найденных на месте преступления. Он находит нужную ему информацию о самом низкорослом племени в мире: «*The aborigens of the Andaman islands may perhaps claim the distinction of being the smallest race upon this earth*» [8, с. 5]. Здесь логическое сравнение выражено наивысшей степенью сравнения прилагательного (*the smallest* – *наименьший*).

6. В изображении внешности купца Ахмета присутствует сравнение образное зооморфное *like a mouse* (как мышь): ... *and his head kept turning to the left and right with two bright little twinkling eyes like a mouse when he ventures out from his hole* [8, с. 8]. Этот персонаж сравнивается с робкой мышью, поскольку в данном случае речь идет об абсолютно незащитном человеке, ощущающем сильный страх при входе в Агрскую крепость.

7. При описании лица Тонги, представителя племени каннибалов, автор использует сравнение с целью создать портрет человека, для которого крайняя жестокость, отражающаяся на его лице, является вполне естественным проявлением его натуры: *Never have I seen features so deeply marked with all bestiality and cruelty* [8, с. 6]. Сравнение, выраженное с помощью наречия степени *so*, не устанавливает логического сравнения, но подчеркивает степень признака: *so deeply marked with bestiality and cruelty* (так глубоко отмеченный зверством и жестокостью).

II. Внутренний мир персонажа.

1. Шерлок Холмс подвергает критике детективную повесть доктора Уотсона, поскольку считает несовместимым описание расследования преступления с какими бы то ни было лирическими отступлениями: «*You have attempted to tinge it with romanticism, which produces the same effect as if you worked a love-story or an elopement into the fifth proposition of Euclid*» [8, с. 1]. Конструкция *the same as if* в английском языке используется «для сравнения ситуаций, когда что-то происходит или выглядит так, как если бы произошло некое условное или гипотетическое событие» [7]. В данном случае – это конструкция *as if you worked a love-story into* (как если бы вы включили любовную историю в ...). Объект данного гипотетического сравнения – аксиома Эвклида, лежащая в основании классической планиметрии, – показывает, что Холмс приравнивает расследование преступления к точной науке.

2. Одна из ярких позитивных характеристик Шерлока Холмса как человека аналитического ума содержится в произнесенной им фразе: «... *and whatever is emotional is opposed to that true cold reason which I place above all things*» [8, с. 8]. Наречное выражение *above all the things* (превыше всего) не является сравнительной конструкцией в грамматическом смысле, но подчеркивает приоритет чего-либо по сравнению со всем остальным [6].

3. Доктор Уотсон упрекает своего друга в абсолютном отсутствии эмоций, называя его, а *calculating machine* (арифмометр): «*You really are <...> a calculating-machine!*» [8, с. 1]. Здесь мы отмечаем свернутое образное сравнение, т.е. метафору.

4. В показаниях Джонатана Смолла, персонажа, причастного к расследуемому преступлению, содержатся сравнения, характеризующие а) состояние духа его сообщника: «... *when I came up by the rope I found him strutting about as proud as a peacock*» [8, с. 8]. Устойчивое образное зооморфное сравнение *as proud as a peacock* (гордый, как павлин) используется носителями английского языка, чтобы охарактеризовать человека, проявляющего чрезмерное тщеславие или хвастовство; б) внутренний мир персонажей:

«... *he [Тонга, туземец Андаманских островов] was as venomous as a young snake*» [8, с. 8]. Объект образного зооморфного сравнения *a young snake* (змееныш) дает представление о человеческом существе маленького роста, наполненном злобной энергией;

«I [Джонатан Смолл] *would have thought no more knifing him than of smoking this cigar*» [8, с. 6]. Конструкция *no more than* используется в качестве логического сравнения. Она выражает равенство в отрицании. Прибегнув к сравнению *no more than of smoking this cigar* (дословно не более, чем выкурить эту сигару), Джонатан Смолл красноречиво повествует о том, насколько легко он мог бы совершить убийство ради мести.

III. Умственные способности. Интеллект

Следующие примеры логических сравнений содержат характеристику Шерлока Холмса а) как исключительно талантливого детектива и б) как человека, обладающего широкой эрудицией:

а) «...*here was indeed a labyrinth in which a man less singularly endowed than my fellow-lodger might well despair of ever finding the clue*» [8, с. 4]. Сравнение выражено конструкцией, в состав которой входит сравнительная степень сравнения прилагательного *less endowed* (менее одаренный). По словам доктора Уотсона, человек, менее одаренный, чем Холмс, не смог бы даже приблизиться к решению столь сложного дела.

«... *on the whole, I think he would have made a most promising officer*» [8, с. 6]. В этом примере автор прибегает к наивысшей степени сравнения прилагательного *most promising* (самый перспективный), чтобы ярко и убедительно охарактеризовать уникальные способности своего героя.

б) «*He spoke on a quick succession subjects, – on miracle-plays, on medieval pottery, on Stradivarius violins < ... > handing each as though he had made a special study of it*» [8, с. 6]. Доктор Уотсон в данном случае является свидетелем, а также и участником дружеской беседы, в ходе которой

Холмс демонстрирует свою осведомленность в разных областях знаний *as though he had made a special study of it* (как-будто он обладал специальными знаниями в каждой из них). Эффект сравнительной конструкции *as though* «создается на основе сравнения реальной, непосредственно наблюдаемой ситуации и интерпретации этой ситуации сторонним наблюдателем» [3, с. 33].

IV. Физические действия и физические качества человека.

Данная тематическая группа представлена различными зооморфными сравнениями.

1) Доктор Уотсон наблюдает за работой Холмса: *So swift, silent, and furtive were his movements, like those of a trained blood-hound picking out a scent* [8, с. 3]. Приведенное сравнение *like a blood-hound* (как чистокровная гончая) выражает намерение автора показать, как природный дар – интуиция, а также опыт и знания вели Холмса к намеченной цели, когда он был поглощен своим любимым делом.

2) описание процесса совершения преступлений:

а) «... *and close at his heels, bounding like a tiger, the great black-boarded Sikh*» [8, с. 8];

б) «... *and he [купец Ахмет] rolled twice over like a shot rabbit*» [8, с. 8]. Автор сравнивает убийцу с крупным, сильным хищником (*like a tiger – как тигр*), но жертву, человека, не способного себя защитить, – с маленьким, безобидным кроликом (*like a rabbit – как кролик*);

в) «*He could climb like a cat, – and he soon made his way through the roof*» [8, с. 8]. Сравнение с кошкой *like a cat* (как кошка) показывает необычные физические способности Тонги, сообщника Джонатана Смолла.

V. Транспортное средство.

В одном из эпизодов повести изображена погоня за предполагаемыми преступниками, в ходе которой был задействован полицейский катер: *With every throb of the engines we sprang and quivered like a living thing* [8, с. 6]. Прибегая к такому объекту образного сравнения, т.е. апелляции к живому организму (*a living thing – живое существо*) для описания лодки, мчащейся на большой скорости, писатель передает эмоциональную атмосферу эпизода: ощущение опасности, которой подвергаются Холмс и Уотсон, их огромное нервное напряжение.

VI. Органические вещества.

1. В рассматриваемом далее логическом сравнении отражена часть картины мира писателя

А. Конан Дойля, связанная с его профессией (в 1881 году он окончил Эдинбургский университет, получив степень бакалавра медицины): «*Death from some powerful vegetable alkaloid*», I answered, – «*some strychnine-like substance which would produce tetanus*» [8, с. 3]. Здесь объект сравнения – органическое вещество *strychnine-like* (подобное стрихнину). Сопоставляя предметы одного класса, автор дает объективную информацию, используя логическое сравнение как инструмент познания.

2. В следующем примере автор устами главного персонажа характеризует разницу между органическими веществами и таким образом демонстрирует исследовательский опыт и профессионализм Холмса: «*To the trained eye there is as much difference between the black ash of a Trichinopoly and the white fluff of bird's eye as there is between a cabbage and a potato*» [8, с. 1]. Человек непосвященный не способен различить пепел разных сортов табака, но для Холмса она так же очевидна, как и разница между такими непохожими представителями растительного мира, как *a cabbage and a potato* (капуста и картофель).

VII. Пейзаж

Обращаясь к доктору Уотсону, Холмс описывает городской пейзаж, каким он его видит в тот момент. Писатель использует здесь мрачную цветовую палитру, прибегая к сравнительной степени сравнения наречия. Пейзаж служит не только фоном, но и передает безрадостное настроение главного героя, находящегося на грани депрессии: «*See how the yellow fog swirls down the street and drifts across the dun-colored houses. What could be more hopelessly prosaic and material?*» [8, с. 1]. Сравнение *more hopelessly* (более безнадежно), являясь выражением эмоции, свидетельствует об абсолютном отсутствии оптимизма.

Заключение.

Итак, исследуемые нами сравнения, функционирующие в художественном юридическом дискурсе, разделяются на две категории: сравнения образные и логические. Логические сравнения в основном представлены степенями сравнения прилагательных и сравнительными конструкциями, в состав которых входят степени сравнения прилагательных. Объектами большинства образных сравнений являются животные. Сравнения, рассматриваемые как динамическая система, служат источником объективной информации (если это логические сравнения) или эффективным средством раскрытия художественных образов в тексте (в случае образных сравнений). В целом все они участвуют в создании дискурсивной образности произведения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс, 2007. 448 с.
2. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
3. Каверина О.А. Роль союзов if/as though в модальной категоризации действительности // Вестник ИГЛУ, 2011. С. 28–36. URL : cyberleninka.ru>article (дата обращения 08.05. 2026).
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2003. 300 с. ISBN: 5-8209-0279-3 EDN: OZNAAT
5. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Лекция восьмая // Русская словесность: Антология. М., 1997.
6. URL : dictionary.reverso.net/english-definition/above+all+things (дата обращения 10.05. 2026).
7. URL : yandex.ru/search (дата обращения 05.05.2026).
8. Conan Doyle A. The Sign of the Four. URL : litres.ru>book/arthur-konan-doyle/the-sign-of-the-four (дата обращения 15.04. 2026).

References:

1. Golub I.B. Stylistics of the Russian language. M. : Iris-press, 2007. 448 p.
2. Devyatova N.M. Comparison in the dynamic system of language. M. : LIBROCOM Book House, 2010. 320 p.
3. Kaverina O.A. The role of if/as though conjunctions in the modal categorization of reality // IGLU Bulletin. 2011. P. 28–36. URL : cyberleninka.ru>article (date of application 05/08/2026).
4. Lebedeva L.A. Stable comparisons of the Russian language: A short thematic dictionary. Krasnodar : Kuban State University, 2003. 300 p. ISBN: 5-8209-0279-3 EDN: OZNAAT
5. Potebnya A.A. From lectures on the theory of literature. A fable. Proverb. Proverb. The eighth lecture // Russian literature: An Anthology. M., 1997.
6. URL : dictionary.reverso.net/english-definition/above+all+things (date of application 05/10/2026).
7. URL : yandex.ru/search / (date of access: 05.05.2026).
8. Conan Doyle A. The Sign of the Four. URL : litres.ru >book/arthur-konan-doyle/the-sign-of-the-four (date of application 04/15/2026).

Информация об авторе

Горобец Алла Федоровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания и иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
Северо-Кавказский филиал
kunashir7@yandex.ru

Alla F. Gorobets

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Linguistics and Foreign Languages
V.M. Lebedev Russian State University of Justice,
North Caucasus branch
kunashir7@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-5>

УДК 081

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК В СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАК РЕАКЦИЯ НА МАССОВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ ТЕКСТОВ

Кайзер Б.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В условиях интенсивного развития нейросетей исследователи фиксируют значительное изменение в области сетевой литературы, связанное как с возникновением многочисленных сгенерированных литературных текстов, так и с изменением языковых характеристик текстов, публикуемых авторами, противопоставляющими себя создателям генеративного контента. Появляются новые специфические тренды, связанные с подчеркиванием «человеческого» происхождения текста за счет намеренного внедрения в него стилистических и грамматических ошибок, нарушения композиции текста, изменения его стилистических характеристик. В статье изучаются основные тенденции изменения языковых характеристик литературных текстов, публикуемых на уровне современных сетевых литературных порталов.

Ключевые слова: нейросети, литература, сетевая литература, сгенерированные тексты, «человеческий» стиль.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATION OF LINGUISTIC PRACTICES IN ONLINE LITERATURE AS A RESPONSE TO THE PROLIFERATION OF AI-GENERATED TEXTS

Beata A. Kaiser

Kuban State University

Abstract. The rapid development of neural network technologies has brought about significant changes in online literature. These changes are associated both with the growing number of AI-generated literary texts and with shifts in the linguistic characteristics of works published by authors who seek to distinguish themselves from creators of generative content. New specific trends are emerging that emphasize the «human» origin of a text through the deliberate introduction of stylistic and grammatical errors, disruptions of textual composition, and modifications of stylistic features. This article examines the major trends in the transformation of the linguistic characteristics of literary texts published on contemporary online literary platforms.

Keywords: neural networks, literature, online literature, AI-generated texts, «human» style.

Funding: Independent work.

Развитие технологий оказывает неизбежное влияние на культуру и язык, что связано с множеством факторов, начиная с изменения механизмов коммуникации, и заканчивая средствами запечатления, обработки и презентации информации того или иного рода. Неслучайно еще М. Маклюэн говорил о том, что возникновение новых каналов информационного взаимодействия неизбежно создает и новые форматы культурной продукции [10]. Однако на современных условиях влияние технологий на культуру существенно изменилось, что связано с возникновением новых технологических средств, способных к машинной генерации информационной продукции, ранее производимой исключительно усилиями людей. Буквально за несколько лет

алгоритмы нейросетей прошли колоссальный путь развития, в результате которого появилась возможность генерации литературных текстов, слабо отличимых от произведений, написанных людьми: современные инструменты позволяют настраивать стилистику, авторскую интонацию, словарный запас, характер применяемых образов и аллегорий, а также ряд других специфических параметров, определяющих воспринимаемую индивидуальность авторского текста. На этом фоне возникает специфическая тенденция, заслуживающая внимания: обширное распространение генеративных текстов приводит к изменению языковых практик, реализуемых действующими авторами, противопоставляющими свои произведения LLM-текстам.

В рамках настоящей статьи производится рассмотрение этого сдвига в языковой сфере, связанного с целенаправленными попытками отчетливой демонстрации «естественного происхождения» публикуемых литературных текстов.

Материалы и методы.

При подготовке настоящего исследования использовались как общенаучные методы, так и элементы специальной методологии. К числу общенаучных методов, задействованных в работе, относятся методы анализа, сравнения, обобщения и дедукции. Также в ходе исследования применяется стилистический анализ текстов и дискурсивный анализ.

К числу основных материалов, которые были проанализированы в процессе исследования, относятся:

- массив сетевых публикаций на литературном портале Author.today, включая работы, помеченные самими авторами как результат нейросетевой генерации;
- исследования, посвященные специфике сетевой литературы как развивающегося в последние годы сегмента культурно-информационной среды, объединяющего в общем коммуникативном пространстве авторов и их аудиторию. Сюда входят, в частности:
- исследования, проведенные Н.К. Хэйлс [3], С. Реттбергом [8], И. Зубченко [9];
- работы, посвященные динамике развития нейросетевого контента в литературной сфере, в частности — полностью сгенерированных при помощи нейросети литературных текстов, публикуемых в Интернет-пространстве. Проанализированы исследования таких авторов, как И. Реймерс, Дж. Вальдфогель [7], М. Джерентрап, М. Вилальба [4].
- работы, в которых исследуются отдельные аспекты влияния нейросетевой генерации литературных текстов на языковые особенности текстов, публикуемых авторами, противопоставляющими себя пользователям нейросетевого инструментария в литературной сфере. Сюда входят работы таких авторов, как Р. Алфасси, А. Купер, З. Митчелл, М. Калабро, О. Шаер, О. Мокрин [1], К. Геро, М. Десай, К. Шнитцлер, Н. Эом, Дж. Кушман, Е. Глассман [2], Е. Мэдден [5], Дж. О`Салливан [6].

Результаты.

В настоящее время одной из значимых особенностей трансформации литературной сферы становится уход ряда авторов от модели публикационной деятельности, связанной с крупными издательствами, к переходу в сетевое пространство и размещению собственных произведений на крупных сетевых литературных порталах, аудитория которых в настоящее время исчисля-

ется сотнями тысяч пользователей. Это позволяет судить о том, что сетевая литература со временем приобретает все более высокое влияние на литературную среду в целом.

Одной из особенностей современной сетевой литературы является отсутствие обязательных редакционных стандартов (и, в целом, проводимой предпубликационной редакционной работы над текстами). В большинстве случаев литературные работы публикуются в формате самиздата, в авторской редакции. И в этом контексте, на протяжении длительного времени наличие ошибок в тексте рассматривалось, преимущественно, как показатель языковых компетенций автора и, в области коммерческой литературы — как показатель отношения к читателям. Это позволяет судить о том, что в сетевой литературе стилистические, грамматические и орфографические ошибки были представлены еще до распространения генеративных текстов, однако, такого рода огрехи воспринимались негативно и, на уровне успешных коммерческих проектов, зачастую купировались посредством проведения редакционной работы над текстом.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что в период обширного распространения нейрогенеративных текстов возникло две значимые тенденции:

- формирования значительного количества стилистически сходных друг с другом «стерильных» генерированных текстов, обладающих сходными композиционными характеристиками, структурой текста, особенностями авторской интонации, и при этом, практически не содержащих явных стилистических, грамматических и пунктуационных ошибок;
- возникновения мощного тренда на проявление индивидуальности и, что не менее важно, «естественности» в написании текста, что привело, прежде всего, к изменению критериев оценивания литературного текста: несовершенство стало рассматриваться как одно из основных свидетельств «человеческого» происхождения размещаемых литературных работ. Авторы стали чаще ориентироваться на разговорный стиль, рваный ритм повествования, допущение синтаксических нарушений и общей шероховатости текста.

Сказанное выше свидетельствует о том, что в настоящее время возникла совокупность антинейросетевых стилистических маркеров, которые рассматриваются как представителями читательской аудитории, так и писателями, в роли одного из качественных показателей, причем для ряда из них имел место диаметральный поворот в восприятии (от ошибок как показателя безграмотности и непрофессионализма к ошибкам, как показателю добросовестности автора, который пишет «самостоятельно», без помощи нейросети).

Таким образом, можно судить о том, что на текущем этапе область сетевой литературы проходит разворот в сторону подчеркнуто небрежного стиля написания, что представляет собой специфическую реакцию со стороны читательской аудитории и действующих авторов на засилье однообразных, стилистически выверенных генеративных текстов. Такого рода тренд на индивидуальность текста связан, прежде всего, с изменением стандартов оценивания, произошедшим как реакция аудитории на засилье LLM-текстов.

Обсуждение.

В контексте достигнутых результатов дискуссионный характер сохраняет вопрос о том, насколько долговременными становятся наблюдаемые тенденции с учетом того, что алгоритмы генерации литературных текстов непрерывно совершенствуются, в связи с чем возникает возможность «очеловечивания» генеративных текстов. Техническая доступность, даже при росте реальных возможностей ИИ, все также не тождественна культурной легитимности. Более того, впервые в массовом масштабе становится возможной ситуация, при которой языковое преодоление границы предшествует институциональному признанию текста.

Технологическое расширение переводимости не превращается в автоматическую демократизацию мировой литературы. Нейронные модели существенно различаются по качеству для высоко- и низкоресурсных языков. Кроме того, доступ

к иностранным текстам предполагает цифровую грамотность, умение оценивать машинный перевод и способность ориентироваться в среде информационного избытка. Поэтому, несмотря на массовость явления, прежнее языковое неравенство не исчезает, а частично преобразуется. К владению иностранным языком как форме культурного капитала добавляются навыки поиска, верификации и алгоритмической навигации. Одновременно сохраняются структурные преимущества аутентичной литературы, изначально обладающей высоким символическим капиталом.

Заключение.

Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что тенденция стилистического изменения литературных текстов в сторону нарушения баланса и композиции текста, формирования стандартов допустимости стилистических, грамматических и орфографических ошибок, наблюдаемая исследователями, будучи значительной по своим масштабам, однако же, не охватывает сетевую литературу в целом. В частности, состоявшие авторы с узнаваемым авторским стилем, а также представители нишевых некоммерческих жанров и направлений в значительно меньшей степени испытывают необходимость обоснования «человеческого происхождения» публикуемых текстов. Однако для наиболее популярных и востребованных в читательской среде жанровых направлений указанные тенденции проявляются с высокой долей интенсивности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Fanfiction in the Age of AI: Community Perspectives on Creativity, Authenticity and Adoption / R.Alfassi [et al.] // International Journal of Human-Computer Interaction. 2026. Vol. 42. № 5. P. 3062–3094. DOI: 10.1080/10447318.2025.2531272
2. Creative Writers' Attitudes on Writing as Training Data for Large Language Models / K.I. Gero [et al.] // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25). New-York : ACM, 2025. Art. 1118. 16 p. DOI: 10.1145/3706598.3713287
3. Hayles N.K. Electronic Literature: New Horizons for the Literary. Notre Dame, IN : University of Notre Dame Press, 2008. Vol. XIII. 223 p.
4. Jerrentrup M.T. When a Dialog becomes a Monologue: A Debate on Custom-Made Literature with Generative AI / M.T. Jerrentrup, M.F. Villalba // Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Special Interest Group on Discourse and Dialogue. Avignon, France : Association for Computational Linguistics, 2025. P. 159–165.
5. Madden E. More Typos, Fewer Em Dashes: Writers Are Creating an Anti-AI «Literary Counterculture» / WIRED. URL : <https://www.wired.com/story/more-typo-fewer-em-dashes-writers-are-creating-an-anti-ai-literary-counterculture> (date of application 31.08.2026).
6. O'Sullivan J. Stylometric comparisons of human versus AI-generated creative writing // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 1708. DOI: 10.1057/s41599-025-05986-3

7. Reimers I. AI and the Quantity and Usage of Creative Products: Have LLMs Boosted Creation of Valuable Books? / I. Reimers, J. Waldfogel. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2026. NBER Working Paper № 34777. DOI: 10.3386/w34777
8. Rettberg S. Electronic Literature. - Cambridge, UK; Medford, MA : Polity Press, 2019. VII. 247 p.
9. Зубченко И. Литература и сетература в Рулинете // Poljarnyj vestnik. 2007. Vol. 10. P. 5–13. DOI: 10.7557/6.1306
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн; Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с. ISBN: 5-86090-102-X EDN: QOCITF

References:

1. Fanfiction in the Age of AI: Community Perspectives on Creativity, Authenticity and Adoption / R.Alfassi [et al.] // International Journal of Human-Computer Interaction. 2026. Vol. 42. № 5. P. 3062–3094. DOI: 10.1080/10447318.2025.2531272
2. Creative Writers' Attitudes on Writing as Training Data for Large Language Models / K.I. Gero [et al.] // Proceedings of the 2025 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25). New-York : ACM, 2025. Art. 1118. 16 p. DOI: 10.1145/3706598.3713287
3. Hayles N.K. Electronic Literature: New Horizons for the Literary. Notre Dame, IN : University of Notre Dame Press, 2008. Vol. XIII. 223 p.
4. Jerrentrup M.T. When a Dialog becomes a Monologue: A Debate on Custom-Made Literature with Generative AI / M.T. Jerrentrup, M.F. Villalba // Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Special Interest Group on Discourse and Dialogue. Avignon, France : Association for Computational Linguistics, 2025. P. 159–165.
5. Madden E. More Typos, Fewer Em Dashes: Writers Are Creating an Anti-AI «Literary Counterculture» / WIRED. URL : <https://www.wired.com/story/more-typos-fewer-em-dashes-writers-are-creating-an-anti-ai-literary-counterculture> (date of application 31.08.2026).
6. O'Sullivan J. Stylometric comparisons of human versus AI-generated creative writing // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 1708. DOI: 10.1057/s41599-025-05986-3
7. Reimers I. AI and the Quantity and Usage of Creative Products: Have LLMs Boosted Creation of Valuable Books? / I. Reimers, J. Waldfogel. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2026. NBER Working Paper № 34777. DOI: 10.3386/w34777
8. Rettberg S. Electronic Literature. - Cambridge, UK; Medford, MA : Polity Press, 2019. VII. 247 p.
9. Zubchenko I. Literature and seliterature in the Rulinet // Poljarnyj vestnik. 2007. Vol. 10. P. 5–13. DOI: 10.7557/6.1306
10. McLuhan, M. Understanding media: external human extensions / M. McLuhan; translated from English by V. G. Nikolaeva. M.; Zhukovsky : CANON Press-C: Kuchkovo pole, 2003. 464 p. ISBN: 5-86090-102-X EDN: QOCITF

Информация об авторе

Кайзер Беата Андреевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
milena.555@mail.ru

Beata A. Kaiser

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of English in the Professional Sphere,
Kuban State University
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-6>

УДК 811.161.1:811.111:378.147

Attribution

cc by

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (РУССКИЕ ПАДЕЖИ – АНГЛИЙСКИЕ ПРЕДЛОГИ) В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Кашдаева Д.И.

Дагестанский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрены способы выражения пространственных отношений в русском и английском языках в аспекте преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Цель исследования – выявить функционально-семантические соответствия между русскими пространственными предложно-падежными конструкциями и английскими предлоговыми моделями, а также определить зоны межъязыковой интерференции, значимые для обучения РКИ. Установлено, что русские пространственные конструкции обладают более выраженной морфологической дифференциацией, поскольку падеж участвует в разграничении статической и динамической локализации: в комнате – в комнату, на столе – на стол. В английском языке аналогичные различия чаще передаются предлогом, глагольной семантикой или контекстом. Выявлены основные зоны интерференции: буквальный перенос английских предлогов in, on, at, to, from на русские конструкции, смешение моделей где?, куда?, откуда?, а также неправильный выбор русской модели исходной точки движения. Научная новизна работы состоит в представлении русско-английских пространственных соответствий не как набора переводных эквивалентов, а как системы функционально-семантических моделей, ориентированных на задачи преподавания РКИ. Предложенная классификация пространственных отношений может быть использована при разработке учебных объяснений, таблиц, переводных заданий и упражнений, направленных на предупреждение интерференционных ошибок у англоязычных учащихся.

Ключевые слова: пространственные отношения, предложно-падежные конструкции, русские падежи, английские предлоги, сопоставительный анализ, русский язык как иностранный, РКИ, интерференция, функционально-семантический подход.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE WAYS OF EXPRESSING SPATIAL RELATIONS (RUSSIAN CASES – ENGLISH PREPOSITIONS) IN THE CONTEXT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Diana I. Kashdayeva

Dagestan State University

Abstract. The article examines the ways of expressing spatial relations in Russian and English in the context of teaching Russian as a foreign language (RFL). The aim of the study is to identify functional and semantic correspondences between Russian spatial prepositional-case constructions and English prepositional models, as well as to determine the areas of interlingual interference that are significant for RFL teaching. It has been established that Russian spatial constructions have a more pronounced morphological differentiation, since case is involved in distinguishing between static and dynamic localization: in the room – into the room, on the table – onto the table. In English, similar differences are more often conveyed by prepositions, verb semantics, or context. The main areas of interference have been identified: the literal transfer of English prepositions in, on, at, to, from onto Russian constructions, the mixing of the models where?, where to?, where from?, as well as the incorrect choice of the Russian model for the starting point of movement. The scientific novelty of the work lies in presenting Russian-English spatial correspondences not as a set of translation equivalents, but

as a system of functional-semantic models oriented towards the tasks of teaching Russian as a foreign language. The proposed classification of spatial relationships can be used in the development of educational explanations, tables, translation tasks, and exercises aimed at preventing interference errors among English-speaking students.

Keywords: spatial relations, prepositional-case constructions, Russian cases, English prepositions, comparative analysis, Russian as a foreign language, RFL, interference, functional-semantic approach.

Funding: Independent work.

Введение

Пространственные отношения относятся к числу базовых категорий языкового отражения действительности, поскольку через них человек описывает положение предметов, направление движения, границы, удалённость, контакт, включённость и другие типы ориентации объекта в пространстве. В разных языках эти отношения получают неодинаковое грамматическое и лексико-семантическое выражение. В русском языке значительная часть пространственных значений реализуется посредством предложно-падежных конструкций, где семантика отношения распределяется между предлогом, падежной формой имени и лексическим значением существительного. В английском языке аналогичные отношения, как правило, выражаются преимущественно системой предлогов, в которой один и тот же предлог способен охватывать широкий круг пространственных и переносных значений. Именно поэтому сопоставление русских падежей и английских предлогов представляет интерес не только для теоретической лингвистики, но и для методики преподавания русского языка как иностранного.

Сопоставительный аспект данной проблемы представлен в работах А. Ченки, Л.Г. Петровой и других исследователей, обращающихся к русско-английским соответствиям в области пространственной семантики [1; 2; 3]. Существенным является то, что при переводе или обучении невозможно ограничиться прямым соотношением единиц типа *в* – *in*, *на* – *on*, *к* – *to*, *из* – *from*. Например, английское *in* может соответствовать русским конструкциям *в доме*, *в городе*, *на фотографии*, а русское *на* в зависимости от ситуации передаётся английскими *on*, *at*, *in*, *to* и другими предлогами. В результате сопоставление должно учитывать не отдельные слова, а целостные модели выражения пространственного отношения: локализацию, направление внутрь, движение к ориентиру, удаление от ориентира, нахождение на поверхности, пересечение пространства и т.д.

Особое место в исследовании пространственной семантики занимают работы, посвящённые английским предлогам. В трудах А. Херскович, Д. Беннета, А. Тайлер и В. Эванса показано, что английские предлоги не могут быть сведены к набору механически запоминаемых эквивалентов, поскольку их употребление зависит от типа пространственной сцены, характера объекта,

точки отсчёта и контекста [4; 5; 6]. Современные исследования также подчёркивают высокую степень полисемии английских предлогов. Так, Н. Шнайдер и соавторы отмечают: «Semantic relations are often signaled with prepositional or possessive marking – but extreme polysemy bedevils their analysis and automatic interpretation» (семантические отношения часто обозначаются предложной или притяжательной формой, но крайняя многозначность затрудняет их анализ и автоматическую интерпретацию) [7, p. 185]. Эта мысль принципиальна для сопоставительного анализа, так как показывает, что английский предлог нельзя рассматривать как однозначный аналог русского предлога или падежной формы.

Особую значимость данный вопрос приобретает в аспекте преподавания РКИ. Для англоязычных учащихся трудность заключается не только в усвоении падежных окончаний, но и в понимании того, как падеж участвует в формировании значения всей конструкции. В английском языке пространственная семантика в большей степени концентрируется в предлоге, тогда как в русском языке она распределена между предлогом и падежом. Поэтому учащиеся нередко переносят модели родного языка на русский материал, что приводит к ошибкам типа смещения конструкций *в комнате и в комнату, на столе и на стол, из школы и со школы, к дому и в дом*. Явление межъязыковой интерференции в этой области требует специального методического осмысления, поскольку формальное заучивание падежных окончаний не обеспечивает полноценного владения пространственными конструкциями.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и описании способов выражения пространственных отношений в русском и английском языках на материале русских предложно-падежных конструкций и английских предлогов, а также в определении методически значимых зон сходства, различия и интерференции при обучении русскому языку как иностранному.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили русские предложно-падежные конструкции, выражающие пространственные отношения, и их английские функциональные соответствия. В качестве основного языкового материала рассматривались конструкции с предлогами *в*, *на*, *к*, *из*, *с*, *от*, *у*, *под*, *над*, *за*, *перед*, *между*, *через*, по в сочетании с формами винительного, предложного, роди-

тельного, дательного и творительного падежей. Для сопоставления использовались английские пространственные предлоги *in, into, on, onto, at, to, from, out of, near, by, under, over, behind, in front of, between, though, along*. Отбор материала был ориентирован на качественный анализ типичных моделей пространственной семантики, а не на количественно-статистическое описание частотности.

Методы исследования определяются целью работы и характером анализируемого материала. Описательный метод позволил охарактеризовать основные типы пространственных отношений, выражаемых русскими предложно-падежными конструкциями и английскими предлогами. Сопоставительный метод использовался для выявления сходств и различий между русскими и английскими способами выражения пространственной семантики. Метод компонентного анализа применялся для выделения семантических признаков локализации, направления, исходной точки, предела движения, контакта, внутренней или внешней ориентации объекта. Контекстуальный анализ позволил учитывать зависимость значения конструкции от глагольной семантики, лексического окружения и типа пространственной ситуации. Метод лингвометодической интерпретации был направлен на определение тех языковых явлений, которые представляют наибольшую трудность для англо-

язычных учащихся и требуют специального объяснения в аудитории РКИ.

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ показал, что пространственные отношения в русском и английском языках выражаются разными структурными средствами. В русском языке пространственная семантика формируется не только предлогом, но и падежной формой имени. В английском языке основная смысловая нагрузка чаще сосредоточена в предлоге или предложной группе. Это различие имеет принципиальное значение для преподавания русского языка как иностранного, поскольку англоязычные учащиеся нередко пытаются установить соответствие между английским предлогом и русским предлогом, не учитывая роли падежа.

В результате анализа были выделены несколько основных типов пространственных отношений: статическая локализация, направление движения внутрь или на поверхность, движение к ориентиру, движение от ориентира, расположение рядом с объектом, вертикальная ориентация, фронтальная и тыльная локализация, пересечение пространства и движение вдоль ориентира. Каждый из этих типов в русском языке имеет собственные предложно-падежные модели, которые не всегда совпадают с английскими предлоговыми конструкциями.

Таблица 1

Основные русско-английские модели пространственных отношений

Значение	Русская модель	Английская модель	Методический комментарий
Внутри, где?	в + предложный	<i>in</i>	в комнате
Внутрь, куда?	в + винительный	<i>into / to</i>	в комнату
На поверхности, где?	на + предложный	<i>on</i>	на столе
На поверхность, куда?	на + винительный	<i>onto / to</i>	на стол
К ориентиру	к + дательный	<i>to / toward</i>	к дому: не обязательно внутрь
Исходная точка	из / с / от + родительный	<i>from / out of / off</i>	внутри / с поверхности / удаление
Близость	у / около + родительный	<i>near / by / at</i>	<i>at</i> не имеет одного русского соответствия
Под / за: где? и куда?	творительный / винительный	<i>under / behind</i>	падеж различает состояние и направление
Траектория	через + вин.; по + дат.	<i>through / across / along</i>	пересечение или движение вдоль

Данные таблицы показывают, что в русском языке одна и та же предлоговая единица может выражать разные пространственные значения в зависимости от падежа. Так, конструкции *в комнате* и *в комнату* содержат один и тот же предлог *в*, однако различаются по падежной форме: предложный падеж обозначает местонахождение, а винительный – направление движения. В английском языке это различие чаще выражается разными предлогами или предговыми соче-

таниями: *in the room* и *into the room*. Аналогичная закономерность наблюдается в парах *на столе – на стол*, *под столом – под стол*, *за домом – за дом*. Следовательно, при обучении РКИ важно показывать учащимся не отдельный предлог, а целостную модель: предлог + падеж + тип пространственной ситуации.

Особую трудность для англоязычных учащихся представляет разграничение статической и ди-

намической локализации. В английском языке различие между положением и направлением может выражаться специальными предлогами: *in – into, on – onto, at – to*. В русском языке данное противопоставление во многих случаях передаётся падежом. Поэтому именно падеж становится главным средством смыслового различения.

Наиболее показательным является английский предлог *at*, поскольку он не имеет прямого соответствия в русском языке. В зависимости от контекста он может передаваться конструкциями *у окна, в школе, на станции, за столом, при университете*. Для англоязычного учащегося это создаёт особую трудность: в родном языке используется один предлог, тогда как в русском требуется выбрать не только предлог, но и падежную форму. Следовательно, при обучении

необходимо объяснять не перевод предлога *at*, а тип ситуации, которую он обозначает.

Аналогичная проблема наблюдается при переводе английского *from*. В русском языке ему могут соответствовать конструкции *из дома, со стола, от окна*. Эти варианты не являются взаимозаменяемыми. Конструкция *из + родительный падеж* указывает на движение изнутри наружу, *с + родительный падеж* – на движение с поверхности или из пространства, концептуализируемого как поверхность, а *от + родительный падеж* – на удаление от ориентира. Поэтому английское *from* должно рассматриваться как обобщённая форма, которая в русском языке требует более точной пространственной интерпретации.

Таблица 2

Типичные ошибки англоязычных учащихся

Английская модель	Ошибочная форма	Нормативная форма	Причина
in the street	в улице	на улице	in не всегда соответствует в
at school	у школы / на школе	в школе	at зависит от ситуации
to school	к школе	в школу	цель движения – учреждение, а не только ориентир
from school	от школы	из школы	выход из внутреннего пространства
from the table	из стола	со стола	исходная точка – поверхность
under / behind	под стол / за дом	где? под столом, за домом; куда? под стол, за дом	падеж выражает статичность или направление

Представленные данные позволяют выделить три основных типа интерференционных ошибок. Первый тип связан с прямым переводом английского предлога на русский язык без учёта падежа. Второй тип обусловлен неразличением статической и динамической локализации. Третий тип связан с неправильным выбором русской пространственной модели: внутреннее пространство, поверхность, точка ориентира, исходная точка, направление к объекту.

Данная классификация позволяет представить пространственные конструкции не как разрозненный набор правил, а как систему. Для учебных целей особенно важно начинать не с перечня предлогов, а с вопроса о типе пространственного отношения: где находится объект, куда он движется, откуда он движется, по какой траектории перемещается. Такой подход соответствует функционально-семантическому описанию грамматики, поскольку грамматическая форма объясняется через её значение и коммуникативную функцию.

В результате исследования установлено, что наиболее продуктивной для преподавания является модель, основанная на противопоставлении вопросов *где?, куда? и откуда?*. В русском языке

ке эти вопросы связаны с разными падежными формами и предлогами, тогда как в английском языке они часто выражаются через изменение предлога, глагола или контекста.

Полученные результаты подтверждают функционально-семантические различия в выражении пространственных отношений. В английском языке значение обычно передаётся предлогом, а в русском формируется сочетанием предлога, падежа и лексического значения слова [6; 8; 9; 10]. Пары *в комнате – в комнате, на столе – на столе* показывают, что падеж различает статическое положение и направление движения [11; 12; 13; 14].

Прямые соответствия английских и русских предлогов ограничены. Например, *in* может переводиться как *в* или *на*, *at* – как *у*, *в*, *на*, *за*, а *from* – как *из*, *с*, *от*. Выбор зависит от типа пространственного отношения, поэтому механический перевод предлогов невозможен [4; 5; 7; 15].

Основные трудности англоязычных учащихся связаны с интерференцией: *в улице, от школы, в столе*. Обучение следует строить через определение ситуации: где?, куда?, откуда? и по какой траектории? Такой подход помогает осознанно выбирать предложно-падежную кон-

струкцию и эффективен в преподавании РКИ [16; 17; 18; 19].

Заключение

Проведённое исследование показало, что способы выражения пространственных отношений в русском и английском языках имеют различную грамматическую организацию. В английском языке пространственная семантика в значительной степени передаётся предлогами, глагольной семантикой и контекстом, тогда как в русском языке она формируется взаимодействием предлога, падежной формы и лексического значения существительного. Поэтому русские конструкции типа в комнате – в комнате, на столе – на столе, из школы – со стола – от дома не могут быть объяснены через простое соответствие английским предлогам in, into, on, to, from.

В результате анализа установлены три группы методически значимых различий. Первая связана с разграничением статической и динамической локализации, которое в русском языке регу-

лярно выражается падежом. Вторая относится к выбору модели исходной точки движения: из + родительный падеж, с + родительный падеж, от + родительный падеж. Третья группа связана с полисемией английских предлогов in, on, at, to, from, которые в русском языке могут соответствовать разным предложно-падежным конструкциям в зависимости от типа пространственной ситуации.

Выявлены основные зоны потенциальной интерференции у англоязычных учащихся: буквальный перенос английского предлога на русский язык, смешение моделей где? – куда? – откуда?, неразличение внутреннего пространства, поверхности и точки ориентира, а также недостаточный учёт роли падежа как смысло-различительного компонента. Это позволяет рассматривать ошибки типа в улице вместо на улице, от школы вместо из школы, из стола вместо со стола не как случайные нарушения, а как закономерный результат переноса английских моделей пространственной концептуализации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Петрова Л.Г. Английские и русские пространственные предлоги как способ выражения значения динамической локализации / Л.Г. Петрова, Н.Н. Шевченко, А.В. Елфимова // Педагогический вестник. 2021. № 18. С. 54–57. EDN: GUCERU
2. Петрова Л.Г. Русские и английские предложно-падежные конструкции с пространственной семантикой: сравнительный анализ в учебных целях / Л.Г. Петрова, А.Г. Мартиросян, Н.Н. Шевченко // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-4. С. 209–211. EDN: MAGLSJ
3. Cienki A.J. Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian. München : Otto Sagner, 1989. 172 p. DOI: 10.3726/b12805 EDN: FLDEFT
4. Bennett D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions: An Essay in Stratificational Semantics. London : Longman, 1975. 235 p.
5. Herskovits A. Language and Spatial Cognition: An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. URL : <https://archive.org/details/languagespatialc0000hers> (date of application 01.06.2026).
6. Tyler A. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition / A. Tyler, V. Evans. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. URL : <https://www.cambridge.org/core/books/semantics-of-english-prepositions/039E17D16E88E1FA3B582EED8019A38C> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1017/CBO9780511486517 ISBN: 0-521-81430-8 EDN: NJCDOX
7. Comprehensive Supersense Disambiguation of English Prepositions and Possessives / N. Schneider [et al.] // Proceedings of ACL 2018.2018. URL : <https://aclanthology.org/P18-1018> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.18653/v1/P18-1018
8. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
9. Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. URL : <https://www.cambridge.org/core/books/space-in-language-and-cognition/D07AD2885A025E00B1C94ED722071D80> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1017/CBO 9780511613609
10. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics : 2 vol. set. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. URL : <https://mitpress.mit.edu/9780262700986/toward-a-cognitive-semantics-2-volume-set> (date of application 01.06.2026).

11. Дремов А.Ф. Зоны и таксис: локативная семантика русских падежей с позиций современной системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 789–809. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809 EDN: QNJPEA
12. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967. 370 с. EDN: VOOSTD
13. Норман Б.Ю. Значение падежа и лексические пределы его действия (с особым вниманием к предложно-падежным формам) // Language and Method. 2012. № 1. С. 253–265.
14. Русская грамматика : в 2 т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко [и др.]; Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфологию. Словообразование. Морфология.
15. Srikumar V. Modeling Semantic Relations Expressed by Prepositions / V. Srikumar, D. Roth. // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2013. Vol. 1. P. 231–242. URL : <https://aclanthology.org/Q13-1019> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1162/tacl_a_00223
16. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М. : ИКАР, 2009. 448 с. EDN: XQRFTT
17. Арбузова И.И. Языковая интерференция и ее учет в преподавании темы «Русские пространственные предлоги» в иностранной аудитории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2013. № 1. С. 143–150. EDN: PYQXJR
18. Ли Д. Методика преподавания предлогов на занятиях по русскому языку как иностранному / Д. Ли, И.В. Кирилова // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 85–89. DOI: 10.26170/ro19-04-11 EDN: ZHCMCT
19. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2017. - 509 с. ISBN: 978-5-9765-2687-7 EDN: NDHLDN

References:

1. Petrova L.G. English and Russian spatial prepositions as a way of expressing the meaning of dynamic localization / L.G. Petrova, N.N. Shevchenko, A.V. Elfimova // Pedagogical Bulletin. 2021. № 18. P. 54–57. EDN: GUCERU
2. Petrova L.G. Russian and English prepositional-case constructions with spatial semantics: a comparative analysis for educational purposes / L.G. Petrova, A.G. Martirosyan, N.N. Shevchenko // Problems of modern teacher education. 2020. № 66-4. С. 209–211. EDN: MAGLSJ
3. Cienki A.J. Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian. München : Otto Sagner, 1989. 172 p. DOI: 10.3726/b12805 EDN: FLDEFT
4. Bennett D.C. Spatial and Temporal Uses of English Prepositions: An Essay in Stratificational Semantics. London : Longman, 1975. 235 p.
5. Herskovits A. Language and Spatial Cognition: An Interdisciplinary Study of the Prepositions in English. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. URL : <https://archive.org/details/languagespatialc0000hers> (date of application 01.06.2026).
6. Tyler A. The Semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Meaning and Cognition / A. Tyler, V. Evans. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. URL : <https://www.cambridge.org/core/books/semantics-of-english-prepositions/039E17D16E88E1FA3B582EED8019A38C> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1017/CBO9780511486517 ISBN: 0-521-81430-8 EDN: NJCDOX
7. Comprehensive Supersense Disambiguation of English Prepositions and Possessives / N. Schneider [et al.] // Proceedings of ACL 2018.2018. URL : <https://aclanthology.org/P18-1018> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.18653/v1/P18-1018
8. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford : Stanford University Press, 1987. 540 p.
9. Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. URL : <https://www.cambridge.org/core/books/space-in-language-and-cognition/AD2885A025E00B1C94ED722071D80> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1017/CBO 9780511613609
10. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics : 2 vol. set. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. URL : <https://mitpress.mit.edu/9780262700986/toward-a-cognitive-semantics-2-volume-set> (date of application 01.06.2026).
11. Dremov A.F. Zones and taxis: the locative semantics of Russian cases from the perspective of modern systemic linguistics // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2019. Vol. 10. № 4. P. 789–809. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809 EDN: QNJPEA
12. Zaliznyak A.A. Russian nominal inflection. M. : Nauka Publ., 1967. 370 p. EDN: VOOSTD
13. Norman B.Y. The meaning of the case and the lexical limits of its action (with special attention to prepositional-case forms) // Language and Method. 2012. № 1. P. 253–265.
14. Russian grammar : in 2 vol. / Editor: N.Y. Shvedova, N.D. Arutyunova, A.V. Bondarko [et al.]; Chief editor N.Y. Shvedova. M. : Nauka Publ., 1980. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. An introduction to morphemics. Word formation. Morphology.
15. Srikumar V. Modeling Semantic Relations Expressed by Prepositions / V. Srikumar, D. Roth. // Transactions of the Association for Computational Linguistics. 2013. Vol. 1. P. 231–242. URL : <https://aclanthology.org/Q13-1019> (date of application 01.06.2026). DOI: 10.1162/tacl_a_00223

16. Azimov E.G. A new dictionary of methodological terms and concepts: theory and practice of language teaching / E.G. Azimov, A.N. Shchukin. M. : ICARUS, 2009. 448 p. EDN: XQRFTT
17. Russian spatial prepositions in a foreign audience / I.I. Arbuzova, Arbuzova I.I. Language interference and its consideration in teaching the topic «Russian spatial prepositions» in a foreign audience. // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2013. № 1. P. 143–150. EDN: PYQXJR
18. Lee D. Methods of teaching prepositions in Russian as a foreign language classes / D. Lee, I.V. Kirilova // Teacher education in Russia. 2019. № 4. P. 85–89. DOI: 10.26170/po19-04-11 EDN: ZHCMCT
19. Shchukin A.N. Methods of teaching Russian as a foreign language : textbook. 4th ed., ster. M. : FLINTA, 2017. 509 p. ISBN: 978-5-9765-2687-7 EDN: NDHLDN

Информация об авторе

Кашдаева Диана Исрафил кызы
преподаватель кафедры русского языка
как иностранного,
Дагестанский государственный университет
zaqataladianka@mail.ru

Diana I. Kashdayeva
Teacher at the Department
of Russian as a Foreign Language,
Dagestan State University
zaqataladianka@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.09.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 20.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-7>

УДК 81

Attribution

cc by

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ НОМИНАЦИИ «РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рожик Е.Н.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается аксиологическая специфика номинации «русский интеллигент» в русской лингвокультуре. Цель исследования состоит в выявлении языковых средств, формирующих положительный и отрицательный оценочные полюса данного образа, а также в определении причин их сосуществования. Материалом исследования послужили высказывания русских писателей и мыслителей, лексические единицы и устойчивые выражения, репрезентирующие отношение к интеллигенции. В работе применяются методы контекстуального, дефиниционно-компонентного, аксиологического и лингвокультурологического анализа. Установлено, что положительный оценочный полюс связан с образованностью, нравственной ответственностью, культурой речи, уважением к личности и служением обществу, тогда как отрицательный — со слабостью, нерешительностью, непрактичностью и оторванностью от народа. Показано, что аксиологическая парадоксальность номинации обусловлена одновременным сосуществованием противоположных оценок и исторической изменчивостью социально-культурного типа русской интеллигенции.

Ключевые слова: русский интеллигент, интеллигенция, лингвокультура, оценка, аксиология, культурная коннотация, национальное самосознание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

AXIOLOGICAL PARADOXICALITY OF THE NOMINATION «RUSSIAN INTELLECTUAL» IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Elena N. Rozhik

Kuban State University

Abstract. The article examines the axiological specificity of the nomination «Russian intellectual» in Russian linguoculture. The aim of the study is to identify the linguistic means that form the positive and negative evaluative poles of this image and to determine the reasons for their coexistence. The research material includes statements by Russian writers and thinkers, lexical units, and fixed expressions representing attitudes toward the intelligentsia. The study employs contextual, definitional-component, axiological, and linguocultural methods of analysis. The results show that the positive evaluative pole is associated with education, moral responsibility, linguistic culture, respect for the individual, and service to society, whereas the negative pole is connected with weakness, indecision, impracticality, and alienation from the people. It is concluded that the axiological paradoxicality of the nomination is determined by the coexistence of opposite evaluations and the historical variability of the sociocultural type of the Russian intelligentsia.

Keywords: Russian intellectual, intelligentsia, linguoculture, evaluation, axiology, cultural connotation, national self-consciousness.

Funding: Independent work.

Введение

Аксиологическая составляющая языка особенно отчетливо проявляется в номинациях, значение которых включает не только обозначение лица или явления, но и накопленный культурой комплекс оценок. Такие единицы одновременно

называют объект и соотносят его с представлениями о достойном и недостойном, положительном и отрицательном. В исследованиях аксиологической семантики оценочные значения соотносятся со шкалой «хорошо плохо — нейтрально», однако в реальном употреблении они тесно взаимодействуют с эмоционально-экспрессивными

и стилистическими коннотациями [8]. Поэтому одна номинация способна в разных условиях приобретать противоположный оценочный знак.

Особый интерес представляет номинация «русский интеллигент». В русской лингвокультуре она не сводится к обозначению человека умственного труда. В ее содержании актуализируются нравственные, интеллектуальные, речевые и поведенческие признаки. Высокая оценка интеллигента как носителя культуры и ответственности сосуществует с ироническим и пренебрежительным отношением к нему как к человеку слабому, непрактичному или оторванному от жизни. Объект исследования – языковая репрезентация образа русского интеллигента; предмет – положительные и отрицательные оценочные признаки номинаций «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный». Цель – выявить механизмы их аксиологической парадоксальности. Используются контекстуальный, дефиниционно-компонентный, аксиологический и лингвокультурологический методы.

«Интеллигент» как культурно маркированная номинация

Для анализа рассматриваемой единицы принципиально различие предметного значения и культурной коннотации. В.А. Маслова отмечает, что культурная информация представляется через культурные семы, фон, концепты и коннотации [6, с. 54–56]. Именно коннотация объясняет, почему относительно стабильная номинация может получать различные общественные оценки. В слове «интеллигент» социально-профессиональный признак соединяется с ценностным требованием к личности.

Д.С. Лихачев определял русского интеллигента как представителя профессии, связанной с умственным трудом, и одновременно как человека, обладающего «умственной порядочностью» [5, с. 5]. Тем самым социальная характеристика дополняется этической. Врач, инженер, ученый, художник или писатель могут принадлежать к сфере умственного труда, однако это еще не означает признания их интеллигентами в ценностном смысле. Номинация предполагает соответствие определенной культурной норме поведения.

Такое понимание соотносится с установками культуры, которые выступают идеалами, позволяющими квалифицировать личность как достойную или недостойную [6, с. 49]. Следовательно, «интеллигент» – не только название социальной группы, но и нормативная характеристика. Современное исследование понятия «интеллигенция» как составляющей национальной идентичности также подтверждает его культурную маркированность [3].

Положительный оценочный полюс

Наиболее последовательно положительная модель интеллигентности представлена у Д.С. Ли-

хачева. К ее признакам относятся восприимчивость к интеллектуальным ценностям, стремление к знаниям, интерес к истории, эстетическое чутье, понимание другого человека, готовность оказать помощь, отсутствие грубости и злорадства, уважение, воспитанность, ответственность, богатство и точность языка, скромность, доброта и терпимость [4]. Здесь можно выделить интеллектуальный, нравственный, коммуникативный и эстетический компоненты.

Показательно, что образование само по себе не выступает главным критерием. Оно получает положительную оценку лишь в соединении с внутренней дисциплиной и уважением к другому. Особое место занимает культура речи: точность языка и умение уважительно спорить включаются в этический портрет интеллигента. Таким образом, речевое поведение становится одним из признаков ценностного соответствия культурной норме.

Положительная модель включает и общественное служение. Г.И. Успенский связывал интеллигенцию с обязанностью сохранять культуру и достоинство общества [7]. В такой трактовке интеллигент – посредник между культурным наследием и современностью. Положительный полюс поэтому образуют семы «образованность», «нравственность», «ответственность», «культура речи», «уважение», «рефлексия», «служение культуре».

Отрицательный полюс и пейоративные номинации

Высокая нормативность образа создает условия и для его критического переосмысления. Отрицательная оценка концентрируется вокруг мягкости, нерешительности, чрезмерной рефлексии, идеализма, недостаточной практичности и оторванности от народа. Показательно, что многие из этих признаков являются обратной стороной качеств, положительно оцениваемых в другой системе координат. Мягкость может интерпретироваться как гуманность или слабость, рефлексивность – как глубина или неспособность к действию.

Языковым выражением такого снижения становятся пейоративные единицы. Производное «интеллигентишка» с уменьшительно-пренебрежительным суффиксом сохраняет предметную связь с базовым словом, но переводит номинацию в отрицательную оценочную зону. В выражении «вшивый интеллигент» культурно престижное обозначение сочетается с резко сниженным определением, создавая аксиологический конфликт. Ироническая формула «а еще шляпу надел» строится на несоответствии внешнего признака культурного статуса ожидаемому поведению.

Важно, что подобные единицы не уничтожают положительный смысл слова «интеллигент». Напротив, их выразительность основана на существовании высокой нормы. Упрек становится

возможным именно потому, что от интеллигента ожидают иного поведения. Следовательно, отрицательный полюс внутренне связан с положительным: он фиксирует нарушение или недостижимость культурного идеала.

Особенность аксиологического содержания номинации «русский интеллигент» заключается также в том, что положительная и отрицательная оценки формируются не изолированно, а во многом на основе одних и тех же признаков, получающих различную интерпретацию в зависимости от коммуникативного и культурно-исторического контекста. Так, мягкость и деликатность могут осмысляться как проявление воспитанности, уважения к собеседнику и нравственной культуры, однако в иной системе оценочных координат те же качества способны восприниматься как нерешительность и недостаток деятельной силы. Склонность к рефлексии, интеллектуальному анализу и критическому осмыслению действительности, с одной стороны, входит в положительный образ образованного и ответственного человека, а с другой – может становиться основанием для представления об интеллигенте как о человеке, оторванном от практической жизни. Аналогичным образом ориентация на нравственные идеалы приобретает как положительную характеристику принципиальности, так и отрицательную характеристику непрактичности или чрезмерного идеализма. Следовательно, аксиологическая неоднозначность исследуемой номинации создаётся не только за счёт противопоставления разных признаков, но и в результате вариативной оценки одного и того же комплекса качеств. Именно эта способность культурно значимого признака изменять оценочный знак позволяет рассматривать образ русского интеллигента как динамическое и внутренне противоречивое образование русской лингвокультуры.

Историческая изменчивость оценки

Парадоксальность усиливается исторической подвижностью самой интеллигенции. Н.А. Бердяев описывает смену ее социальных форм: преимущественно дворянскую интеллигенцию сменяет разночинная; «лишний человек» и кающийся дворянин – активный революционер [2]. Одна и та же номинация в разные периоды соотносится с различными моделями поведения, поэтому меняются и ее коннотации.

Особенно показательно описание левой интеллигенции второй половины XIX века. Бердяев сопоставляет ее с монашеским орденом, отмечая аскезу, способность к жертве и перенесению мученичества, но одновременно – нетерпимость и резкое разграничение себя с остальным миром. Один комплекс признаков допускает противоположное оценивание: принципиальность становится либо нравственной стойкостью, либо нетерпимостью; дистанция от обывденного мира – либо духовной независимостью, либо оторванностью от жизни.

Историческая изменчивость проявляется и в различии между существительными «интеллигент», «интеллигенция» и прилагательным «интеллигентный». Обозначения социальной группы легче включаются в общественную полемику и приобретают ситуативные коннотации, тогда как прилагательное в большей степени сохраняет нормативно-положительный смысл, связанный с личностным качеством. Это различие показывает, что оценочный потенциал внутри одного словообразовательного гнезда распределен неравномерно.

Дополнительное подтверждение этой дифференциации дает сопоставление существительного «интеллигентность» с названиями лица и социальной группы. «Интеллигентность» обозначает прежде всего качество и потому легче отвлекается от конкретной социальной принадлежности: оно может быть приписано человеку любой профессии, если его поведение соответствует культурно-нравственной норме. В этом случае положительная оценка становится устойчивее, чем в словах «интеллигент» и «интеллигенция», поскольку объектом оценки выступает не группа, а способ отношения к людям, языку и культуре. Такое расхождение показывает, что внутри одного понятийного поля социальная и этическая семантика развиваются неодинаково: первая сильнее зависит от исторической полемики, вторая сохраняет нормативный характер.

Языковые механизмы аксиологической парадоксальности

Материал позволяет выделить несколько механизмов оценочной трансформации. Первый – контекстуальная переоценка: базовое слово сохраняет предметное содержание, но соединяется с разными характеристиками. Второй – словообразовательное снижение, представленное формой «интеллигентиска». Третий – контрастная сочетаемость, как в выражении «вшивый интеллигент». Четвертый – ироническая пресуппозиция, опирающаяся на коллективное знание о том, каким должен быть интеллигент.

С точки зрения Е.В. Бабаевой языковыми маркерами культурных ценностей являются наличие специального знака-идентификатора, разветвленная система его признаков, регулярная связь с оценочными семами, функционирование в разных типах дискурса и соотносительность с социальными нормами [1, с. 27–33]. Номинация «интеллигент» соответствует этим критериям: вокруг нее сформировалось устойчивое поле культурных ожиданий, оценочных контекстов, производных и фразеологизированных употреблений.

Поэтому аксиологическую парадоксальность нельзя сводить к простому соседству «положительного» и «отрицательного». Она возникает как способность одного признака менять оценочный знак. Рефлексия, мягкость, принципиальность, культурная дистанция получают разные интерпретации в зависимости от исторического и коммуникативного контекста. Именно такая обратимость оценки составляет существенную характеристику лингвокультурного образа русского интеллигента.

Заключение

Номинация «русский интеллигент» обладает сложной динамической оценочной структурой. Положительный полюс формируют образованность, нравственная ответственность, культура речи, уважение к личности, рефлексивность и служение обществу. Отрицательный связан со слабостью, нерешительностью, непрактичностью и оторванностью от народа и выражается, в частности, через пейоративное словообразование, сниженную сочетаемость и иронические речевые формулы.

Аксиологическая парадоксальность состоит в том, что противоположные оценки не образуют двух независимых моделей: они соотносятся с

одним культурным идеалом. Одни и те же качества — мягкость, рефлексия, принципиальность, дистанция от массового мнения — в разных контекстах могут менять оценочный знак. Этому способствует историческая изменчивость социального типа интеллигенции.

Таким образом, «русский интеллигент» представляет собой культурно маркированную номинацию, в которой социальный смысл соединяется с нормативно-этическим. Ее анализ показывает, что культурная ценность может существовать в языке не как однозначно положительное содержание, а как поле напряжения между нормой, ее конкретными историческими реализациями и критической рефлексией над ними.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда: межвуз. Сборник науч. трудов. Воронеж, 2002. Вып. 2. С. 25–34.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб. : Азбука-классика, 2008.
3. Здор Н.А. Понятие «интеллигенция» как составляющая черта национальной идентичности: лингвокультурологический аспект / Н.А. Здор, Е.Н. Рядчикова // Язык как основа национальной идентичности: материалы Международной научной конференции (Тула, 16–18 мая 2024 г.). Тула : Тульский полиграфист 1, 2024. С. 47–53.
4. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. М. : Прогресс, 1992.
5. Лихачев Д.С. О русской интеллигенции: письмо в редакцию // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М., 2001.
7. Успенский Г.И. Власть земли // Собр. соч. : в 9 т. Т. 5. М. : ГИХЛ, 1956.
8. Холодов Н.Н. Аксиологическая семантика в синтаксических структурах с отношениями тождества и различия / Н.Н. Холодов, Л.В. Кованцева // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Международной конференции. М. : Филология, 1995. С. 530–531. Т. II.

References:

1. Babaeva E.V. Reflection of Cultural Values in Language // Language, Communication and Social Environment: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Voronezh, 2002. Iss. 2. P. 25–34.
2. Berdyaev N.A. The Russian Idea. SPb. : Azbuka-klassika, 2008.
3. Zdor N.A. The concept of «intelligentsia» as a component feature of national identity: a linguoculturological aspect / Zdor N.A., Ryadchikova E.N. // Language as the Foundation of National Identity: Proceedings of the International Scientific Conference (Tula, May 16–18, 2024). Tula : Tula Poligrafist 1, 2024. P. 47–53.
4. Likhachev D.S. Letters about the Good and the Beautiful. M. : Progress, 1992.
5. Likhachev D.S. On the Russian Intelligentsia: a letter to the editor // Novy Mir. 1993. № 2. P. 3–9.
6. Maslova V.A. Linguoculturology : textbook. M. , 2001.
7. Uspensky G.I. The Power of the Earth // Collected Works : in 9 vol. M. : GIKhL, 1956. Vol. 5.
8. Kholodov N.N. Axiological semantics in syntactic structures with relations of identity and difference / N.N. Kholodov, L.V. Kovantseva // Linguistics at the end of the 20th century: results and prospects: abstracts of the International Conference. Vol. II. M. : Filologiya, 1995. P. 530–531.

Информация об авторе

Рожик Елена Николаевна

преподаватель

кафедры русского языка как иностранного

Elena N. Rozhik

Lecturer at the Department

of Russian as a Foreign Language

филологического факультета,
Кубанский государственный университет
rozhhik_e@mail.ru

Faculty of Philology,
Kuban State University
rozhhik_e@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-8>

УДК 81

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК ЯВЛЕНИЕ

Терентьева Л.М.

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению социально-политической рекламы как самостоятельной формы медиакоммуникационного воздействия в системе взаимодействия государства и общества. Актуальность исследования обусловлена усилением роли медиакоммуникаций в формировании общественного мнения и трансформацией массового сознания в условиях цифровизации информационной среды. Цель исследования заключается в выявлении сущности и специфики социально-политической рекламы на основании сопоставительного анализа социальной и политической рекламы. Методологическую основу исследования составляют понятийно-категориальный анализ, направленный на уточнение ключевых понятий, сравнительно-типологический анализ, позволяющий выявить сходства и различия социальной и политической рекламы, а также структурно-функциональный анализ, используемый для определения функций социально-политической рекламы в системе медиакоммуникаций. В результате проведенного исследования установлено, что социально-политическая реклама представляет собой самостоятельный медиакоммуникационный феномен, интегрирующий продвижение общественно значимых ценностей и формирование доверия к государственным институтам. Полученные результаты способствуют развитию понятийного аппарата медиакоммуникационных исследований и уточнению механизмов взаимодействия государства и общества в современном медиапространстве.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, политическая реклама, социально-политическая реклама, медиакоммуникации, общество, государство, доверие, влияние.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIO-POLITICAL ADVERTISING AS A PHENOMENON

Lada M. Terentyeva

Moscow State Linguistic University

Abstract. This article is devoted to the theoretical conceptualisation of socio-political advertising as an independent form of media communication influence within the framework of interaction between the state and society. The relevance of the study stems from the growing role of media communications in shaping public opinion and transforming mass consciousness in the context of the digitalisation of the information environment. The aim of the research is to identify the essence and specific features of socio-political advertising on the basis of a comparative analysis of social and political advertising. The methodological framework comprises conceptual and categorical analysis aimed at clarifying key concepts, comparative-typological analysis used to identify the similarities and differences between social and political advertising, and structural-functional analysis employed to determine the functions of socio-political advertising within the system of media communications. The findings demonstrate that socio-political advertising constitutes an independent media communication phenomenon that integrates the promotion of socially significant values with the cultivation of public trust in state institutions. The results contribute to the development of the conceptual framework of media communication studies and provide a more precise understanding of the mechanisms underlying interaction between the state and society in the contemporary media environment.

Keywords: advertising, social advertising, political advertising, socio-political advertising, media communications, society, the state, trust, influence.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью медиакоммуникаций в формировании общественного мнения и трансформации массового сознания. Особенно значимой становится роль коммуникационных практик, сочетающих социальную проблематику с политическим контекстом, что приводит к формированию нового типа медиавоздействия – социально-политической рекламы. Несмотря на активное изучение социальной и политической рекламы, их интегративная форма до настоящего времени не получила достаточного теоретического осмысления и чёткого понятийного определения, что определяет научную значимость настоящего исследования.

Цель работы состоит в выявлении сущности и специфики социально-политической рекламы в системе взаимодействия государства и общества.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- проанализировать существующие подходы к определению социальной и политической рекламы, выявить их сходства и различия;
- обосновать выделение социально-политической рекламы как самостоятельного вида медиакоммуникации;
- определить её основные функции.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии понятийного аппарата медиакоммуникационных исследований, а практическая – в возможности применения результатов при разработке стратегий государственной информационной политики и социально ориентированных медиакоммуникационных проектов.

Результаты.

Проведённый сравнительно-типологический анализ социальной и политической рекламы позволил установить, что обе формы коммуникации ориентированы на формирование общественных установок, используют сходные механизмы медиавоздействия и апеллируют к общественно значимым ценностям.

Установлено, что в условиях медиатизации общественно-политических процессов данные формы коммуникации всё чаще интегрируются на уровне содержания и коммуникативных стратегий, что приводит к формированию особого типа медиакоммуникационного воздействия, объединяющего социальные и политические смыслы в едином сообщении.

В результате исследования обоснована необходимость рассмотрения социально-политической рекламы как самостоятельного феномена современного медиакоммуникационного пространства.

Обсуждение.

Подходя к определению термина «реклама», можно утверждать, что она является инструментом маркетинговых коммуникаций, создающим сообщения, направленные на привлечение внимания, а также оказывающим влияние на установку, мотивацию и поведение аудитории [3].

С точки зрения правового регулирования, реклама получает официальное определение в Федеральном законе «О рекламе», где она трактуется как информация, распространяемая любыми способами, в различных формах, адресованная неопределённой аудитории и направленная на привлечение внимания, формирование и поддержание интереса к объекту рекламирования, а также на его продвижение на рынке. Это определение носит нормативно-правовой характер и фиксирует базовые признаки рекламной деятельности, но вместе с тем подобная трактовка отражает юридические аспекты рекламной коммуникации и в меньшей степени затрагивает её социальные и коммуникативные функции.

Для языкового анализа необходимо обратиться к Словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова, в котором реклама определяется как оповещение, распространяемое различными способами среди широких масс с целью создания общественного признания, привлечения целевой аудитории потребителей и зрителей [7]. Лексикографическое определение подчеркивает информационный характер рекламного сообщения и его ориентированность на массовую аудиторию. Однако подобная трактовка носит обобщённый характер и не раскрывает механизмов воздействия рекламы на общественное сознание и поведение.

Отечественный исследователь А.Б. Оришев рассматривает рекламу как оплачиваемую передачу информации, подчёркивающую её коммерческую направленность и стратегическую роль в экономике. Он отмечает, что реклама не нейтральна, а направлена на увеличение спроса, формирование предпочтений и управление общественными интересами, часто с финансовой мотивацией [8]. В данной трактовке сделан акцент на экономической природе рекламы, что позволяет рассматривать её как инструмент рыночного регулирования и стимулирования потребительского поведения.

В свою очередь, американский исследователь Котлер Ф. рассматривает рекламу как форму коммуникации через посредников, получающих оплату за распространение сообщений, отмечая её ключевую роль в системе оплаченных коммуникаций [5]. Этот подход позволяет увидеть рекламу в контексте продвижения и взаимодействия с аудиторией, однако её анализ преимущественно ограничен маркетинговой перспективой.

Таким образом, анализ существующих определений рекламы показывает, что исследователи

рассматривают её как экономический инструмент и коммуникационный механизм воздействия на аудиторию.

Ссылаясь на Федеральный закон «О рекламе», следует выделить понятие «социальная реклама», которая определяется как распространяемая любыми способами информация, адресованная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства. Это подчёркивает некоммерческий характер социальной рекламы и её ориентированность на решение общественно значимых проблем.

Аналогичные подходы представлены в словарных источниках:

— согласно Большому юридическому словарю, социальная реклама отражает государственные и общественные интересы и ориентирована на достижение благотворительных целей [1];

— словарь языка СМИ США определяет её как бесплатное эфирное сообщение, содействующее реализации программ и деятельности государственных органов и некоммерческих организаций, а также продвижению общественных интересов [9].

Сопоставление этих определений показывает, что социальная реклама объединяет цели государства и общественные интересы, действуя как средство информирования широкой аудитории о значимых социальных и благотворительных задачах.

Существуют различные подходы к характеристике социальной рекламы в научных исследованиях.

А.В. Ковалева выделяет несколько ключевых аспектов, составляющих её суть: она выявляет и привлекает внимание к актуальным социальным проблемам, предупреждает негативные последствия, применяет стратегии для преодоления существующих трудностей и служит инструментом социальной и информационной политики государства, влияя на общественные установки [4].

С этим можно согласиться, однако, подход автора фокусируется на целевых аспектах социальной рекламы и её роли в формировании общественных установок, но не рассматривает инструменты распространения, что оставляет пространство для дальнейшего исследования организационных и коммуникационных механизмов.

С точки зрения зарубежных практик, терминология социальной рекламы различается. В России используется понятие «социальная реклама», за рубежом — «некоммерческая» или «общественная реклама», а в США применяют «публичное социальное объявление» (public service announcement, PSA) [2]. Такие объявления носят

профилактический характер и направлены на изменение отношения общества к социальным явлениям, способствуя формированию новых ценностей и норм.

Анализ отечественных и зарубежных определений социальной рекламы показывает, что она представляет собой некоммерческую информацию, направленную на решение общественно значимых задач, сочетая интересы государства и общества, а также воздействуя на поведение и ценности аудитории. Особенности зарубежных практик, в том числе PSA, подчёркивают профилактическую и воспитательную функции социальной рекламы.

Переходя от анализа социальных к политическим коммуникациям, следует отметить, что в отличие от социальной, политическая реклама функционирует в более сложной институциональной среде: она формирует общественное мнение, транслирует политические образы и влияет на электоральные предпочтения [10]. Такая интерпретация позволяет рассматривать её не только как средство коммуникативного воздействия, но и как институциональный механизм легитимации политических акторов. В Законе «О рекламе» по состоянию на 2026 год отсутствует официальное определение политической рекламы. Несмотря на попытку его введения в 2024 году, политическая реклама по-прежнему фактически ограничивается рамками избирательного периода, что сужает возможности её рассмотрения как инструмента формирования общественного мнения [11]. Такой пробел подчёркивает необходимость рассмотрения политической рекламы в более широком медиакоммуникационном и институциональном контексте.

В научной литературе политическая реклама рассматривается с различных теоретических позиций, что отражает сложность данного феномена и его междисциплинарный характер. Рассмотрение существующих подходов позволяет выявить основные направления её интерпретации и определить роль в системе политической коммуникации.

М.Н. Малеева рассматривает политическую рекламу как вид предвыборной агитации, выражающейся в сообщениях, побуждающих граждан к действиям и финансируемых кандидатами или избирательными объединениями [6]. Это определение подчёркивает, что политическая реклама воздействует на поведение аудитории в контексте выборов и политических предпочтений, однако не учитывает её более широкое влияние на формирование представлений о политических лидерах.

В свою очередь, А.И. Соловьёв характеризует политическую рекламу как «направленное безличное обращение», нацеленное на создание позитивного образа политического объекта и мобилизацию поддержки [12]. В отличие от под-

хода М.Н. Малеиной, этот взгляд акцентирует внимание на роли политической рекламы в формировании образа политического субъекта и мобилизации поддержки. Это позволяет рассматривать политическую рекламу не только как средство агитации, но и как инструмент формирования представлений о политических лидерах и их программах в общественном сознании.

Сопоставление рассмотренных подходов к социальной и политической рекламе позволяет сделать вывод о наличии между ними ряда общих коммуникативных характеристик. Обе формы ориентированы на формирование общественных установок, используют сходные механизмы медиакоммуникационного воздействия и апеллируют к общественно значимым ценностям. В условиях медиатизации общественно-политических процессов их содержание и смысловые стратегии всё чаще интегрируются, что приводит к возникновению коммуникационных практик, объединяющих социальные и политические смыслы в едином сообщении.

Указанные тенденции создают основания для рассмотрения социально-политической рекламы как самостоятельного феномена современного медиакоммуникационного пространства. Социально-политическая реклама представляет собой особую форму медиакоммуникации, возникающую на стыке социальной и политической сфер общественной жизни.

В отличие от социальной рекламы, которая ориентирована на трансформацию моделей поведения и формирование общественных ценностей, и политической рекламы, направленной на мобилизацию электоральной поддержки и формирование политических предпочтений, социально-политическая реклама сочетает эти функции в единой системе медиакоммуникационного воздействия.

В современной научной литературе отсутствует устоявшееся определение данного явления. Это связано как с её сравнительно недавним появлением в исследовательском дискурсе, так и с междисциплинарной природой феномена. В рамках данного исследования под социально-политической рекламой понимается форма медиакоммуникации, направленная на одновременную трансляцию социально значимых ценностей и формирование политически интерпретируемых смыслов, связанных с деятельностью государства, общественных институтов и реализуемых ими инициатив. Она не является простой суммой признаков социальной и политической рекламы, а представляет собой самостоятельный коммуникативный феномен, обладающий уникальными целями, функциями и механизмами воздействия.

Ключевой особенностью социально-политической рекламы является её двойственная функциональная направленность. С одной

стороны, она апеллирует к общественным интересам, продвигая идеи социальной ответственности, гражданской вовлечённости и поддержки значимых социальных инициатив. С другой стороны, она способствует формированию доверия к государственным институтам, легитимизации принимаемых решений и укреплению институциональной лояльности. Следовательно, социально-политическая реклама выполняет функцию символической интеграции общества, связывая социальные ценности с политическими смыслами в едином коммуникативном пространстве. Механизмы её воздействия реализуются через комплекс медиакоммуникационных инструментов, включая передачу информации, воздействие на эмоции и использование символических образов, которые обеспечивают восприятие сообщения на уровне ценностно-нормативных установок.

Следовательно, выделение социально-политической рекламы в качестве отдельного вида медиакоммуникации позволяет точнее описывать современные процессы медиатизированного взаимодействия государства и общества, а также закладывает теоретическую основу для дальнейшего исследования её влияния на формирование общественного мнения и массового сознания. Подчёркивая её интегративный характер, данный подход способствует развитию понятийного аппарата медиакоммуникационных исследований и обеспечивает научное обоснование практических стратегий государственной информационной политики и социально ориентированных медиапроектов.

Заключение.

Проведённый теоретико-понятийный анализ позволил установить, что социальная и политическая реклама, несмотря на различие функциональных задач, используют сходные медиакоммуникационные механизмы воздействия и апеллируют к общественно значимым ценностям. В условиях медиатизации общественно-политических процессов это создаёт предпосылки для интеграции социальных и политических смыслов в едином коммуникативном пространстве.

В результате проведенного исследования обоснована необходимость выделения социально-политической рекламы как самостоятельного вида медиакоммуникации. Установлено, что она сочетает продвижение общественно значимых ценностей с формированием доверия к государственным институтам и выполняет функцию символического посредничества между государством и обществом.

Таким образом, социально-политическая реклама представляет собой самостоятельный медиакоммуникационный феномен, обладающий собственными целями, функциями и механизмами воздействия на массовое сознание.

Полученные результаты способствуют развитию понятийного аппарата медиакоммуникационных исследований и могут служить теоретической основой для дальнейшего изучения процессов

формирования общественного мнения и разработки социально ориентированных коммуникационных стратегий.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Большой юридический словарь. Социальная реклама. 2025. URL : <https://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/39/socialnaya-reklama.htm> (дата обращения 28.04.2025).
2. Деревянко А.Р. Социальная реклама как вид коммуникационной деятельности в современных условиях / А.Р. Деревянко, О.С. Зыбин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 7. 1 с. EDN: PBLRDR
3. Игнатьев В.М. Реклама: функции, принципы и виды / В.М. Игнатьев, Д.А. Гежина, В.А. Шум // Экономика и социум. 2015. № 2. С. 637–644.
4. Ковалева А.В. Основы социальной рекламы. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2020. 155 с. ISBN: 978-5-534-12757-7 EDN: MIDUJD
5. Котлер Ф. Маркетинг-менеджмент / Ф. Котлер; Пер. с англ.; Под ред. О.А. Третьяк, Л.А. Волковой, Ю.Н. Каптунеревского. СПб. : Питер, 2002. 800 с.
6. Малеина М.Н. Правовые аспекты политической рекламы // Государство и право. 1994. № 10. С. 151–159. EDN: WLISJB
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова. 24-е изд. М. : Азбуковник, 2003. 183 с.
8. Оришев А.Б. Реклама: определение понятия, экономическая роль и особенности в России // Бизнес и дизайн ревю. 2016. № 4. 5 с. EDN: XENMPR
9. Пискунова М.И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии // Реклама и PR. 2004. № 1. С. 25–29. EDN: JWVGBP
10. Подгорная Л.Д. Политическая реклама как форма коммуникации современного общества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2006. С. 95–102. EDN: JVKQPX
11. РИА Новости. В Госдуме предложили закрепить понятие политической рекламы. 2024. URL : <https://ria.ru/20241212/proekt-1988890030.html> (дата обращения 28.04.2025).
12. Соловьёв, А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М. : Аспект Пресс, 2004. 559 с.

References:

1. A large legal dictionary. Social advertising. 2025. URL : <https://law.niv.ru/doc/dictionary/large-legal/articles/39/socialnaya-reklama.htm> (date of application 04/28/2025).
2. Derevyanko A.R. Social advertising as a type of communication activity in modern conditions / A.R. Derevyanko, O.S. Zybin // Modern research of social problems (electronic scientific journal). 2012. № 7. 1 p. EDN: PBLRDR
3. Ignatiev V.M. Advertising: functions, principles and types / V.M. Ignatiev, D.A. Gezhina, V.A. Shum // Economics and society. 2015. № 2. P. 637–644.
4. Kovaleva A.V. Fundamentals of social advertising. 2nd ed., revised M. : Yurait Publishing House, 2020. 155 p. ISBN: 978-5-534-12757-7 EDN: MIDUJD
5. Kotler F. Marketing management / F. Kotler; Transl. from English; Edited by O.A. Tretyak, L.A. Volkova, Yu.N. Kapturnevsky. SPb. : Peter, 2002. 800 p.
6. Maleina M.N. Legal aspects of political advertising // State and law. 1994. № 10. P. 151–159. EDN: WLISJB
7. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov; Edited by S.I. Ozhegov. 24th ed. M. : Azbukovnik, 2003. 183 p.
8. Orishev A.B. Advertising: definition of the concept, economic role and features in Russia // Business and Design Review. 2016. № 4. 5 p. EDN: XENMPR
9. Piskunova M.I. Social advertising as a phenomenon of public reflection // Advertising and PR. 2004. № 1. P. 25–29. EDN: JWVGBP
10. Podgornaya L.D. Political advertising as a form of communication in modern society // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. 2006. P. 95–102. EDN: JVKQPX

11. RIA Novosti. The State Duma proposed to consolidate the concept of political advertising. 2024. URL : <https://ria.ru/20241212/proekt-1988890030.html> (date of application 04/28/2025).
12. Solovyov A.I. Political science: political theory, political technologies. M. : Aspect Press, 2004. 559 p.

Информация об авторе

Терентьева Лада Михайловна

аспирантка кафедры
коммуникационных технологий,
Московский государственный
лингвистический университет
ORCID iD: 0009-0006-0606-3645
terentyeva.ladaaaa@gmail.com

Lada M. Terentyeva

Postgraduate Student at the Department
of Communication Technologies,
Moscow State Linguistic University
ORCID iD: 0009-0006-0606-3645
terentyeva.ladaaaa@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.06.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-1>

УДК 070

Attribution

cc by

«АФФОРДАНСЫ» ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ

Бабуров Д.Г.

Московский государственный лингвистический университет

Аннотация. Актуальность данного исследования обосновывается особой значимостью категорией аффордансов – технологических и социальных возможностей, которые платформа предоставляет пользователю и которые определяют формат и стиль коммуникации. В данной статье рассматривается проблема влияния аффордансов цифровых платформ на формирование медиаобраза политических акторов. На основе анализа зарубежных и российских исследований даются определения понятия «аффордансы» и «воображаемая аудитория»; показывается, что технологические возможности и ограничения социальных сетей формируют у политических субъектов специфические представления об аудитории, определяя выбор коммуникативных стратегий. На примере цифровых платформ Telegram, «ВКонтакте» и Twitter/X выделены ключевые аффордансы каждой платформы, охарактеризованы соответствующие типы воображаемой аудитории и доминирующие стратегии конструирования медиаобраза. Делается вывод о том, что медиаобраз политического актора не является единым, а диверсифицируется в зависимости от платформенных особенностей: Telegram ориентирует на компетентное информирование, «ВКонтакте» – на эмоциональное вовлечение, Twitter/X – на оперативную и конфликтную коммуникацию.

Ключевые слова: цифровые платформ, социальные сети, аффордансы, политические актор, воображаемая аудитория.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

AFFORDANCES OF DIGITAL PLATFORMS IN THE CONTEXT OF FORMING THE MEDIA IMAGE OF POLITICAL ACTORS

Daniil G. Baburov

Moscow State Linguistic University

Abstract. The relevance of this study is justified by the particular significance of the category of affordances – the technological and social capabilities that the platform provides to the user and that determine the format and style of communication. This article examines the problem of the influence of digital platform affordances on the formation of the media image of political actors. Based on an analysis of foreign and Russian studies, the concepts of «affordances» and «imagined audience» are defined; it is shown that the technological opportunities and limitations of social networks shape political actors' specific perceptions of the audience, determining the choice of communicative strategies. Using the digital platforms Telegram, VKontakte, and Twitter/X as examples, the key affordances of each platform are identified, and the corresponding types of imagined audience and dominant strategies for constructing the media image are characterized. The article concludes that the media image of a political actor is not uniform but is diversified depending on platform features: Telegram orients toward competent informing, VKontakte toward emotional engagement, and Twitter/X toward rapid and confrontational communication.

Keywords: digital platforms; social media; affordances; political actors; imagined audience.

Funding: Independent work.

Введение.

Цифровые платформы сегодня являются не просто каналами распространения информации, а полноценной коммуникативной средой, в которой формируются представления аудитории о политических акторах. По данным на 2025 год, число пользователей социальных сетей превысило 5 миллиардов человек, и оно продолжает неуклонно расти. В этих условиях политическая коммуникация все чаще перемещается в пространство цифровых платформ, каждая из которых обладает собственными технологическими особенностями, алгоритмами и спецификой аудитории. В результате, медиаобраз политического деятеля перестает быть единым: он выстраивается с учетом возможностей и ограничений конкретной платформы.

Актуальность данного исследования обосновывается особой значимостью категорией аффордансов – технологических и социальных возможностей, которые платформа предоставляет пользователю и которые определяют формат и стиль коммуникации. Аффордансы влияют на то, как политические акторы конструируют свой образ, какие языковые средства и коммуникативные стратегии выбирают, на какую аудиторию ориентируются. При этом важную роль играет концепция воображаемой аудитории: представление о том, кто является адресатом сообщений, во многом определяет характер политического высказывания.

Несмотря на активное развитие зарубежных исследований, посвященных особенностям цифровых платформ в контексте политических коммуникаций, в отечественной науке ощущается дефицит работ, системно рассматривающих влияние аффордансов цифровых платформ на формирование медиаобраза политических акторов, особенно в сравнительном аспекте.

Целью данного исследования является определение особенностей аффордансов рассматриваемых цифровых платформ, а также сравнительный анализ алгоритмов, присущих Telegram, ВКонтакте и Twitter/X.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- систематизировать теоретические подходы к понятию «аффордансы» цифровых платформ;
- раскрыть концепцию воображаемой аудитории, а также определить ее роль в политических коммуникациях в социальных сетях;
- выделить и охарактеризовать ключевые аффордансы цифровых платформ, а также типы воображаемой аудитории для каждой из рассматриваемых платформ;
- определить доминирующие коммуникативные стратегии для каждой социальной сети, осно-

ванные на выявленных аффордансах и характеристиках воображаемой аудитории.

Материалом для исследования стали труды отечественных и зарубежных авторов, посвященные особенностям цифровых платформ как площадок для политических медиакоммуникаций, аффордансам цифровых платформ и специфике воображаемых аудиторий.

Эмпирико-теоретическую базу составили публикации, отражающие разные аффордансы цифровых платформ, а также различия в содержании размещаемых сообщений, обусловленных алгоритмами и представлениями акторов о воображаемых аудиториях каждой социальной сети.

Методологическую основу исследования составляют:

- системный подход, позволяющий рассматривать цифровую платформу как целостную коммуникативную среду, элементы которой взаимосвязаны;
- сравнительно-сопоставительный подход, направленный на выявление сходств и различий между Telegram, «ВКонтакте» и Twitter/X;
- коммуникативно-дискурсивный подход, акцентирующий внимание на связи между технологическими характеристиками платформы, типом воображаемой аудитории и реализуемыми речевыми стратегиями.

Результаты.

В результате проведенного автором исследования ему удалось заключить, что аффордансы каждой социальной сети формируют у политических акторов специфическое представление о воображаемой аудитории, что обуславливает выбор коммуникативной стратегии конструирования медиаобраза.

Также в данном исследовании демонстрируется, что политические акторы выбирают ту или иную коммуникативную стратегию, основываясь на понимании аффордансов цифровой платформы, а также характеристик ее воображаемой аудитории.

Обсуждение.

Рассматривая влияние уникальных специфических особенностей социальных сетей, необходимо обратиться к термину «аффордансы» цифровых платформ. Изначально данное понятие было введено психологом Дж. Гибсоном, который рассматривал его как возможности активного действия, которые предоставляют индивиду или животному внешние объекты или среда. Это – не фиксированные свойства объекта, а отношения между объектом и субъектом, которые существуют независимо от того, очевидны они или нет, известны или неизвестны [1].

Позже данное понятие было адаптировано автором Дэной Бойд под контекст социальных сетей для описания их социальных возможностей, которые создают новые контексты и архитектуру социальных взаимодействий [2].

Таким образом, в рамках социальных сетей аффордансы понимаются как материально-технические и социально-эстетические характеристики медиа, которые с точки зрения пользователя рассматриваются как возможности взаимодействия с каналами коммуникации [3].

Д. Бойд выделила следующие ключевые свойства сетевых публик, под которыми понимаются публичные круги общения, реструктурированные под воздействием сетевых технологий. Они представляют собой одновременно пространство, построенное с использованием сетевых технологий, и воображаемую общность, возникшую в результате пересечения людей, технологий и практик:

- устойчивость — сообщения в социальных сетях автоматически записываются и архивируются;
- реплицируемость — возможность дублирования сообщений, распространяемых в онлайн-среде;
- масштабируемость — в сетевых публиках крайне высока вероятность увидеть опубликованные сообщения;
- невидимость аудитории — не всегда очевидно, кто именно входит в потенциальную аудиторию контента, что создает эффект «невидимости».

Таким образом, данные свойства составляют аффордансы цифровых платформ, то есть те возможности и ограничения, которые платформа предоставляет пользователю.

Исследователи Т. Бучер и Э. Хелмонд в своих работах углубили понимание аффордансов цифровых платформ, рассмотрев их как ключевой инструмент для понимания интерфейсов социальных медиа и отношений между технологией и её пользователями [4]. Как и предыдущие исследователи авторы обращают внимание на то, что для политических акторов крайне важно учитывать специфику цифровых платформ как технологических посредников между политиками и аудиторией.

В работах исследователей Д. Крейсса, Р.Г. Лоуренса и Ш.К. Макгрегора приводится практическое обоснование влияния аффордансов цифровых платформ на коммуникативные стратегии политических акторов. На основе интервью с политтехнологами авторы приходят к выводу о том, что медиаобраз политиков сознательно адаптируется под технологические возможности и ограничения конкретных социальных сетей.

Так, в исследовании показано, что Twitter/X рассматривается, в первую очередь, как инструмент для оперативной реакции, быстрых заявлений и конфронтации с оппонентами, Фейсбук используется как платформа для политической агитации и мобилизации сторонников, Инстаграм интегрируется для создания визуального образа политического актора и демонстрации его физического лица».

Таким образом, цельный медиаобраз политического деятеля формируется, основываясь на различных платформенных аффордансах, при этом диверсифицируясь [5].

Также стоит отметить, что Д. Крейсс, Р.Г. Лоуренс и Ш.К. Макгрегор зафиксировали, что, адаптируя медиаобраз политического актора под аффордансы конкретной цифровой платформы, специалисты ориентируются на так называемую воображаемую аудиторию, то есть свое представление о том, кто и с какими ожиданиями потребляет информацию в рамках той или иной социальной сети.

Несмотря на то, что аффордансы цифровых платформ безусловно оказывают существенное влияние на формирование стратегии по конструированию медиаобраза политических акторов в социальных сетях, более важным фактором является, упомянутая выше, воображаемая аудитория.

Как показали исследования, проведенные А. Марвиком и Д. Бойд, публичные фигуры в социальных сетях выстраивают свой медиаобраз, ориентируясь не на реальную аудиторию, а на свое представление о том, кто, по их мнению, является получателем их сообщений, как они их воспринимают и реагируют, каковы их ожидания.

Таким образом, именно воображаемая аудитория, а не реальная определяет выбор языковых средств, тональности и формата сообщений [6].

Другие авторы также рассматривали влияние воображаемой аудитории на формирование коммуникационных стратегий в социальных сетях.

Так, Э. Литт расширила данную концепцию, выделив следующие особенности воображаемой аудитории: несмотря на то, что в основном пользователи взаимодействуют с большой и разнобразной аудиторией, они зачастую могут воспринимать их как очень широкие и абстрактные или как очень конкретные и сегментированные, при этом воображаемая аудитория может меняться не только в зависимости от конкретной платформы, но и от каждой публикации [7]. В контексте формирования медиаобраза политических акторов в социальных сетях, идеи Э. Литт означают, что политик, действуя в разных цифровых средах, формирует различные воображаемые аудитории и, как следствие, различные версии своего собственного медиаобраза.

Таким образом, концепция воображаемой аудитории позволяет объяснить, почему один и тот же политический актор использует разные коммуникативные стратегии на разных цифровых платформах. Аффордансы каждой социальной сети формируют у политических деятелей специфическое представление о том, кто является его воображаемой аудиторией, какие ожидания ей присущи. Именно эти факторы определяют выбор стратегии формирования медиаимиджа политических акторов в социальных сетях.

Ниже нами приведена характеристика рассматриваемых в данном исследовании социальных сетей, основываясь на ключевых параметрах: общее количество пользователей, география, возрастной состав и актуальность для политической коммуникации.

1. Telegram.

Общее число пользователей составляет порядка 1,2 миллиардов активной аудитории ежемесячно.

Географическое распределение аудитории: Азия – 38 %, Европа – 27 %, Латинская Америка – 21 %, Ближний Восток и Северная Африка – 8 %.

Возрастная демография: большую часть аудитории составляют мужчины (60 %), доля женской аудитории составляет соответственно 40 %. По данным на 2025 год, ядро аудитории Telegram – пользователи 25–44 лет, которые составляют около 58 % от общего числа. При этом наблюдается тенденция к увеличению доли пользователей старшей возрастной категории (45+), которые в 2025 году составляют уже около 20 % от общего числа [8].

Актуальность для политической коммуникации: Telegram остается важным, но неоднозначным инструментом политической коммуникации, который сочетает в себе как возможности для диалога и аналитики, так и риски манипуляции, фрагментации информационного пространства и распространения дезинформации [9].

2. ВКонтakte.

Общее число пользователей: более 656 млн зарегистрированных аккаунтов по состоянию на 2025 год.

География: преимущественно страны бывшего СССР и русскоязычные регионы.

Возрастная демография: платформа популярна среди подростков и молодежи до 35 лет.

Актуальность для политической коммуникации: ключевой канал в России и соседних регионах для публичных обсуждений, новостных страниц, таргетированной рекламы и взаимодействия политиков с аудиторией [10].

3. Twitter/X.

Общее число пользователей в марте 2025 года составляла около семисот семидесяти девяти активных пользователей в месяц [11].

География: наибольшее влияние социальная сеть имеет в Соединенных Штатах Америки, Японии и Индии (девятью девять, семьдесят один и двадцать три миллионов пользователей соответственно) [12].

Возрастная демография: по данным на 2025 год распределение пользователей Twitter/X по возрасту следующее:

- 29 % – в возрасте от 25 до 34 лет;
- 28 % – в возрасте от 18 до 24 лет [13].

Актуальность для политической коммуникации высокая, так как 59,7 % пользователей используют данную платформу для получения актуальной политической информации, что делает ее особенно актуальной в рамках формирования медиаобраза политических акторов.

Основываясь на приведенной выше статистической информации, можно сделать вывод о том, что каждая из рассмотренных цифровых платформ обладает своими уникальными аффордансами, которые заключаются, как в демографических характеристиках аудитории, так и в географических особенностях распределения пользователей.

Отличие Telegram от других, рассматриваемых в данном исследовании социальных сетей, заключается в том, что изначально данный сервис создавался как мессенджер – платформа для быстрого обмена сообщениями, однако с течением времени произошла его трансформация в социальную сеть. Факторами, способствующими этой трансформации, являются следующие: переход от модели приватной переписки к публичным каналам, чатам и группам, добавление формата коротких видео – Telegram Stories и встроенных приложений – Mini Apps.

Таким образом, данный мессенджер постепенно трансформировался в социальную сеть, совмещающую в себе форматы личного общения, массового вещания и цифровой экосистемы, что делает Telegram уникальной средой для политических медиакоммуникаций.

Говоря о политической роли данной социальной сети, исследователи отмечают, что в условиях усиления государственного контроля над государственными средствами массовой информации и крупными социальными сетями, каналы в Telegram превратились в альтернативную публичную сферу, сформировав виртуальное пространство, в котором информация распространяется без внешнего контроля [14]. Каналы пре-

вратились в источники политических инсайдов, а их авторы – в лидеров мнений, сохраняя при этом полную или частичную анонимность. Данная специфика сделала Telegram каналом связи, который способен конкурировать с традиционными СМИ за формирование общественной повестки.

Российский исследователь Ю.О. Рыбалка выделяет следующие аффордансы Telegram, которые определяют специфику формирования медиаобраза политических акторов на данной площадке:

1. Формат персональных каналов дает политическим деятелям возможность неопосредованного доступа к своей аудитории – опубликованное сообщение гарантированного будет доставлено подписчику, сохранив при этом хронологическую последовательность относительно других публикаций. Это отличает Telegram от других цифровых платформ, где видимость сообщения зависит от показателей вовлеченности.

2. Аффорданс анонимности и частичной анонимности заключается в том, что подписчик воспринимает полученную информацию, как публикацию от осведомленного и авторитетного источника, что повышает достоверность в восприятии воображаемой аудитории.

3. Как правило, в каналах политических акторов есть возможность обратной связи от аудитории, что создает ощущение двусторонней коммуникации.

Таким образом, перечисленные выше аффордансы формируют у политического актора воображаемую аудиторию, которая ориентирована на получение эксклюзивной и оперативной информации, что обуславливает важность использования данной социальной сети с целью информирования и мобилизации аудитории. В Telegram политический актор формирует медиаобраз компетентного лидера мнений, повышая тем самым лояльность аудитории.

В отличие от Telegram, где основными характеристиками являются хронологическая последовательность публикаций и оперативная реакция на происходящие события, ВКонтакте является другой коммуникативной средой – мультимедийной экосистемой, включающую в себя большое количество разных коммуникационных форматов. Как отмечают российские исследователи, уже на ранних этапах своего развития ВКонтакте превратился в платформу для политических дискуссий и обсуждения общественно значимых тем, компенсируя тем самым недостаток публичных дискуссий в традиционных средствах массовой информации [15].

Основным аффордансом данной платформы является алгоритмическая лента новостей, которая ранжирует публикации по степени вовлеченности аудитории. В отличие от Telegram, види-

мость публикации во ВКонтакте зависит от количества лайков, репостов и комментариев, что вынуждает политических акторов формировать свой имидж на основе эмоционально окрашенных сообщений, способных вызвать быструю реакцию аудитории и последующее обсуждение.

Мультиформатность платформы является еще одним ее аффордансом – ВКонтакте поддерживает и предлагает большое количество форматов, например, VK Clips, VK Video, VK Podcasts. Это позволяет политическим акторам конструировать разнообразный медиаобраз основываясь на разных форматах публикаций, а также на демографических характеристиках аудитории этих форматов.

Таким образом, аффордансы данной платформы, к которым относятся алгоритмическая лента новостей, зависящая от лайков, репостов и комментариев, и мультиформатность доступного контента, формируют у политических акторов воображаемую аудиторию, которая ожидает эмоционально окрашенные, визуально привлекательные и интерактивные сообщения, что обуславливает выбор стратегий по формированию медиаобраза политических деятелей.

Как было отмечено выше, Telegram представляет собой платформу для компетентного информирования аудитории, а ВКонтакте – для эмоционального вовлечения аудитории, то Twitter/X является социальной сетью, для которой характерны быстрая реакция на события и публичная дискуссия. Исследования, проведенные А. Юнгхерром, демонстрируют, что данная социальная сеть воспринимается аудиторией именно как площадка для обсуждения политических новостей, а от политических акторов аудитория ожидает именно быстрой реакции на происходящие события [16].

Таким образом, воображаемая аудитория Twitter/X это, в первую очередь, пользователи, интересующиеся политикой, журналисты и лидеры мнений, которые ожидают от политических акторов быстрых реакций и заявлений.

Ограничение длины сообщений (280 символов) также является аффордансом платформы, сформировавшим определенный стиль коммуникации. Данная особенность вынуждает политических акторов формулировать свои сообщения лаконично и четко.

Отечественный исследователь А.Н. Глущенко [17] раскрывает манипулятивный аспект данного аффорданса посредством подмены понятий и апелляции к эмоциям через гиперболы и метафоры. Ограничение длины сообщений вынуждает политических акторов использовать максимально краткие, но при этом наиболее эффективные языковые средства, что повышает их влияние, но, в то же время, способствует росту манипулятивного потенциала.

Российские исследователи Е.И. Горошко и Т.Л. Полякова рассмотрели политический дискурс в Twitter/X с точки зрения лингвистических особенностей, выявив, что упомянутые выше, краткие текстовые форматы публикаций формируют новые жанры политического высказывания, присущие только данной цифровой платформе, что создает актуальную жанрово-стилистическую систему политического дискурса [18].

Таким образом, аффордансы Twitter/X, к которым относятся ограничение длины сообщений, высокая скорость их распространения и система хэштегов, формируют у политических акторов воображаемую аудиторию, которая ожидает от них информацию, ориентированную на опера-

тивность, актуальность и конфликтность. Это делает данную цифровую платформу средой, для которой актуальными являются стратегии быстрой реакции, конфронтации и дискредитации оппонента.

В качестве вывода проведенного исследования будет представлена итоговая таблица, отражающая сравнение рассмотренных платформ на основе следующих факторов: аффордансы, характеристика воображаемой аудитории, наиболее распространенные коммуникативные стратегии.

Критерий	Telegram	ВКонтакте	Twitter/X
Аффордансы	1. Хронологическая публикация сообщений. 2. Частичная или полная анонимность авторов. 3. Возможность обратной связи. 4. Гарантированная доставка сообщений	1. Алгоритмическая лента новостей на основе лайков, репостов и комментариев. 2. Мультиформатность	1. Ограничение длины сообщений. 2. Система хэштегов. 3. Высокая скорость распространения информации
Воображаемая аудитория	Аудитория ожидает компетентной и оперативной информации	Аудитория ожидает визуально привлекательного, интерактивного и эмоционально окрашенного контента	Политически активная аудитория, которая ожидает оперативной, лаконично изложенной информации, острую дискуссию
Коммуникативные стратегии	Медиаобраз основан на компетентности и информированности	Медиаобраз основан на персонализации, многообразии форматов	Медиаобраз основан на оперативном реагировании, дискредитации оппонентов

Заключение.

Проведенное исследование позволило определить аффордансы наиболее популярных цифровых платформ в контексте политических медиакоммуникаций, охарактеризовать их воображаемые аудитории, а также выделить те коммуникативные стратегии, которые будут наиболее эффективны для формирования образа политических акторов в социальных сетях.

Научная новизна работы заключается в систематизации и дифференциации аффордансов каждой из рассматриваемых цифровых платформ, сравнении их ключевых характеристик. Также показано, что выбор той или иной коммуникационной стратегии основывается на таких характеристиках цифровой платформы, как ее аффордансы и воображаемая аудитория.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации подходов к определению аффордансов цифровых платформ и конкретизируется их содержание в контексте формирования медиаобраза политических акторов. Это позволяет рассматривать аффордансы не только как технические характеристики, но и как коммуникативно значимые условия, определяющие выбор речевых стратегий.

Практическая значимость представляет собой следующее — выделенные аффордансы Telegram, «ВКонтакте» и Twitter/X позволяют политическим акторам, их пресс-службам и политехнологам точнее адаптировать контент под логику каждой платформы: оперативное информирование в Telegram, эмоциональное вовлечение во «ВКонтакте», быстрая реакция и дискуссия в Twitter/X.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston : Houghton Mifflin, 1979. 332 p.
2. Зернов Д.В. Молодёжь в социальных сетях: масштабирование социальных взаимодействий и практики формирования индивидуальных медиасред (на материалах региональных исследований) / Д.В. Зернов, Н.В. Шалютин // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 27–54. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.2 EDN: HVERVL
3. Boyd D. Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dyna+mics, and Implications // Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites. New York and L. : Routledge, 2010. P. 39–58.
4. Bucher Taina. The Affordances of Social Media Platforms / Bucher Taina & Helmond Anne. 2018.
5. Kreiss D. In their own words: Political practitioner accounts of candidates, audiences, affordances, and image / D. Kreiss, R.G. Lawrence, S.C. McGregor // Political Communication. 2018. Vol. 35. № 1. P. 75–97. DOI: 10.1080/10584609.2017.1334727
6. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience / A.E. Marwick [et al.] // New Media & Society. 2011. Vol. 13. № 1. P. 114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313
7. Litt E. Knock, Knock. Who's There? The Imagined Audience / E. Litt // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2012. Vol. 56. № 3. P. 330–345. DOI: 10.1080/08838151.2012.705195
8. Сколько пользователей используют Телеграм? // Skyeng: 2025. URL : <https://skyeng.ru/it-industry/analytics/skolko-polzovateley-v-telegram-v-2025-godu> (дата обращения 10.04.2026).
9. Мокрая Е.А. Telegram-канал как платформа для политической коммуникации // Русская политология. 2018. № 4(9). С. 62–65. EDN: YVYTND
10. Данные Mediascope об использовании Telegram в России // D-Russia.ru. 2025. URL : <https://d-russia.ru/dannye-mediascope-ob-ispolzovanii-telegram-v-rossii.html> (дата обращения 20.05.2026).
11. X (Formerly Twitter) User Age, Gender, & Demographic Stats (2025). 2025. URL : <https://explodingtopics.com/blog/x-user-stats>
12. Leading countries based on number of X (formerly Twitter) users as of October 2025. 2025. URL : https://www.statista.com/statistics/242606/number-of-active-twitter-users-in-selected-countries/?srsltid=AfmBOop0g5iR635bfNeFL1Ky2qYn_hjFq5c82k96ks8mVKB9nLFGT_q6
13. X (Twitter) Statistics: How Many People Use X? 2025. URL : <https://backlinko.com/twitter-users>
14. Wijermars, M. Selling internet control: the framing of the Russian ban of messaging app Telegram / M. Wijermars // Information, Communication & Society. 2022. Vol. 25. № 3. P. 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1933562 EDN: CRDZTI
15. Litvinenko A. Local Dimensions of Media Freedom in Russia: A Comparative Analysis of News Media Landscapes in 33 Russian Regions. Demokratizatsiya / A. Litvinenko, K. Nigmatullina // Journal of Post-Soviet Democratization. 2020. № 28(3). P. 393–418. EDN: HHVJBC
16. Jungherr A. Four Functions of Digital Tools in Election Campaigns: The German Case. The International Journal of Press/Politics. 2016. № 21. P. 358–377. DOI: 10.1177/1940161216642597
17. Глущенко А.Н. Манипулятивный потенциал политического интернет-языка (на основе микроблога Twitter) / Глущенко Александра Николаевна. Майкоп, 2020. 26 с. EDN: HCGRFS
18. Горшко Е.И. Лингвистические особенности англоязычного Твиттера / Е.И. Горшко, Т.Л. Полякова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия № Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24(63). № 2. Ч. 1. С. 53–58.

References:

1. Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston : Houghton Mifflin, 1979. 332 p.
2. Zernov D.V. Youth in Social Networks: Scaling Social Interactions and Practices of Shaping Individual Media Environments (Based on Regional Research Materials) / D.V. Zernov, N.V. Shalyutina // Sociological Science and Social Practice. 2024. Vol. 12. № 2. P. 27–54. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.2 EDN: HVERVL
3. Boyd D. Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dyna+mics, and Implications // Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites. New York and L. : Routledge, 2010. P. 39–58.
4. Bucher Taina. The Affordances of Social Media Platforms / Bucher Taina & Helmond Anne. 2018.
5. Kreiss D. In their own words: Political practitioner accounts of candidates, audiences, affordances, and image / D. Kreiss, R.G. Lawrence, S.C. McGregor // Political Communication. 2018. Vol. 35. № 1. P. 75–97. DOI: 10.1080/10584609.2017.1334727
6. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience / A.E. Marwick [et al.] // New Media & Society. 2011. Vol. 13. № 1. P. 114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313
7. Litt E. Knock, Knock. Who's There? The Imagined Audience // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2012. Vol. 56. № 3. P. 330–345. DOI: 10.1080/08838151.2012.705195
8. How many users use Telegram? // Skyeng: 2025. URL : <https://skyeng.ru/it-industry/analytics/skolko-polzovateley-v-telegram-v-2025-godu> (date of application 10.04.2026).
9. Mokraya E.A. Telegram channel as a platform for political communication // Russian Political Science. 2018. № 4(9). P. 62–65. EDN: YVYTND
10. Mediascope data on the use of Telegram in Russia // D-Russia.ru. 2025. URL : <https://d-russia.ru/dannye-mediascope-ob-ispolzovanii-telegram-v-rossii.html> (date of application 20.05.2026).
11. X (formerly Twitter) User Age, Gender, & Demographic Stats (2025). 2025. URL : <https://explodingtopics.com/blog/x-user-stats>

12. Leading countries based on number of X (formerly Twitter) users as of October 2025. 2025. URL : https://www.statista.com/statistics/242606/number-of-active-twitter-users-in-selected-countries/?srsltid=AfmBOop0g5iR635bfNeFL1Ky2qYn_hjFq5c82k96ks8mVKB9nLFGT_q6
13. X (Twitter) Statistics: How Many People Use X? 2025. URL : <https://backlinko.com/twitter-users>
14. Wijermars, M. Selling internet control: the framing of the Russian ban of messaging app Telegram / M. Wijermars // Information, Communication & Society. 2022. Vol. 25. № 3. P. 1–17. DOI: 10.1080/1369118X.2021.1933562 EDN: CRDZTI
15. Litvinenko A. Local Dimensions of Media Freedom in Russia: A Comparative Analysis of News Media Landscapes in 33 Russian Regions. Demokratizatsiya / A. Litvinenko, K. Nigmatullina // Journal of Post-Soviet Democratization. 2020. № 28(3). P. 393–418. EDN: HHVJBC
16. Jungherr A. Four Functions of Digital Tools in Election Campaigns: The German Case. The International Journal of Press/Politics. 2016. № 21. P. 358–377. DOI: 10.1177/1940161216642597
17. Glushchenko A.N. The manipulative potential of political internet language (based on the Twitter microblog) / Glushchenko, Alexandra Nikolaevna. Maykop, 2020. 26 p. EDN: HCGRFS
18. Goroshko E.I. Linguistic Features of English-Language Twitter / E.I. Goroshko, T.L. Polyakova // Scientific Notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series «Philology. Social Communications». 2011. Vol. 24(63). № 2. Part 1. P. 53–58.

Информация об авторе

Бабуров Даниил Германович

аспирант кафедры коммуникационных технологий,
Московский государственный
лингвистический университет
ORCID iD: 0009-0009-0450-5798
mrbabrv@gmail.com

Daniil G. Baburov

Postgraduate Student
at the Department of Communication Technologies,
Moscow State Linguistic University
ORCID iD: 0009-0009-0450-5798
mrbabrv@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 13.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-3>

УДК 343.985

Attribution

cc by

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫЯВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ПОИСКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

Древецкий В.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Незаконный поиск и изъятие археологических предметов остаются устойчивой криминальной практикой, причиняющей невосполнимый ущерб объектам культурного наследия. Цель исследования – установить, каким образом действующая система правового регулирования археологической деятельности формирует нормативный каркас криминалистического выявления противоправного поиска. Задачи включают анализ законодательных дефиниций, режима открытых листов, оборота археологических предметов, уголовно-правовых составов и доказательственного потенциала цифровой информации. Методы: формально-юридический анализ, изучение судебной практики по ст. 243.2 УК РФ, систематизация доктринальных позиций. Результаты: правовые категории объекта археологического наследия, культурного слоя и открытого листа задают конкретные группы обстоятельств, подлежащих установлению; судебная практика подтверждает их операциональную применимость. Выводы: правовое регулирование выступает первичным нормативным основанием криминалистического распознавания противоправного поведения, а не вспомогательным фоном.

Ключевые слова: археологическая деятельность, археологические предметы, незаконный поиск, культурный слой, открытый лист, криминалистическое выявление, ст. 243.2 УК РФ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL REGULATION OF ARCHAEOLOGICAL ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE CRIMINALISTIC DETECTION OF ILLEGAL SEARCH OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS

Vladimir V. Drevetskiy

Kuban State University

Abstract. Relevance. Illegal search for and extraction of archaeological objects remains a persistent criminal practice inflicting irreversible damage on cultural heritage sites. The aim (Object) of the study is to determine how the current legal framework governing archaeological activity shapes the normative basis for forensic identification of unlawful search. Research objectives include analysing statutory definitions, the open-sheet permit regime, the circulation of archaeological objects, criminal-law provisions, and the evidentiary potential of digital information. Methods: formal legal analysis, examination of judicial practice under Art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, systematisation of doctrinal positions. Findings: the legal categories of archaeological heritage object, cultural layer, and open sheet establish specific groups of circumstances to be proved; judicial practice confirms their operational applicability. Conclusions: legal regulation functions as the primary normative foundation for forensic identification of unlawful conduct, rather than a merely supplementary background.

Keywords: archaeological activity, archaeological objects, illegal search, cultural layer, open sheet, forensic identification, Art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Funding: Independent work.

© Древецкий В.В.

Введение. Незаконный поиск и изъятие археологических предметов образуют устойчивый криминальный сегмент, систематически разрушающий культурный слой объектов, которые в ряде случаев невозможно восстановить. Уголовно-правовой ответ на эту проблему закреплён в ст. 243.2 УК РФ [2], однако само по себе наличие нормы не обеспечивает эффективного выявления противоправной деятельности – для этого требуется чёткое понимание того, что именно является предметом охраны и по каким критериям разграничивается законная деятельность и противоправный поиск.

Настоящее исследование преследует цель установить, каким образом система правового регулирования – законодательные дефиниции, разрешительный режим, правила оборота предметов, уголовно-правовые составы – формирует инструментарий криминалистического выявления незаконного поиска. Поставленная цель обусловила следующие задачи: проанализировать законодательные определения охраняемых объектов; раскрыть значение института открытого листа; определить доказательственные последствия режима государственной собственности на археологические предметы; выявить доказательственный потенциал цифровой информации применительно к делам данной категории.

Нормативную базу исследования составляют Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [3], УК РФ [2], КоАП РФ [1], Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ [4], Постановление Правительства РФ от 24.10.2022 № 1893 [6], а также судебная практика и доктринальные источники.

Результаты исследования. Статья 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ определяет объект археологического наследия как частично или полностью скрытые в земле либо под водой следы существования человека прошлых эпох, включая связанные с ними археологические предметы и культурные слои [3].

Необходимо указать, что вывод о принадлежности обнаруженного предмета к археологическим, а не к находке или кладу, не может формироваться вне анализа контекста его происхождения. И.А. Халиков последовательно разграничивает археологические предметы, клад и находку, указывая, что традиционные гражданско-правовые конструкции к первым неприменимы [21, с. 298–304]. Пункт 3 ст. 49 Федерального закона № 73-ФЗ прямо закрепляет: объекты археологического наследия и все археологические предметы, находящиеся на поверхности земли, в земле либо под водой, принадлежат государству [3]. На это же обращает внимание А.Н. Панфилов, анализируя правовые последствия обнаружения клада, содержащего археологические предметы [16, с. 119–129].

Следует отметить, что после принятия Федерального закона от 23.07.2013 № 245-ФЗ [4] законодатель не ограничился криминализацией отдельных действий, а трансформировал всю модель оборота. Частным владельцам предоставлялся переходный период до 1 сентября 2016 г. для включения предметов в негосударственную часть Музейного фонда Российской Федерации. Одновременно введена ст. 7.15.1 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за совершение сделок с археологическими предметами с нарушением требований закона [1]. По оценкам К. Рыбака, А.Н. Панфилова и Э.Т. Майборода, результатом стало то, что после 2013 г. законный оборот превратился из общего правила в исключение, жёстко связанное с процедурами музейной легализации, правопреемства, передачи государству либо законного ввоза [16]. Происхождение коллекции, отсутствие документов о легализации, экспертное признание предметов археологическими, их экспонирование или попытки отчуждения формируют сведения о более раннем незаконном изъятии из мест залегания.

Отметим, что разграничение законной и незаконной археологической деятельности в нормативном отношении основывается на институте открытого листа. Согласно ст. 45.1 Федерального закона № 73-ФЗ, археологические полевые работы, включая поиск и изъятие археологических предметов, допустимы исключительно при наличии разрешения, выдаваемого Министерством культуры Российской Федерации [3]. Постановление Правительства РФ от 24.10.2022 № 1893 закрепляет порядок выдачи, приостановления и прекращения действия открытых листов [6]. Н.В. Матвеева и А.В. Лянка подчёркивают, что через эту процедуру формируется административно-правовой механизм охраны археологического наследия, а потому отсутствие открытого листа выступает не формальным нарушением, а центральным юридическим критерием отграничения научной деятельности от противоправного поиска [15, с. 222–227].

Из разрешительного режима непосредственно вытекает структура доказывания по ст. 243.2 УК РФ. Норма связывает уголовную ответственность с поиском и (или) изъятием археологических предметов без разрешения, если такие действия повлекли повреждение или уничтожение культурного слоя [2]. В данном случае методические рекомендации А.В. Авериной по предотвращению несанкционированных полевых работ конкретизируют эти признаки [13]. Также, в качестве примера можно указать, что приговор Отраденского районного суда Краснодарского края от 04.07.2023 по делу № 1-60/2023 подтверждает операциональную состоятельность описанной нормативной модели [12]. Группа лиц по предварительному сговору производила раскопки кургана с применением металлоискателя «X-TERRA 705» и экскаватора «ТВЭКС ЕК-18» без открытого листа, в ночное время, с распре-

делением ролей. Вырытый грабительский ход значительных размеров, экспертное подтверждение наличия признаков объекта археологического наследия и повреждения культурного слоя, а также вещественные доказательства – техника, следы на местности, результаты оперативно-розыскной деятельности – обеспечили квалификацию по подпунктам «а», «в» ч. 3 ст. 243.2 УК РФ с конфискацией орудий.

Гражданско-правовая практика дополняет эту картину. Решением Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 14.07.2023 по делу № 2-1436/2023 установлен вред объекту археологического наследия «Грунтовый могильник городища 1 хутора Ленина», причинённый строительными работами без согласования по ст. 36 Федерального закона № 73-ФЗ [11]. Суд отклонил довод о незнании статуса участка и определил размер вреда через стоимость спасательных археологических работ на площадях 8,8 кв. м, 17,5 кв. м и 180 кв. м, взыскав 1617533,80 руб., и это решение подтверждает, что фиксация повреждения культурного слоя, и его оценка через стоимость восстановительных мероприятий образуют самостоятельный доказательственный блок, значимый как для гражданско-правовых, так и для уголовных дел.

Отметим, что процессуальные требования к цифровым доказательствам предполагают использование контрольных сумм, сертифицированных средств и самостоятельный осмотр носителей. Процессуально значимо и то обстоятельство, что базовый состав ч. 1 ст. 243.2 УК РФ отнесён к подсудности мирового судьи – что следует из применения ч. 1 ст. 31 УПК РФ и подтверждается постановлением Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 24.07.2023 по делу № 1-549/2023 [8]. Это разграничение процессуальных моделей рассмотрения дел подчёркивает значение качества первоначальной фиксации доказательств.

Обсуждение результатов исследования. Анализ подтверждает, что правовое регулирование археологической деятельности конструктивно для выявления незаконных поисков. Понятия объекта археологического наследия, культурного слоя и открытого листа определяют группы обстоя-

тельств, подлежащих установлению при расследовании.

Однако, следует объективно подчеркнуть, что правовые нормы не устраняют все сложности. Отсутствие методик идентификации возраста предметов и нечёткость критерия «сто лет» позволяют оспаривать экспертизы. Пробелы в учёте памятников (например, уничтожение Щербинского городища в 2021 г.) мешают их защите. Практика по делам В.Ю. Крикунова и тюменского «Музея частных коллекций» показывает: сложности доказывания сделок затрудняют привлечение виновных к уголовной ответственности за изъятие артефактов.

Публичный доступ к реестрам археологических объектов с 15 декабря 2025 г. усилит доказательства умысла. Важную роль начинают играть цифровые данные (координаты, переписка), способные заменить свидетельские показания. В таком случае, для совершенствования криминалистического инструментария необходимы уточнение законодательных дефиниций, развитие реестров, унификация экспертных методик и стандартов работы с электронными доказательствами.

Заключение. Правовое регулирование археологической деятельности в Российской Федерации формирует первичный нормативный каркас, без анализа которого невозможны ни корректная квалификация, ни криминалистическое выявление незаконного поиска. Нормы Федерального закона № 73-ФЗ, ст. 243.2 УК РФ, ст. 7.15.1 КоАП РФ, подзаконные акты о выдаче открытых листов, правила передачи предметов государству, режимы учёта и раскрытия информации образуют систему ориентиров, по которым выявляются отклонения от допустимого поведения.

Доказательственное значение приобретают отсутствие открытого листа, проведение работ в пределах культурного слоя, его повреждение или уничтожение, применение специальных технических средств, ночной характер действий, отсутствие научной документации, незаконное хранение и оборот предметов, а также цифровые следы координации и сбыта – но лишь в сопоставлении с нормативной моделью законной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. DOI: 10.1191/0309132502ph361ed EDN: JTPLTL
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
4. Федеральный закон от 23.07.2013 № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4078.
5. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2591.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.10.2022 № 1893 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, включая работы, имеющие целью поиск и изъятие археологических предметов, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429805/ (дата обращения 22.02.2026).
7. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 27.11.2015 № 2877 «О порядке передачи государству археологических предметов, обнаруженных физическими и (или) юридическими лицами в результате проведения изыскательских, проектных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», работ по использованию лесов и иных работ». URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=265523> (дата обращения 22.02.2026).
8. Постановление по делу № 1-549/2023 от 24.07.2023 // Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга (Свердловская область). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-3af7077c-dcb5-5290-9655-e3593b40008b> (дата обращения 22.02.2026).
9. Решение по делу № 2-1436/2023 от 14.07.2023 – о возмещении вреда, причинённого объекту культурного наследия // Железнодорожный районный суд г. Ростова-на-Дону (Ростовская область). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-1ed6a15a-c0ef-558b-b65c-e6275d4eb01c> (дата обращения 22.02.2026).
10. Приговор по делу № 1-60/2023 от 04.07.2023 // Отраденский районный суд (Краснодарский край). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e3c78201-7c54-5958-8d83-b6e99904f715> (дата обращения 22.02.2026).
11. Аверина А.В. К методическим рекомендациям по предотвращению несанкционированных археологических полевых работ. URL : <https://nasledie.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/bc2/kp5imima5re2vxhw3i6g8wo5ydb9y8uj> (дата обращения 22.02.2026).
12. Майборода Э.Т. Правовой режим археологических находок в частных коллекциях: сравнительный анализ законодательства России и КНР / Э.Т. Майборода, С.А. Федорова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 85–89. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_8_85 EDN: VCZSNA
13. Матвеева Н.В. Проблемы правового регулирования отношений в сфере охраны археологического наследия / Н.В. Матвеева, А.В. Лянка // Образование и право. 2023. № 4. С. 222–227. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-222-227 EDN: ELEKAK
14. Панфилов А.Н. Правовые последствия обнаружения клада, содержащего археологические предметы: проблемы правового регулирования // Журнал. 2024. № 2. С. 119–129.
15. Панфилов А.Н. Противодействие незаконному обороту археологических предметов в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 172–189. DOI: 10.17223/22253513/47/12 EDN: CORAOL
16. Регистрация права государственной собственности на объекты археологического наследия // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 2. С. 47–79. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3 EDN: HBYFYC

References:

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, № 195-FZ (as amended on February 20, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1(Part I). Art. 1. DOI: 10.1191/0309132502ph361ed EDN: JTPLTL
2. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, № 63-FZ (as amended on February 20, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Federal Law № 73-FZ dated June 25, 2002, «On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation» (as amended on October 15, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 26. Art. 2519.
4. Federal Law № 245-FZ dated July 23, 2013, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Suppression of Illegal Activities in the Field of Archaeology» (as amended on December 28, 2017) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 30 (Part I). Art. 4078.

5. Federal Law № 54-FZ dated May 26, 1996, «On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation» (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 22. Art. 2591.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 24.10.2022 № 1893 «On Approval of the Rules for Issuing, Suspending and Terminating Permits (Open Sheets) for Carrying Out Work to Identify and Study Objects of Archaeological Heritage, Including Work Aimed at Searching for and Seizing Archaeological Objects, and on Declaring Certain Acts of the Government of the Russian Federation to Be Invalid». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429805 (date of application 02/22/2026).
7. Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated 11/27/2015 № 2877 «On the Procedure for Transferring Archaeological Objects Discovered by Individuals and (or) Legal Entities as a Result of Survey, Design, Excavation, Construction, Land Reclamation, and Economic Works specified in Article 30 of the Federal Law» On Federal Law № 73-FZ dated 06/25/2002 «On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation», works on the use of forests and other works». URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=265523> (date of application 22.02.2026).
8. Judgment in case № 1-549/2023 dated 24.07.2023 // Chkalovsky District Court of Yekaterinburg (Sverdlovsk Region). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-3af7077c-dcb5-5290-9655-e3593b40008b> (date of application 22.02.2026).
9. Decision in case № 2-1436/2023 dated 14.07.2023 – on compensation for damage caused to a cultural heritage site // Zheleznodorozhny District Court of Rostov-on-Don (Rostov Oblast). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-1ed6a15a-c0ef-558b-b65c-e6275d4eb01c> (date of application 22.02.2026).
10. Verdict in case No. 1-60/2023 dated 04.07.2023 // Otradnensky District Court (Krasnodar Territory). URL : <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-e3c78201-7c54-5958-8d83-b6e99904f715> (date of application 22.02.2026).
11. Averina A.V. On methodological recommendations for preventing unauthorized archaeological fieldwork. URL : <https://nasledie.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/bc2/kp5imima5re2vxhw3i6g8wo5ydb9y8yj> (date of application 22.02.2026).
12. Mayboroda E.T. The legal regime of archaeological finds in private collections: a comparative analysis of the legislation of Russia and the PRC / E.T. Mayboroda, S.A. Fedorova // Law and the State: Theory and Practice. 2025. № 8. P. 85–89. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_8_85 EDN: VCZSNA
13. Matveeva N.V. Problems of legal regulation of relations in the field of protection of archaeological heritage / N.V. Matveeva, A.V. Lyanka // Education and Law. 2023. № 4. P. 222–227. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-4-222-227 EDN: ELEKAK
14. Panfilov A.N. Legal consequences of discovering a treasure containing archaeological items: problems of legal regulation // Journal. 2024. № 2. P. 119–129.
15. Panfilov A.N. Countering the Illegal Trafficking of Archaeological Objects in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation and Law Enforcement // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. № 47. P. 172–189. DOI: 10.17223/22253513/47/12 EDN: CORAOL
16. Registration of state ownership rights to archaeological heritage objects // Russia in the Global World. 2024. Vol. 27. № 2. P. 47–79. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.2.3 EDN: HBYFYC

Информация об авторе

Древецкий Владимир Вячеславович
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0009-0003-4990-7703
89885252544@bk.ru

Vladimir V. Drevetskiy
Postgraduate Student of the Department
of Criminology and Legal Informatics,
Kuban State University
ORCID iD: 0009-0003-4990-7703
89885252544@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-4>

УДК 340

Attribution

cc by

ОТ ИНФОРМАЦИОННЫХ ДО ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Еналеева Э.Ф.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена развитием цифровых и информационных технологий, требующих регулярного внесения изменений в законодательство. Адаптация законодательства под возникшие новые технологии и возникающие, в связи с этим правоотношения приводят к устареванию нормативно-правовой базы, не используемой в юридической науке и практике в дальнейшем. Цель исследования – выявление влияния научно-технического прогресса на систему действующего законодательства за прошедшие двадцать пять лет с помощью общенаучных и частно-научных методов. Задачи исследования достигаются посредством ретроспективного анализа действующего законодательства. По результатам исследования установлено, что при каждом новом витке развития технологий издаются нормативные и подзаконные акты, при этом дальнейшее развитие этих технологий прекращает достижение целей ранее принятых актов. Также сделан вывод о необходимости субъектам законодательной инициативы более тщательно мониторить законопроекты для модернизации устаревших законов. Научная и практическая значимость работы заключается в предложении конкретного способа минимизации рисков устаревания нормативно-правовой базы, регулярно изменяющейся в процессе научно-технического прогресса. Предлагается определить стабильные элементы при подготовке проектов нормативных правовых и подзаконных актов, которые могут стать такой базой, позволяющей применять действующее законодательство в дальнейшем, несмотря на переход, например, от информационных до цифровых технологий. Кроме того, выделяются новые тенденции совершенствования законодательства.

Ключевые слова: цифровизация, теория права, электронная торговая площадка, предпринимательское право, совершенствование законодательства, информационные технологии.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FROM INFORMATION TECHNOLOGY TO DIGITAL TECHNOLOGIES: CHALLENGES OF IMPROVING LEGISLATION

Eleonora F. Enaleeva

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The relevance of this study stems from the evolution of digital and information technologies, which necessitates frequent legislative updates. Adapting legislation to accommodate emerging technologies and the resulting legal relationships often renders the existing regulatory framework obsolete, effectively removing it from use in legal scholarship and practice. Consequently, the study aims to examine the impact of scientific and technological progress on the prevailing legislative system over the past twenty-five years, employing both general scientific and specialized research methods. The research objectives are met through a retrospective analysis of current legislation. The findings indicate that while new regulations and bylaws are enacted at each successive stage of technological advancement, the continued evolution of these technologies often undermines the original objectives of earlier enactments. The study concludes that entities exercising the right of legislative initiative must ensure more rigorous preparation and review of draft laws, alongside the modernization of outdated statutes. The work holds both theoretical and practical significance by proposing a specific approach to minimizing the obsolescence of the regulatory framework—a framework subject to constant change amidst ongoing scientific and technological progress. It proposes identifying stable elements during the drafting of regulatory acts and bylaws; these elements would serve as a foundation allowing current legislation to remain applicable despite technological shifts—such as the transition from

information technologies to digital technologies. Furthermore, the study highlights emerging trends in legislative improvement.

Keywords: digitalization, legal theory, electronic trading platform, business law, legislative improvement, information technologies.

Funding: Independent work.

Введение.

Научно-технический прогресс обуславливает трансформацию всех сфер общественных отношений. В части правовой сферы это наиболее ярко проявляется в цифровизации в связи с:

- возникновением новых объектов и субъектов правоотношений;
- развитием правового регулирования искусственного интеллекта;
- совершенствованием механизмов обеспечения информационной безопасности, защите персональных данных.

Как отмечает А.В. Минбалеев: «Активный процесс трансформации современного общества, происходящий под воздействием внедрения новейших цифровых технологий, оказывает серьезное влияние и на трансформацию права» [1, с. 11].

Изменение и совершенствование законодательства в условиях цифровизации – это реальность, с которой сталкивается наша правовая система, а также проблема, требующая концептуального осмысления.

С одной стороны, в условиях стремительного развития цифровых технологий возникает необходимость в комплексной и всесторонней оценке состояния действующего законодательства на предмет его способности эффективно регулировать новые технологические процессы и связанные с ними правоотношения.

С другой стороны, требуется определить основные направления совершенствования нормативно-правовой базы и выработать механизмы ее адаптации, чтобы подготовиться к современным технологическим вызовам. Такой подход позволил бы обеспечить последовательное и согласованное развитие законодательства как единого правового механизма, способного своевременно реагировать на возникающие риски и возможности.

Обсуждение. Результаты.

Дальнейшее исследование невозможно без применения метода исторического анализа, поскольку с его помощью возможно выявление содержания и взаимосвязи нормативных правовых актов, а также влияния их на становление правового регулирования отношений в сфере информационных и цифровых технологий.

До цифровых технологий важным шагом в развитии всех сфер общественной жизни было возникновение и применение информационных технологий, которые потребовали изменений в законодательстве. На государственном уровне начало их развития было объявлено 28 января 2002 года, когда было утверждено постановление Правительства Российской Федерации № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» [2]. В первоначальной редакции одним из направлений программы было совершенствование законодательства и системы государственного регулирования в сфере информационно-коммуникационных технологий для внедрения их во все сферы общественной жизни. В программе были выделены следующие основные задачи, которые планировалось реализовать: «... Создание правовой базы для решения проблем, связанных с производством и распространением документов в электронной цифровой форме, снижением административных барьеров и ограничений, препятствующих выходу организаций России на рынки ИКТ, обеспечение равных прав на получение информации из всех общедоступных информационных систем...» и т.д.

Однако несмотря на то, что, прежде всего, именно термин позволяет получить более целостное представление о правовом явлении, нормативно-правовое закрепление того, что такое информационные технологии появилось лишь в 2006 года в ст. 2 в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому это – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [3].

Во исполнение программы было принято множество законодательных актов и внесены изменения в законы. Так, например, в 2009 году был принят Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4]. С 1 января 2011 года у субъектов предпринимательской деятельности появилось право предоставлять в уполномоченные органы исполнительной власти уведомления о начале осуществления предпринимательской деятельности в электронном виде (п. 5 ст. 27 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» в ред. от

26.12.2008 г.) [5], а у государственных органов обязанность выполнять работу в новом виде.

Интересно отметить, что в 2005 году были приняты изменения в Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». И, как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, основной причиной его разработки, помимо других прочих, было: «Несоответствие действующего закона современным реалиям использования информационных технологий». Это означает, что целью государства было продолжение развития инноваций, высокоэффективной инфраструктуры и достижения конкурентоспособности с экономической устойчивостью.

Как видно, изменение законодательства шло вровень с развитием информационных технологий и обеспечило правовое регулирование складывающихся общественных отношений. После завершения этой программы продолжилось развитие информационных технологий, но уже наряду с цифровыми технологиями.

Определение цифровых технологий дается в приказе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01 августа 2018 года № 428 и классифицируется на три категории:

1) постепенно внедряемые (цифровое образование, цифровые платформы, маркетинговая интеграция, умные помощники (чат-боты), мобильные платежи);

2) прорывные (интернет вещей, искусственный интеллект, виртуальная реальность, беспроводная связь, дополненная реальность);

3) технологии ближайшего будущего (офисные роботы, квантовые вычисления, директивная аналитика, криптовалюта)» [6].

Уже 07 сентября 2018 года было утверждено постановление Правительства Российской Федерации № 1065 «О правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» [7]. Принятие Постановления свидетельствовало о необходимости дальнейшего развития цифровой экономики, предпринимательской деятельности на основе применения цифровых и информационных технологий и обеспечения координации государственной политики в сфере цифрового развития.

И если в Постановлении регулирование касалось инновационного цифрового развития экономики и предпринимательства, то с 07 мая 2024 года это затронуло государственное и муниципальное управление, экономику и социальную сферы (см. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на

перспективу до 2036 года, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации») [8].

Развитие цифровых технологий и возникающие в связи с их внедрением общественные отношения все еще требовало дальнейшего совершенствования правового регулирования. В этих условиях законы и подзаконные акты продолжали адаптироваться к цифровой среде, расширяя сферу регулирования. В результате и по сегодняшний день наблюдается устойчивая тенденция к расширению компетенции органов государственной власти в сфере цифрового регулирования и совершенствованию механизмов правового обеспечения цифровой трансформации.

Как уже было упомянуто ранее, в постановлении Правительства Российской Федерации № 65 «О Федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» был задан курс на совершенствование законодательства. Аналогичное направление было определено 7 мая 2018 года Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9]. Одна из их задач, создание системы правового регулирования цифровой экономики, осуществлялась посредством федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды».

Действительно, в настоящее время в нашем государстве продолжается активное развитие цифровизации и, в связи с этим, вновь происходит изменение законодательства. Так, например, были переосмыслены некоторые положения законов под влиянием цифровизации, не менявшиеся много десятков лет. Например, понятие «продавец было закреплено в 1992 году, то есть с момента, когда был введен Закон от 07.02.1992 № 2300-1. «О защите прав потребителей». Наконец, с осени 2026 года Федеральным законом 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» в ст. 2 дается совершенно новое понятие: партнер-продавец – партнер, заключивший гражданско-правовой договор с оператором посреднической цифровой платформы и осуществляющий деятельность на посреднической цифровой платформе, направленную на продажу товаров пользователям [10].

Движущими силами прогресса были и остаются технологические и сопутствующие инновации, развитие и использование экономической мощи, а также творческий потенциал общества. В результате, закон неизбежно должен адаптироваться и выполнять свои задачи по устранению пробелов. Здесь и кроется ключевая проблема для правовой доктрины и законодателя. Только за последнюю четверть века информационные технологии сменились цифровыми. И это не предел. Технологии развиваются, меняются, приобретают все новое название. В 2026 году на

Петербургском международном экономическом форуме было высказано мнение, что следующий этап в развитии нашего государства – агентская экономика. Поэтому справедливо встает вопрос о последствиях для действующего законодательства возникновения новых видов технологий, поскольку система ранее уже была выстроена, например, под информационные или цифровые технологии. В этом нам видится проблема.

Думается, как следствие – произойдет устаревание нормативной правовой базы, за чем следует ее отставание от процессов, происходящих в обществе. То есть законы, подзаконные акты, которые на момент их принятия отвечали этой стадии развития общества, но впоследствии могут стать устаревшими из-за развития других новых более современных технологий.

Со временем и в связи с развитием технологий, закон меняется, а цели и задачи ранее принятых актов перестают достигаться. Устаревший закон требует внесения поправок государственными органами власти к действующим нормативным правовым актам или рассмотрения нового целого законопроекта. Это означает, что от законодателя требуется тщательная проверка и модернизация устаревших законов.

Возникновение новых технологий, которые неизбежно и дальше будут появляться во всем мире, в дальнейшем продолжат порождать новые формы правоотношений, требующих урегулирования, то есть снова возникнет необходимость упорядочивания общественных отношений. Устаревший же закон не способен всесторонне регулировать правоотношения, для которых он был предназначен. При таких обстоятельствах разработка законов становится все более сложной задачей и требует взаимодействия между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, обществом.

Содержание нормативно-правовых актов устаревает под влиянием постоянного развития общества, но любая принимаемая норма права должна стать эффективным регулятором отношений, особенно в важнейших сферах жизни государства и общества. В условиях постоянного развития прогресса эта становится все сложнее; вместе с тем, нам представляется, что стабильные элементы правовых актов при подготовке проектов законодательных актов могут такой стать базой, которая позволила бы применять положения закона или подзаконного акта в даль-

нейшем, несмотря на переход, например, от информационных до цифровых технологий. Таким обобщающим термином для информационных, цифровых и иных технологий может стать «современные технологии».

Кроме того, необходимо обратиться к теории права и положениям о тенденциях совершенствования законодательства. Последнее необходимо при подготовке проекта закона или подзаконного акта, а также для своевременной реакции на новые проблемы, исправления ошибок в принятых законах.

В правовой доктрине К.Р. Мурсалимовым и А.Г. Хабибулиным выделяются следующие тенденции совершенствования законодательства: «приведение всего законодательного массива в соответствие с Конституцией РФ» и «формирование новых комплексных отраслей законодательства...» [11. с. 413].

Однако нами предлагается выделить еще одну тенденцию – учет развития современных технологий при подготовке законопроектов для недопущения их преждевременного устаревания.

Заключение.

Таким образом, развитие информационных и цифровых технологий имеет решающее значение для всех сфер общественной жизни, в том числе и для повышения конкурентоспособности экономики, повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления и т.п. Рост и конкурентоспособность невозможны без ускоренного развития технологий, а их правовое регулирование влияет на то, насколько быстро будет это распространено. Важным результатом их внедрения является создание правовых норм для упорядочивания новых по своему содержанию общественных отношений. Это станет возможным, если начать с обобщающего термина для информационных, цифровых и иных технологий – «современные технологии».

Отсюда следует вывод о необходимости выделения еще одной тенденции в совершенствовании законодательства: учет развития современных технологий при подготовке законопроектов для недопущения их преждевременного устаревания. Думается, что право должно быть готово не столько к цифровизации, сколько к прогрессу в целом.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Минбалеев А.В. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография / А.В. Минбалеев; Под ред. доктора юридических наук, доцента А.В. Минбалеева. М. : Проспект, 2021. 224 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 г. 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 02.07.2013) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.
3. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // Собрание законодательства РФ. 04.02.2002. № 5. Ст. 531.
4. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.
5. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 26.12.2008) // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6249.
6. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2018 г. № 1065 «О правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности» // СЗ РФ. 2018. № 38. Ст. 5846.
8. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
9. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
10. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4643.
11. Мурсалимов К.Р. Теория государства и права : учебник / К.Р. Мурсалимов, А.Г. Хабибулин. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 623 с. DOI: 10.12737/1844531 ISBN: 978-5-16-017342-9 EDN: OCLSEV

References:

1. Minbaleev A.V. Mechanisms and models of regulation of digital technologies : monograph / A.V. Minbaleev; Edited by Doctor of Law, Associate Professor A.V. Minbaleev. M. : Prospekt, 2021. 224 p.
2. Federal Law № 149-fz of 27.07.2006 «on Information, Information Technologies and Information Protection» (as amended on 02.07.2013) // SZ RF. 2006. № 31. Art. 3448.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 28.01.2002 № 65 «On the federal target program «Electronic Russia (2002–2010)» // Collection of legislation of the Russian Federation. 02/04/2002. № 5. Art. 531.
4. Federal Law «on ensuring access to information on the activities of state bodies and local governments» // Federal Law of the Russian Federation. 2009. № 7. Art. 776.5.
5. Federal Law № 294-fz of December 26, 2008 «on the protection of the rights of legal entities and Individual Entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and Municipal control» (as amended on December 26, 2008) // SZ RF. 2008. № 52. Art. 6249.
6. Order of the Ministry of Communications of the Russian Federation dated 08/01/2018 № 428 «on approval of Explanations (methodological recommendations) on the development of regional projects within the framework of federal projects of the national program «Digital Economy of the Russian Federation».
7. Decree of the Government of the Russian Federation № 1065 dated September 7, 2018 «On the Government Commission for Digital Development, the Use of Information Technologies to improve the quality of life and business conditions» // Federal Law of the Russian Federation. 2018. № 38. Art. 5846.
8. Decree of the President of the Russian Federation «on the national Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036, Federal Law «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation» // SZ RF. 2024, № 20. Art. 2584.
9. Decree of the President of the Russian Federation of «On May 7, 2018. № 204 «on national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024», the national program «Digital Economy of the Russian Federation» was formed // Federal Law of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.
10. Federal Law «On certain issues of regulating the platform economy in the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation, 2025. № 31. Art. 4643.
11. Mursalimov K.R. Theory of State and Law : textbook / K.R. Mursalimov, A.G. Khabibulin. 5th ed., revised and add. M. : INFRA-M, 2025. 623 p. DOI: 10.12737/1844531 ISBN: 978-5-16-017342-9 EDN: OCLSEV

Информация об авторе

Еналеева Элеонора Фаридовна
аспирантка,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
ORCID iD: 0009-0009-9911-5302
Enaleeva.10@mail.ru

Eleonora F. Enaleeva
Postgraduate Student,
Kazan (Volga Region) Federal University
ORCID iD: 0009-0009-9911-5302
Enaleeva.10@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-12>
УДК 343.98

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Лозовский Д.Н., Солодкая В.И.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье авторам рассмотрены теоретические основы расследования преступлений, совершенных этническими организованными преступными группами. В рамках данной статьи проанализированы понятие этническая преступность, мнения отдельных ученых по ее содержанию. Определены признаки, характеризующие данный вид противоправных деяний, выявлены основные направления деятельности этнической преступности на современном этапе, установлены проблемные аспекты доказывания по делам исследуемой категории. По итогам исследования дано уточненное понятие организованная этническая преступность, выявлены основные направления по повышению эффективности расследования преступлений, совершенных преступными группами на этнической основе.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная группа, этническая преступность, расследование преступлений, этнос, этническая организованная преступность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE ISSUE OF THE CONTENT OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITY ON AN ETHNIC BASIS

Denis N. Lozovsky, Viktoria I. Solodkaya

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In the article, the authors examine the theoretical foundations of investigating crimes committed by ethnic organized criminal groups. Within the framework of this article, the concept of ethnic crime and the views of individual scholars regarding its content are analyzed. The characteristics that define this type of unlawful act are identified, the main areas of activity of ethnic crime at the present stage are revealed, and problematic aspects of proving cases in this category are established. Based on the results of the study, a refined definition of organized ethnic crime is provided, and the main directions for improving the effectiveness of investigating crimes committed by criminal groups on an ethnic basis are identified.

Keywords: organized crime, criminal group, ethnic crime, crime investigation, ethnicity, ethnic organized crime.

Funding: Independent work.

Введение. Одной из наиболее тревожных тенденций, характеризующих современное состояние преступности, является усиление ее организованных форм. Серьезную опасность для государства представляет устойчивое расширение организованной преступной деятельности, включая ее проявления, связанные с этническим фактором. Данное явление обусловлено совокупностью социально-экономических условий общественного развития и находится во взаимосвязи с миграционными процессами, а также иными обстоятельствами глобального геополитического масштаба.

Актуальность исследования преступности, связанной с деятельностью организованных этнических преступных формирований, обусловлена совокупностью обстоятельств социального, демографического, экономического и политико-правового характера. К числу таких обстоятельств следует отнести многонациональный состав населения Российской Федерации, существенные различия в уровне социально-экономического развития регионов, внутренние миграционные процессы, усиление внешней миграции, а также сохраняющуюся напряженность в сфере межнациональных и международных

отношений. Дополнительное влияние на криминогенную обстановку оказывают межэтнические и межнациональные конфликты, имеющие место как на территории Российской Федерации, так и в государствах, образовавшихся после распада СССР, а также современные военно-политические факторы, включая проведение специальной военной операции.

Особое значение данная проблематика приобретает с учетом того, что на территории Российской Федерации проживают представители более 190 национальностей. Такое этнокультурное многообразие само по себе не является криминогенным фактором, однако при наличии социально-экономических противоречий, миграционной напряженности и недостаточной интеграции отдельных групп населения оно может осложнять выявление, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями, использующими этнические, родственные или земляческие связи в целях конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Обсуждение. Необходимо отметить, что вопросы изучения организованной этнической преступности являются сферой интересов ученых в области уголовного права [1] и криминологии [2], уголовного процесса [3] и криминалистики [4.5], оперативно-розыскной деятельности [6].

Анализ правоприменительной практики, итоги проведенного анкетирования сотрудников правоохранительных органов свидетельствует об определенных проблемах в процессе расследования преступлений, совершенных преступными группами на этнической основе. В частности, результаты опроса позволили выделить следующие обстоятельства, существенно осложняющие расследование преступлений данной категории:

- 1) наличие специфических факторов, обусловленных особенностями культуры, психологии и социальной организации соответствующей этнической группы;
- 2) существование языкового барьера, затрудняющего проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;
- 3) отсутствие у участников преступной группы постоянного места жительства на территории Российской Федерации, что осложняет установление их местонахождения и создает дополнительные возможности для сокрытия за пределами страны;
- 4) наличие фактов активного противодействия расследованию, выражающегося в использовании коррупционных связей, обмене информацией на родном языке, оказании давления на участников уголовного судопроизводства и иных формах воспрепятствования установлению истины по делу;

- 5) недостаточную разработанность методических рекомендаций, посвященных расследованию преступлений, совершаемых преступными группами на этнической основе [7. с. 6].

Социально-экономическое состояние общества находится в устойчивой взаимосвязи с динамикой преступности, поскольку экономическая нестабильность, снижение уровня жизни, диспропорции в развитии отдельных территорий и ослабление социальных механизмов адаптации способны выступать факторами криминогенного характера. В подобных условиях повышается активность различных форм организованной преступности, включая преступные сообщества и группы, формирующиеся по этническому, земляческому либо миграционному признаку.

Организованная преступность представляет собой сложное и многоуровневое социально-правовое явление, отличающееся устойчивостью, структурированностью, высокой степенью адаптивности и многообразием форм криминального проявления. Ее общественная опасность определяется не только количеством совершаемых преступлений, но и способностью организованных преступных формирований проникать в экономические, социальные и управленческие процессы, использовать коррупционные связи, трансграничные каналы коммуникации и иные механизмы противодействия правоохранительной деятельности.

Для многих государств, включая Российскую Федерацию, особую актуальность приобрела проблема преступной деятельности организованных групп и преступных сообществ, формирующихся на основе устойчивых этнических, земляческих, родственных, миграционных либо иных внутригрупповых связей. Такие связи могут способствовать повышению уровня сплоченности участников, распределению ролей, обеспечению конспирации, поддержанию внутренней дисциплины и затруднению выявления всей структуры преступного формирования.

Повышенная общественная опасность подобных криминальных объединений проявляется в их стремлении к расширению сфер влияния, вовлечению новых участников, легализации преступных доходов, установлению контроля над отдельными направлениями противоправной деятельности, а также в попытках оказания незаконного воздействия на представителей органов государственной власти, местного самоуправления, коммерческих и иных организаций. В наиболее опасных формах такая деятельность способна создавать угрозу нормальному функционированию институтов публичной власти, подрывать доверие к государственным механизмам обеспечения правопорядка и осложнять реализацию задач уголовного судопроизводства [1].

При этом в научном анализе принципиально важно исходить из того, что этническая принадлежность участников сама по себе не является криминогенным фактором и не может рассмат-

риваться в качестве причины преступного поведения. Криминалистическое значение имеют прежде всего устойчивость внутригрупповых связей, степень организованности, способы конспирации, механизмы вовлечения лиц в преступную деятельность, формы распределения ролей, финансовое обеспечение, коррупционные связи и характер противодействия расследованию.

Понятие «этническая преступность» первоначально получило распространение преимущественно в практическом обороте подразделений по борьбе с организованной преступностью, формирование которых относится к началу 1990-х гг. В связи с этим термин «этническая преступность» в первоначальном значении имел скорее оперативно-практический, чем строго научный характер, поскольку использовался для обозначения специфики организованных преступных структур, отличавшихся высокой степенью сплоченности и замкнутости.

В дальнейшем указанная категория была воспринята криминологической наукой и стала использоваться в научных исследованиях, посвященных организованной преступности, миграционным процессам, межэтническим отношениям и проблемам противодействия преступным формированиям, основанным на устойчивых внутригрупповых связях. Тем самым понятие «этническая преступность» постепенно перешло из ведомственного и оперативного лексикона в сферу научного анализа и правоприменительной практики.

Нормативно-прикладное закрепление данного подхода получило отражение в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» [8]. Указанный межведомственный акт предусматривает внесение в единые статистические карточки и документы первичного учета преступлений, в частности в формы 1.1 и 2, сведений, позволяющих учитывать отдельные характеристики лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в том числе данные, связанные с их этнической принадлежностью, в случаях, когда такие сведения имеют значение для статистического отражения преступности и последующего криминологического анализа.

Следовательно, термин «этническая преступность» сформировался на стыке оперативно-розыскной практики, криминологической науки и ведомственного статистического учета. Вместе с тем его использование требует особой методологической осторожности, поскольку этническая принадлежность сама по себе не может рассматриваться в качестве причины преступного

поведения. В научном исследовании данный термин целесообразно применять лишь для характеристики тех организованных преступных формирований, в структуре и функционировании которых существенное значение имеют устойчивые этнокультурные, земляческие, родственные либо миграционные связи [6].

В современных условиях, характеризующихся высокой динамикой социальных, экономических и технологических процессов, преступность демонстрирует способность к быстрой адаптации к изменяющейся обстановке. Это в полной мере относится и к организованным преступным формированиям, деятельность которых основана на устойчивых этнических, земляческих, родственных либо миграционных связях. Трансформация способов совершения преступлений, расширение цифровой среды и развитие трансграничных финансовых инструментов оказывают непосредственное влияние на структуру и динамику соответствующих преступных проявлений.

Особую сложность для правоохранительных органов представляет то обстоятельство, что значительная часть таких операций может координироваться лидерами организованных преступных групп, находящимися вне непосредственной зоны совершения преступлений. Полученные преступным путем денежные средства впоследствии легализуются с применением современных финансовых технологий, включая операции с криптовалютами и использование криптобирж. Подобные механизмы существенно затрудняют установление конечных бенефициаров криминальной деятельности, прослеживание движения денежных потоков, изъятие преступных доходов и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности.

Наряду с цифровизацией преступной деятельности сохраняет актуальность и традиционный сегмент организованной преступности корыстной направленности. Такие деяния могут совершаться лицами, объединенными устойчивыми территориальными, земляческими, миграционными или иными социальными связями, что способствует повышению уровня внутригрупповой сплоченности, конспирации и противодействия расследованию. При этом в научном анализе принципиально важно исходить из того, что национальная или этническая принадлежность лица не может рассматриваться в качестве самостоятельной причины преступного поведения; криминологическое значение имеют прежде всего характер внутригрупповых связей, способы координации преступной деятельности, каналы коммуникации и механизмы сокрытия следов преступления.

Таким образом, изменение способов совершения преступлений, использование цифровых технологий, криптовалютных инструментов, трансграничных каналов коммуникации и анонимизированных интернет-ресурсов объективно усложняют выявление, документирование и до-

казывание причастности конкретных лиц к деятельности организованных преступных формирований. В связи с этим возрастает необходимость изучения и внедрения в практику ответственных правоохранительных органов положительного зарубежного опыта противодействия таким преступлениям, прежде всего в части международного информационного обмена, цифровой криминалистики, финансового расследования, отслеживания виртуальных активов и межведомственной координации.

Результаты. Анализ преступной деятельности этнических преступных групп позволяет сделать вывод о ее комплексном и многоаспектном характере. Совершаемые такими объединениями преступления образуют взаимосвязанную систему деяний, объединенных общей криминальной направленностью, заключающейся в незаконном извлечении доходов, накоплении капитала и его последующей легализации. Особая общественная опасность этнических преступных групп заключается в их способности последовательно расширять сферу своего влияния за счет получения сверхдоходов как от противоправной, так и от формально законной деятельности. При этом часть извлекаемых финансовых ресурсов направляется на дальнейшее воспроизводство преступной деятельности, другая – инвестируется в легальные коммерческие структуры. Значительный объем получаемой прибыли используется также для формирования подконтрольных общественно-политических объединений и коррупционного воздействия на представителей органов власти [9].

А.Г. Ахмедов обоснованно указывает, что формирование этнических организованных преступных групп обычно происходит на базе национальных, клановых, религиозных и родовых связей [10].

По мнению А.Н. Игнатова, организованная этническая преступность выражается в деятельности преступных объединений, формирующихся преимущественно по этническому признаку, то есть из представителей одного этноса либо этнически близких общностей. При этом реальный состав таких объединений не всегда является однородным и может включать лиц различной этнической принадлежности, однако их общая этническая характеристика определяется той группой,

которая занимает господствующее положение и выполняет ведущую роль в структуре соответствующего преступного сообщества. Организованную этническую преступность можно определить, как массовую, системную и уголовно наказуемую форму криминальной активности, осуществляемую в рамках организованной деятельности преступных объединений, складывающихся на этнической основе [11].

Заключение. Таким образом, преступная деятельность организованных групп, основанных на устойчивых внутригрупповых связях, имеет сложный, многоэтапный и циклический характер. Ее общественная опасность обусловлена не только совершением конкретных преступлений, но и способностью таких формирований к воспроизводству, адаптации, вовлечению новых участников, использованию миграционных, экономических, коррупционных и трансграничных механизмов.

При этом в научном анализе необходимо избегать упрощенного отождествления преступности с этнической принадлежностью участников. Криминологическое и криминалистическое значение имеют не национальность или происхождение лица сами по себе, а характер устойчивых социальных связей, степень внутригрупповой сплоченности, способы конспирации, распределение ролей, зависимость исполнителей от организаторов, каналы коммуникации, механизмы финансирования и формы противодействия расследованию. Именно эти признаки позволяют рассматривать соответствующую преступную деятельность как организованную и требующую комплексного криминалистического анализа.

Индивидуальные преступления, совершаемые отдельными лицами, могут быть связаны с деятельностью группы, если они выполняются в интересах организаторов, направлены на обеспечение ее функционирования либо являются частью общего преступного замысла. В то же время установление группового характера преступной деятельности требует доказывания устойчивости связей между участниками, согласованности их действий, распределения ролей, общей цели, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильной уголовно-правовой квалификации и построения методики расследования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Никонов И.С. Понятие и сущность организованной этнической преступной группы // Оперативно-розыскное противодействие наркопреступности : материалы Всерос. науч.-практ. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2024. С. 61–63.
2. Гаджимурадов Ш.А. Криминогеографический анализ организованной этнической преступности в г. Москве // Криминологическая политика и практика противодействия преступности: Сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С. 89–93. EDN: EIKBJX
3. Казнина И.А. Обеспечение прав участников уголовного процесса, являющихся представителями этнических групп // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : Сб. науч. статей. Орёл : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. С. 104–107.
4. Фойгель Е.И. Теоретические основы криминалистического изучения этнических характеристик личности : монография. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. 236 с. ISBN: 978-5-7253-3150-9 EDN: ZZITNA
5. Кулешова А.В. Методологические принципы формирования базовой методики расследования преступлений, связанных с деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4(102). С. 108–113.
6. Ахмедов А.Г. Актуальные вопросы оперативно-розыскного противодействия этнической преступности / А.Г. Ахмедов, Р.Р. Насыров // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 2 (104). С. 58–69. DOI: 10.35750/2017-8284-2021 EDN: FILZBV
7. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2022. 53 с. EDN: GXOKFZ
8. О едином учете преступлений: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации и Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/ 353/399 (с изм/ и доп.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Волынкин Е.Н. Использование сотрудников органов внутренних дел – представителей этнических групп в противодействии незаконному обороту наркотиков // Научный компонент. 2022. № 2(14). С. 6–12. DOI: 10.51980/2686-939X_2022_2_6 EDN: BNWOHM
10. Ахмедов А.Г. Организованная этническая преступность: оперативно-розыскная характеристика, тенденции, вопросы, требующие разрешения / А.Г. Ахмедов, Т.О. Бозиев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 89–97. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-1-89-97 EDN: VYTJWK
11. Игнатов А.Н. Организованная этническая преступность: понятие и механизмы образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2(106). С. 170–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-170-178 EDN: KMGRZL

References:

1. Nikonov I.S. The concept and essence of an organized ethnic criminal group // Operational-investigative counteraction to drug crime : materials of the All-Russian scientific and practical. Krasnoyarsk : Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 61–63.
2. Gadzhimuradov Sh.A. Criminogeographic analysis of organized ethnic crime in Moscow // Criminological policy and practice of crime prevention: collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2025. Pp. 89-93. EDN: EIKBJX
3. Kaznina I.A. Ensuring the rights of participants in the criminal process who are representatives of ethnic groups // Criminal procedural and criminalistic problems of combating crime : Collection of scientific papers. articles. Orel : Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2024. P. 104–107.
4. Voigel E.I. Theoretical foundations of the criminalistic study of ethnic personality characteristics : monograph. Irkutsk : Baikal State University, 2023. 236 p. ISBN: 978-5-7253-3150-9 EDN: ZZITNA
5. Kuleshova A.V. Methodological principles of forming a basic methodology for investigating crimes related to the activities of foreign citizens and stateless persons // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4(102). P. 108–113.
6. Akhmedov A.G. Actual issues of operational investigative counteraction to ethnic crime / A.G. Akhmedov, R.R. Nasyrov // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2(104). P. 58–69. DOI: 10.35750/2017-8284-2021 EDN: FILZBV
7. Voigel E.I. Conceptual foundations of the criminalistic study of ethnic personality characteristics and the practice of their implementation in the investigation of crimes : abstract of dis. ... of Dr. of Law sciences'. Rostov-on/D., 2022. 53 с. EDN: GXOKFZ
8. On the unified accounting of crimes: Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Justice

- of Russia, the FSB of Russia, the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation and the Federal Drug Control Service of the Russian Federation dated December 29, 2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 (as amended and supplemented) // Access from the help.-the legal system «ConsultantPlus».
9. Volinkin E.N. The use of law enforcement officers representing ethnic groups in countering drug trafficking // Scientific component. 2022. № 2(14). P. 6–12. DOI: 10.51980/2686-939X_2022_2_6 EDN: BNWOHM
10. Akhmedov A.G. Organized ethnic crime: operationally-investigative characteristics, trends, issues requiring resolution / A.G. Akhmedov, T.O. Boziev // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1(93). P. 89–97. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-1-89-97 EDN: VYTJWK
11. Ignatov A.N. Organized ethnic crime: the concept and mechanisms of education // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2(106). P. 170–178. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-170-178 EDN: KMGRZL

Информация об авторах

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Солодкая Виктория Игоревна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
lozovsky@mail.ru

Victoria I. Solodkaya

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer
at the Department of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
lozovsky@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-9>
УДК 343.9

Attribution
cc by

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тюрин М.А.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В статье рассматриваются понятие и основные признаки социального проектирования в сфере предупреждения преступлений. На основе анализа сложившихся в социологии и криминологии подходов уточнено содержание социального проектирования применительно к антикриминальной практике. Предложено авторское определение социального проектирования в предупреждении преступлений. Выделены и раскрыты его основные признаки: целенаправленность, научная обоснованность, широкий субъектный состав и проектная форма деятельности. Обосновано значение указанных признаков для отграничения социального проектирования от иных форм предупредительной деятельности. Цель исследования: сформулировать понятие социального проектирования в сфере предупреждения преступлений и определить его основные признаки. Методы исследования.: диалектический, деятельностный и системный подходы, а также общелогические мыслительные приемы, общенаучные и частнонаучные методы познания. Результаты: предложено авторское определение социального проектирования в сфере предупреждения преступлений; установлены и раскрыты его основные признаки, позволяющие определить специфику данной формы организации предупредительной деятельности.

Ключевые слова: криминология, социальное проектирование, социальный проект, предупреждение преступлений, профилактика правонарушений, предупредительная деятельность, целенаправленность, научная обоснованность, субъектный состав, проектная деятельность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE CONCEPT AND FEATURES OF SOCIAL PROJECT DESIGN IN CRIME PREVENTION

Mikhail A. Tyurin

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article examines the concept and key features of social project design in the field of crime prevention. Based on an analysis of approaches developed in sociology and criminology, the content of social project design as applied to crime prevention practice is clarified. An original definition of social project design in crime prevention is proposed. Its main features are identified and examined, including purposefulness, scientific validity, a broad range of actors, and the project-based form of activity. The significance of these features for distinguishing social project design from other forms of preventive activity is substantiated. Objective: to formulate the concept of social project design in the field of crime prevention and identify its main features. Methods: dialectical, activity-based and systemic approaches, as well as general logical techniques, general scientific and special scientific methods of research. Results: an original definition of social project design in the field of crime prevention is proposed; its main features are identified and examined, making it possible to determine the specific nature of this form of organizing preventive activity.

Keywords: criminology, social project design, social project, crime prevention, prevention of offenses, preventive activity, purposefulness, scientific validity, range of actors, project activity.

Funding: Independent work.

Введение.

Эффективность предупреждения преступлений определяется не только качеством проводимых

профилактических мероприятий, но и уровнем организации предупредительной деятельности, наличием эффективных средств и инструментов ее осуществления.

Развитие общественных отношений, трансформация преступности и усложнение задач, стоящих перед субъектами профилактики, закономерно обуславливают изменение используемого ими предупредительного инструментария. Это подтверждается и в области социального проектирования, а также его распространенности в сфере предупреждения преступлений.

Обсуждение.

Анализ статистической информации Фонда президентских грантов, отражающей сведения о проектах, на реализацию которых запрошено финансирование за период с января 2017 по июль 2026 г., демонстрирует, что из 198204 направленных субъектами общественных инициатив заявок 2661 проектов были посвящены профилактической деятельности, включающей:

- предупреждение преступлений и административных правонарушений;
- ресоциализацию осужденных;
- пробацию и профилактику криминального рецидива;
- противодействие экстремизму, терроризму и коррупции;
- профилактику наркотизации и иных зависимостей;
- предупреждение насилия и виктимизации граждан;
- профилактику мошеннических действий, киберпреступности, нарушений правил дорожного движения, а также иных форм преступного и антиобщественного поведения.

Проведенный анализ сведений о проектах, представленных на конкурсы Фонда президентских грантов, наглядно подтверждает распространенность подобной формы организации предупредительной деятельности. В 2017 г. на получение грантовой поддержки было представлено 362 проекта предупредительной направленности, в 2018 г. – 352, в 2019 г. – 291, в 2020 г. – 306, в 2021 г. – 258, в 2022 г. – 281, в 2023 г. – 204, в 2024 г. – 187, в 2025 г. – 208 проектов. По состоянию на 10 июля 2026 г. соответствующий показатель составил 212 проектов¹.

Из представленной совокупности проектных заявок наибольшая их часть ориентирована на профилактику незаконного потребления наркотических средств и иных форм аддиктивного поведения (846 проектов), а также предупреждение иных форм антиобщественного поведения (335 проектов). Значительный массив образуют

проекты, направленные на ресоциализацию лиц, совершивших преступления, развитие механизмов пробации и предупреждение рецидивной преступности (298 проектов), предупреждение насилия и минимизацию процессов виктимизации граждан (256 проектов), общую и специальную профилактику преступлений (197 проектов). Отдельные направления социально-проектной деятельности представлены предупреждением преступлений экстремистской и террористической направленности (187 проектов), коррупционной преступности (147 проектов), правонарушений и преступлений в сфере безопасности дорожного движения (138 проектов) насильственного и агрессивного поведения в подростково-молодежной среде, включая различные формы буллинга (100 проектов), мошенничества и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (81 проект). Остальную часть массива составили проекты в сфере восстановительной медиации, юридического и психологического сопровождения, а также иных вопросов, косвенно связанных с профилактической деятельностью (76 проектов).

Вместе с тем, распространенность социально-проектных инициатив в области предупреждения преступлений еще не свидетельствует об их реализации и получении соответствующего финансирования. Из всей совокупности представленных в Фонд президентских грантов проектных заявок в рассматриваемой сфере, финансовую поддержку за период 2017 – июль 2026 г. получило лишь 487 общественных инициатив, а 36 были отозваны заявителями. Итоговое соотношение поданных заявок и полученного на них финансирования свидетельствует о том, что лишь 18 % социальных проектов были транслированы в область антикриминальной практики.

Выявленные тенденции, безусловно, не позволяют оценить качество предлагаемых проектов, однако наглядно свидетельствует об имеющихся проблемах в данной области, демонстрирует существенный разрыв между количеством разрабатываемых социально-проектных инициатив предупредительной направленности и возможностями получения ресурсной поддержки для их практической реализации.

Вышеуказанное поднимает вопрос о качестве разработки социальных проектов в сфере предупреждения преступлений, их научной обоснованности, соответствии складывающейся криминальной обстановке и потребностям антикриминальной практики, правильности постановки целей и задач, выборе целевой аудитории, дополнительных ресурсов, обеспечивающих реализацию проекта, а также системы мероприятий и критериев оценки ожидаемых результатов в области профилактики.

Решение данных вопросов возможно исключительно посредством формирования целостного криминологического знания о социальном проек-

¹ Сведения о проектах, на реализацию которых запрошено финансирование у Фонда президентских грантов (с 2017 года). URL : <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/open-data> (дата обращения 13.08.2026).

тировании в сфере предупреждения преступлений, проблемах, возникающих в данной области, и путях их решения.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А.И. Долгова, «ни одно серьезное исследование немислимо без предварительной разработки исходной теоретической концепции» [1, с. 6].

Новизна рассматриваемой формы организации профилактической работы и её не разработанность в криминологической науке обуславливает необходимость формирования исходных теоретических положений о понятии, содержании и признаках социального проектирования.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова понятие «социальный» определяется как «связанное с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу, общественный» [2].

В Большом толковом словаре русских существительных Л.Г. Бабенко «проект» определяется как результат интеллектуальной деятельности, представляющий собой замысел, план чего-либо [3].

В свою очередь, проектирование предполагает под собой процесс создания проекта, прообраза предполагаемого или возможного объекта, состояния [4, с. 1067].

Сама по себе категория «социальное проектирование» сформировалась в плоскости социологических наук и теории социальной работы.

Одним из первых ученых, включивший социальное проектирование в социологическую теорию стал Г.А. Антонюк. Он определил социальное проектирование в качестве деятельности по разработке научно-обоснованной модели рациональных характеристик конкретных социальных организмов или их состояний в плане решения определенных социальных задач. По мнению автора, построенная модель и есть социальный проект [5, с. 11]. В последствии определение социального проектирования подверглось серьезной дискуссии.

В трудах Н.В. Жадько социальное проектирование представлено в качестве способа организации и выявления ресурсов для перестройки, модернизации, средства взаимодействия с партнерами, властными структурами, обществом [6, с. 9].

Близкая теоретическая дефиниция отражается в работах Т.Л. Стениной. Автор под социальным проектированием предлагает понимать метод, способствующий организации и реализации проектной деятельности, активизирующий творческое мышление, помогающий выработать умение решать новые проблемы и способствующий продуктивной умственной деятельности и целенаправленному сознательному поиску, и решению социально значимой проблемы [7, с. 183].

Более удачным, в нашем представлении, стали теоретические подходы иных авторов, которые представляют социальное проектирование не просто в качестве метода или способа, реализация которых способствует определенным социальным изменениям, но и включающих в содержание социального проектирования научную обоснованность и практическую направленность.

Так, Ж.Т. Тощенко под социальным проектированием понимает специфическую деятельность, связанную с научно обоснованным определением вариантов развития новых социальных процессов, явлений и с целенаправленным коренным изменением конкретных социальных институтов [8, с. 319].

Операционализация понятий «социальное проектирование» позволяет установить его исходное смысловое содержание как деятельности, связанной с формированием замысла, разработкой прообраза предполагаемого объекта или его будущего состояния и определением способов его последующего воплощения. Указание на социальный характер такой деятельности свидетельствует о том, что объектом предполагаемых преобразований выступают те или иные сферы общественных отношений, изменяющиеся посредством реализации конкретного социального проекта. В данном контексте под социальным проектом принято понимать сконструированное инициатором проекта социальное нововведение, целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности, имеющее пространственно-временные и ресурсные границы и воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению [9, с. 7].

Сформировавшиеся в социологической литературе воззрения о социальном проектировании оказали влияние и на криминологическую теорию.

Одним из первых на социальное проектирование как самостоятельную технологию правового воспитания и просвещения населения обратил внимание Е.В. Грибанов. В данном контексте, автор предлагает под социальным проектированием понимать процесс создания идеи совершенствования правоохранительной практики и соответствующих сфер общественной жизни посредством постановки конкретных целей и задач по их достижению, а также описания необходимых мероприятий и ресурсов для практической реализации идеи в поставленные сроки [10, с. 16].

Соглашаясь с позицией автора, следует, все же, указать на то, что социальное проектирование может не ограничиваться отдельными формами профилактического воздействия, а выступать полноценным научно обоснованным инструментом организации предупредительной деятельности, включающим различные формы профилактического воздействия, ориентированным на достижение позитивных изменений, связанных с

минимизацией причин и условий преступности, снижением криминогенного потенциала происходящих в обществе процессов, противодействием криминализации и виктимизации личности и отдельных социальных групп посредством реализации соответствующих проектов.

Результаты.

Учитывая имеющиеся теоретические подходы в области определения понятия «социальное проектирование», а также невозможность их механической трансляции в криминологическую область знания в силу специфической цели, объекта воздействия, круга субъектов предупредительной деятельности, а также особых нормативных и организационных условий реализации проекта, представим авторское определение социального проектирования в сфере предупреждения преступлений.

Под социальным проектированием в сфере предупреждения преступлений следует понимать целенаправленную и научно обоснованную деятельность субъектов предупреждения преступлений, осуществляемую посредством постановки цели, определения задач, необходимых для её достижения, разработки и реализации ограниченного временными и ресурсными рамками комплекса взаимосвязанных действий, направленных на решение конкретной проблемы в сфере предупреждения преступлений и достижение заранее определенного предупредительного результата.

Сформулировав понятие «социальное проектирование» в сфере предупреждения преступлений, следует его признаки, характеризующие данную форму организации предупредительной деятельности.

Целенаправленность.

Данный признак подразумевает под собой наличие единой цели, то есть конечного результата в области предупреждения преступлений, который лицо планирует достичь в ходе реализации комплекса мероприятий [11, с. 102]. Она не направлена непосредственно на сокращение преступности, поскольку подобная цель недостижима в рамках отдельного проекта, но способна выражаться в изменении социального процесса, состояния среды, поведения группы или деятельности субъектов, имеющих значение для предупреждения преступлений. Цель общественной инициативы в области предупредительной деятельности способна выражаться в снижении криминогенного потенциала отдельных факторов или социальных групп, предупреждении отдельных видов преступности и вовлечения в них граждан, формировании у определенных групп антикриминальных установок и правопослушных моделей поведения, повышении защищенности отдельных социальных групп от криминальных угроз, совершенствовании предупредительной деятельности определенных субъектов профилактики, создании условий, препятствующих

формированию либо развитию конкретных причин и условий преступности и других позитивных трансформаций в области антикриминальной практики.

Научная обоснованность.

Развивая сложившееся в социологической литературе представление о научной обоснованности социального проектирования как условия определения параметров формирования будущих социальных объектов и процессов, отметим особое значение данного признака для сферы предупреждения преступлений. Его содержание выражается в опоре проектной деятельности на накопленные криминологической наукой знания о преступности, ее причинах и условиях, криминогенных качествах личности и социальных групп, процессах криминализации и виктимизации, средствах предупредительного воздействия на них, а также результаты смежных научных отраслей в данной области. Использование такой информации позволяет обеспечить содержательную связь между существующей проблемой, планируемыми мероприятиями и предполагаемым предупредительным результатом. Ярким примером отражения данного признака являются проект «Страна троллей или нет», заключавшийся в психологической помощи подросткам, пострадавшим от кибербуллинга. По своему содержанию данный социальный проект является одной из форм воплощения результатов диссертационного исследования А.А. Бочавер на соискание ученой степени доктора психологических наук и основывается на обширном теоретическом и эмпирическом фундаменте, способствующем эффективному его воплощению в практике противодействия кибербуллингу [12, с. 13].

Широкий круг субъектов предупреждения преступлений.

Данный признак подразумевает под собой разработку и реализацию проектов широким кругом лиц, способных осуществлять предупредительное воздействие в области антикриминальной практики. В отличие от нормативного разграничения, в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъектов системы профилактики и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, применительно к социальному проектированию подобное разделение носит условный характер. Граждане, общественные объединения, некоммерческие и иные организации способны самостоятельно выступать инициаторами, разработчиками и исполнителями проектов профилактической направленности, а, следовательно, являются полноценными субъектами предупреждения преступлений.

Вышеуказанное подтверждается и результатами проведенного исследования. Значительная часть профилактических проектов иницируют и реализуют граждане и представители общественных организаций, активное участие в про-

ектной деятельности принимают также представители органов молодежной политики. В то же время отдельные специальные субъекты предупреждения преступлений представлены в данной деятельности существенно слабее.

Проектная форма деятельности.

Указанный признак предполагает под собой особую форму организации предупредительной деятельности в виде профилактического проекта, имеющего собственную структуру и нацеленного на достижение конкретного результата. В отличие от различных профилактических мероприятий, социальный проект в сфере предупреждения преступлений предполагает предварительное определение проблемы, постановку цели и задач, формирование взаимосвязанного комплекса действий, необходимых для их решения, установление ресурсных и временных рамок, а также предполагаемого результата. В этой связи отдельные профилактические мероприятия приобретают проектный характер только в том случае, если они объединены единым замыслом и подчинены достижению общей цели и оформлены в соответствии с предусмотренными требованиями.

Наряду с тем, что конкурсные требования отличаются в зависимости от грантодателя, они объединены общей проектной концепцией, которая преимущественно включает в себя: краткое опи-

сание проекта, его цель, задачи обоснование социальной значимости, а также географию, реализацию проекта и конкретные целевые группы, на которых будет осуществляться профилактическое воздействие. Отдельным элементом проектной формы выступает ресурсное обеспечение, отражающее объем средств, необходимых для реализации проекта, а при наличии – собственное или привлеченное софинансирование, а также иные используемые ресурсы. В некоторых грантовых конкурсах социальный проект должен также соответствовать критериям, связанным с перспективами развития и потенциалом проекта в дальнейшем будущем.

Заключение.

Выделенные признаки социального проектирования в сфере предупреждения преступлений наглядно отражают его специфику. Из содержания признаков социального проектирования абсолютно ясно, что многие из реализуемых проектов транслируются в практику предупреждения преступности различными субъектами, отличаются временными рамками и ресурсными затратами, географией реализации проекта, а также преследуют различные цели предупредительного воздействия. Указанное требует учета для формирования нового криминологического знания о социальном проектировании и его применении в практике предупреждения преступлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Долгова А.И. Методика и опыт криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника. Сб.: Методика криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника. М., 1977.
2. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. Т. 3: П-Ряшка.
3. Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
4. Большой энциклопедический словарь в 2 томах / Гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия 1991.
5. Антонюк Г.А. Социальное проектирование. Мн., 1978.
6. Жадько Н.В. Как получить грант / Н.В. Жадько. М., 1999.
7. Стенина Т.Л. Социальное проектирование: педагогический контекст // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-3. EDN: RUQCSL
8. Тощенко Ж.Т. Социология: Общ. курс. М. : Прометей, 1994.
9. Луков В.А. Социальное проектирование : учеб. пособие. 7-е изд. М. : Изд-во Моск. Гуманитарного университета: Флинта, 2007. ISBN: 978-5-85085-747-9 EDN: QOGUET
10. Грибанов Е.В. Правовое воспитание и просвещение населения как технология предупреждения преступлений // Общество и право. 2020. № 4. С. 12–18. EDN: PIUIKV
11. Вицентий И. В. Практикум социального проектирования : учеб. пособие. Мурманск : Изд-во МАУ, 2024. 102 с.
12. Бочавер А.А. Школьный буллинг как социально-психологический феномен : резюме дис. ... докт. психол. наук. М., 2025.

© Тюрин М.А.

References:

1. Dolgova A.I. Methodology and Experience of Criminological Study of the Personality of a Juvenile Offender. In: Methodology of Criminological Study of the Personality of a Juvenile Offender. M., 1977.
2. Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols. / Edited by D.N. Ushakov. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1939. Vol. 3: P–Ryashka.
3. A Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description, Synonyms, Antonyms / Edited by L.G. Babenko. M. : AST-PRESS Book, 2005. 864 p.
4. A Large Encyclopedic Dictionary in 2 volumes / Editor-in-chief A.M. Prokhorov. M. : Soviet Encyclopedia, 1991.
5. Antonyuk G.A. Social Design. Mn., 1978.
6. Zhadko N.V. How to Get a Grant I N.V. Zhadko. M., 1999.
7. Stenina T.L. Social Design: Pedagogical Context // Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application. 2010. № 11-3. EDN: RUQCSL
8. Toshchenko Zh. T. Sociology: General. course. M. : Prometheus, 1994.
9. Lukov V.A. Social Design : textbook. stipend. 7th ed. M. : Publishing House of Moscow. University of the Humanities: Flint, 2007. ISBN: 978-5-85085-747-9 EDN: KOGUET
10. Gribanov E.V. Legal education and public education as a crime prevention technology // Society and Law. 2020. № 4. P. 12–18. EDN: PIUIKV
11. Vicenty I.V. Workshop on Social Design : textbook. stipend. Murmansk : Publishing House of the MAI, 2024. 102 p.
12. Bochaver A.A. School bullying as a socio-psychological phenomenon : summary of the dis. ... doct. of psychol. sciences. M., 2025.

Информация об авторе

Тюрин Михаил Александрович

соискатель кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Mikhail A. Tyurin

Candidate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-10>

УДК 341.63

Attribution

cc by

РЕФОРМА АРБИТРАЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКА ПРИЗНАНИЯ РЕШЕНИЙ ПО РОССИЙСКО-КИТАЙСКИМ КОММЕРЧЕСКИМ КОНТРАКТАМ

Харина Е.М.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой архитектуры разрешения споров по российско-китайским коммерческим контрактам и влиянию реформы арбитражного законодательства КНР 2025 г. на практику признания и приведения в исполнение решений. На основе формально-юридического и сравнительно-правового методов, а также систематизации судебной статистики и правоприменительных позиций судов России и Китая установлено, что уровень признания иностранных арбитражных решений в Китае стабильно превышает 90 %, при этом решения МКАС при ТПП РФ входят в число наиболее часто признаваемых. В отличие от этого, практика признания решений российских государственных судов в Китае остаётся немногочисленной и процедурно уязвимой. Реформа 2025 г. закрепляет концепцию места арбитража, допускает деятельность иностранных институтов на территории КНР и ограниченно вводит арбитраж ad hoc, но сохраняет ряд консервативных ограничений. Сквозной проблемой в обеих юрисдикциях выступает ненадлежащее извещение сторон, основная причина отказов в признании решений. Автор делает вывод, что для российско-китайских контрактов предпочтителен институциональный арбитраж, однако новые возможности реформы требуют учёта сохранённых ограничений и сокращённых процессуальных сроков.

Ключевые слова: российско-китайские коммерческие контракты, реформа арбитражного законодательства КНР, признание и приведение в исполнение решений, международный коммерческий арбитраж, Нью-Йоркская конвенция, договор о правовой помощи, надлежащее извещение, CIETAC, МКАС при ТПП РФ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE REFORM OF ARBITRATION LEGISLATION AND THE PRACTICE OF RECOGNIZING DECISIONS ON RUSSIAN-CHINESE COMMERCIAL CONTRACTS

Ekaterina M. Kharina

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal architecture for dispute resolution under Russian-Chinese commercial contracts and the impact of the 2025 reform of China's arbitration legislation on the practice of recognition and enforcement of decisions. Based on formal-legal and comparative-legal methods, as well as systematisation of judicial statistics and law enforcement positions of the courts of Russia and China, it has been established that the rate of recognition of foreign arbitral awards in China consistently exceeds 90 %, with awards of the ICAC at the RF CCI being among the most frequently recognised. In contrast, the practice of recognition of decisions of Russian state courts in China remains scarce and procedurally vulnerable. The 2025 reform establishes the concept of the seat of arbitration, permits the activities of foreign institutions on the territory of the PRC and introduces ad hoc arbitration on a limited basis, but retains a number of conservative restrictions. A cross-cutting issue in both jurisdictions is improper notice to the parties, the main reason for refusals to recognise decisions. The author concludes that institutional arbitration is preferable for Russian-Chinese contracts, but the new opportunities created by the reform require consideration of the retained restrictions and shortened procedural time limits.

Keywords: Russian-Chinese commercial contracts, China's Arbitration Law reform, recognition and enforcement of decisions, international commercial arbitration, New York Convention, treaty on legal assistance, proper notice, CIETAC, ICAC at the RF CCI.

Funding: Independent work.

Введение.

Товарооборот между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой остаётся одним из крупнейших в мировой торговле: по данным Главного таможенного управления КНР, в 2025 г. он составил порядка 228,1 млрд долларов США, снизившись на 6,9 % относительно рекордного 2024 г., но оставаясь третий год подряд выше отметки в 200 млрд долларов [1].

Даже с учётом его временного снижения, масштаб торгово-экономических связей закономерно порождает значительное число коммерческих споров между российскими и китайскими контрагентами, что делает вопрос о работающей архитектуре разрешения таких споров и, что не менее важно, о последующем признании и приведении в исполнение выносимых решений практически значимым для широкого круга участников внешнеэкономической деятельности, а не только для крупных инфраструктурных и энергетических проектов.

Ситуация осложняется тем, что правовые системы двух стран не всегда одинаково последовательно относятся к решениям друг друга: если признание иностранных арбитражных решений в Китае давно и устойчиво тяготеет к проарбитражному подходу, то практика признания решений государственных судов остаётся количественно скромной и процедурно более уязвимой.

Одновременно с этим, 12 сентября 2025 г. Китай принял наиболее масштабную за тридцать лет реформу собственного законодательства об арбитраже, вступившую в силу 1 марта 2026 г. Указанные обстоятельства делают актуальным комплексный анализ: как реформа 2025 г. изменяет доступные российским компаниям инструменты разрешения споров с китайскими контрагентами, и что показывает практика признания и приведения в исполнение судебных и арбитражных решений, накопленная к настоящему времени «по обе стороны границы».

Целью настоящей статьи является систематизация правовой архитектуры разрешения споров по российско-китайским коммерческим контрактам, анализ ключевых новелл реформы арбитражного законодательства КНР 2025 г. и обзор практики признания и приведения в исполнение решений государственных судов и международных коммерческих арбитражей между Россией и Китаем.

Задачи исследования включают:

- раскрытие содержания реформы 2025 г. и её значения для российских компаний;

- систематизацию статистики и прецедентов признания российских решений в КНР;

- систематизацию практики признания китайских арбитражных решений в России;

- формулирование практических рекомендаций по составлению арбитражных оговорок и организации извещения сторон.

Правовая основа разрешения споров между российскими и китайскими компаниями.

Международно-правовой базой признания и приведения в исполнение арбитражных решений между Россией и Китаем выступает Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключённая в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. [2]; обе страны являются её участниками, хотя Китай при присоединении в 1987 г. сделал оговорку о взаимности и коммерческом характере спора.

Отдельным основанием для признания и приведения в исполнение решений государственных судов служит двусторонний Договор между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 г., вступивший в силу 14 ноября 1993 г.: согласно его статье 16, взаимная правовая помощь охватывает признание и приведение в исполнение как судебных решений, так и решений третейских судов [3].

Существование указанного договора имеет существенное практическое значение: оно избавляет заявителя от необходимости доказывать взаимность между правовыми системами двух государств — обстоятельство, которое по общему правилу является предпосылкой признания в отсутствие международного договора и на практике бывает крайне сложно подтвердить.

Основаниями для отказа в признании решения российского суда выступают:

- неисполнимость решения по законодательству страны его вынесения;

- исключительная компетенция китайского суда по данному делу;

- ненадлежащее извещение стороны, не принявшей участия в процессе, либо отсутствие надлежащего представителя у процессуально недееспособной стороны;

- наличие тождественного разбирательства или ранее признанного решения третьего государства в китайском суде;

— противоречие признания и исполнения суверенитету, безопасности или публичному порядку КНР [4].

Реформа арбитражного законодательства КНР 2025 г.: ключевые новеллы.

12 сентября 2025 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял наиболее масштабную с момента принятия Закона КНР «Об арбитраже» в 1994–1995 гг. редакцию этого закона, вступившую в силу 1 марта 2026 г. [5] В отличие от технических поправок 2009 и 2017 гг., реформа 2025 г. затрагивает основополагающие институты арбитражного процесса; обновлённый закон включает 96 статей, объединённых в восемь глав, и прямо ориентирован на превращение Китая в предпочтительную площадку для международного коммерческого арбитража [6, 7]. Реформа прямо закрепляет доктрину автономности (делимости) арбитражного соглашения от основного договора и право состава арбитража самостоятельно решать вопрос о своей компетенции [7].

Ключевой новеллой стало формальное закрепление концепции «места арбитража» применительно к спорам с иностранным элементом (ст. 81): стороны вправе письменно согласовать место арбитража, которое, если иное не согласовано сторонами, определяет применимое процессуальное право и суд, обладающий компетенцией по контролю за арбитражным разбирательством. До этой реформы Закон КНР «Об арбитраже» не проводил различия между местом арбитража и местом нахождения администрирующего арбитражного учреждения, что порождало существенную неопределённость для иностранных участников оборота [8].

Не менее значимой новеллой выступает статья 86, допускающая создание иностранными арбитражными институтами собственных представительств в пилотных зонах свободной торговли, порту свободной торговли Хайнань и иных территориях, одобренных Государственным советом КНР, для администрирования споров с иностранным элементом. Данная норма закрепляет на уровне закона практику, ранее существовавшую лишь в качестве локальных пилотных программ Шанхая и Пекина, и впервые открывает китайский рынок для таких институтов, как НКІАС или ICC, позволяя им администрировать разбирательства непосредственно на территории материкового Китая [9].

Реформа также частично легализует арбитраж *ad hoc*, ранее не признававшийся китайским правом: согласно статье 82, стороны вправе избрать арбитраж *ad hoc* для морских споров с иностранным элементом, а также для споров между предприятиями, зарегистрированными в пилотных зонах свободной торговли, порту свободной торговли Хайнань и иных обозначенных территориях. Сфера применения этого института

остаётся, однако, существенно ограниченной по сравнению с общепринятой международной практикой [10].

К числу иных значимых новелл относятся:

- формальное признание легитимности онлайн-арбитража, имеющего равную юридическую силу с очным разбирательством, если стороны прямо не возражают против этого;

- расширение определения «споров с иностранным элементом»; введение обязанности арбитра раскрывать обстоятельства, вызывающие «разумные сомнения» в его беспристрастности и независимости;

- признание за китайскими арбитражными институтами права администрировать споры по инвестиционным договорам между инвестором и государством;

- что особенно важно с практической точки зрения – сокращение срока подачи заявления об отмене арбитражного решения с шести до трёх месяцев с момента получения решения, приводящее китайское регулирование в соответствие с Типовым законом ЮНСИТРАЛ и повышающее финальность выносимых решений [11].

Оценка реформы в западной и китайской юридической литературе не является однозначно позитивной. Наряду с признанием прогрессивного характера большинства перечисленных новелл, отмечается, что реформа сохраняет ряд консервативных черт: обеспечительные меры по-прежнему принимаются преимущественно государственными судами, а не арбитражными трибуналами; сфера применения арбитража *ad hoc* остаётся узкой; кроме того, положение об обязательном соответствии арбитражной деятельности «руководству» правящей партии вызывает вопросы у иностранных наблюдателей относительно фактической нейтральности институциональной среды [12].

По собственной оценке китайской стороны, реформа отражает проарбитражную судебную позицию, нацеленную на поддержание действительности арбитражных соглашений при малейшей к тому возможности [7], а Министерство юстиции КНР в 2025 г. запустило отдельную инициативу по формированию «арбитражных институтов мирового уровня с китайской спецификой», отобрав 22 учреждения в первый этап этой программы [13]. Китайские суды уже демонстрируют устойчиво проарбитражный подход: в 2023 г. ими было рассмотрено свыше 16000 дел, связанных с коммерческим арбитражем, при этом лишь 5,11 % арбитражных решений были отменены, 95,73 % ходатайств об обеспечительных мерах – удовлетворены, а доля признанных и приведённых в исполнение иностранных арбитражных решений составила 92 % [14].

Для российских компаний, ведущих деятельность с китайскими контрагентами, реформа

имеет существенное практическое значение: она впервые делает выбор китайской площадки – в том числе площадки иностранного института, администрируемой на территории КНР, – реалистичной альтернативой традиционным центрам в Гонконге, Сингапуре или Стокгольме.

Признание и приведение в исполнение арбитражных решений в Китае.

Наиболее полную и методологически прозрачную статистическую картину даёт эмпирическое исследование 203 решений китайских судов по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, вынесенных в период с 2012 по 2022 г. и опубликованное юристами шанхайского офиса Zhong Lun Law Firm на площадке Kluwer Arbitration Blog. Из 193 дел, по которым удалось однозначно определить исход, доля полностью удовлетворённых заявлений составила порядка 91 %, ещё около 2 % было удовлетворено частично, и лишь 7 % заявлений было отклонено [15]. Такой уровень признания согласуется и с более поздними данными: по сведениям китайской исследовательской платформы, China Justice Observer, в 2023 г. доля признанных и приведённых в исполнение иностранных арбитражных решений составила 92 % [14].

Заявители по такого рода делам были из 38 государств и регионов, при этом крупнейшими источниками заявителей выступили Сингапур, США и Республика Корея; среди администрирующих институтов пятёрку крупнейших составили Сингапурский международный арбитражный центр (SIAC), Международная хлопковая ассоциация (ICA), Международная торговая палата (ICC), Корейский совет по коммерческому арбитражу (KCAB) и Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ) – то есть решения российского института входят в число наиболее часто признаваемых иностранных арбитражных решений в Китае [15].

Проведенный анализ причин отказа в признании показывает, что из 17 решений, которыми было отказано полностью (14) или частично (3), подавляющее большинство (9 из 17) было основано на подпункте «а» пункта 1 статьи V Нью-Йоркской конвенции – отсутствии действительного арбитражного соглашения (недееспособность стороны, отсутствие подписи под версией договора, содержащей арбитражную оговорку, замена оговорки последующим соглашением о выборе иного способа разрешения спора и т.п.). Вторым по распространённости основанием выступил выход арбитров за пределы переданных им на рассмотрение вопросов. Иные основания – нарушение процедуры арбитража, отсутствие финальности решения и противоречие публичному порядку – встречались значительно реже: ссылка на публичный порядок использована лишь в одном деле из 203 (менее 1 %), что от-

ражает осторожный подход китайских судов к применению этого основания [16].

Признание и приведение в исполнение в Китае решений государственных судов России.

В отличие от практики признания арбитражных решений, практика признания в Китае решений государственных судов в целом складывается заметно менее предсказуемо: по общей оценке международных практикующих юристов, значительная часть заявлений о признании иностранных судебных решений в Китае удовлетворяется, однако заметная доля отклоняется по причине процедурных нарушений, вопросов юрисдикции или несовместимости с основополагающими принципами китайского правопорядка [17].

Применительно к решениям российских судов эта практика пока весьма немногочисленна [18].

В первом деле Промежуточный народный суд города Чифын (автономный район Внутренняя Монголия) 18 декабря 2018 г. признал и привёл в исполнение решение российского суда: суд исходил из того, что, поскольку одно из направленных ответчику извещений было им получено, отсутствуют основания полагать, что и остальные извещения, направленные по тому же адресу, не были доставлены надлежащим образом [19].

Во втором деле Четвёртый промежуточный народный суд Пекина в 2020 г., напротив, отказал в признании и приведении в исполнение решения российского суда по заявлению АО «Чепецкий механический завод», установив, что не принявшая участия в процессе сторона не была надлежащим образом извещена о времени и месте судебного заседания [20].

Оба известных дела, таким образом, вращаются вокруг одного и того же процедурного вопроса – надлежащего извещения ответчика, – что делает этот аспект ключевым для пока немногочисленной, но уже показательной практики, определяющей основную источник риска для российского заявителя.

Признание и приведение в исполнение в России китайских арбитражных решений.

Обратная сторона проблемы – признание в России арбитражных решений, вынесенных китайскими институтами, – демонстрирует симметричную уязвимость, связанную с той же категорией нарушений: ненадлежащим извещением ответчика. В 2018–2019 гг. Арбитражный суд г. Москвы рассмотрел три однотипных заявления китайских продавцов о признании и приведении в исполнение решений Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC), вынесенных против двух российских покупателей, находившихся под общим руководством. Суд отказал в удовлетворении всех трёх заявлений, установив, что извещения о начавшемся в CIETAC разбирательстве

направлялись по адресам, указанным в договорах на момент их заключения, тогда как впоследствии оба ответчика меняли свой юридический адрес согласно ЕГРЮЛ [21]. Определения были оставлены в силе судом округа, а попытка обжалования в Верховный Суд РФ успеха не имела.

Позиция российского суда вызывает обоснованные сомнения: применённый стандарт извещения, разработанный для рассмотрения споров по существу в государственном арбитражном суде и предполагающий обязательную проверку актуального адреса по ЕГРЮЛ, был перенесён на процедуру уведомления постоянно действующим арбитражным учреждением, регламент которого предусматривает направление извещений по адресу, согласованному сторонами в договоре, – то есть по принципиально иным правилам, основанным на автономии воли сторон [21]. При этом суд сослался на статью 20 Договора о правовой помощи 1992 г., который по своему буквальному содержанию регулирует исполнение решений государственных судов и третейских судов, но не устанавливает специальных требований к процедуре извещения в международном коммерческом арбитраже. Несмотря на этот эпизод, в практике российских судов встречаются и положительные примеры признания решений китайских арбитражных институтов, что не позволяет говорить о безусловной тенденции [21].

Заключение.

Сопоставление рассмотренной практики позволяет сформулировать несколько выводов, значимых для составления российско-китайских коммерческих контрактов.

Во-первых, устойчивый разрыв в надёжности признания между арбитражными решениями (стабильно свыше 90% удовлетворённых заявлений на протяжении более чем десяти лет) и судебными решениями (немногочисленная и внутренне противоречивая практика применительно к России) представляет собой самостоятельный и весьма весомый аргумент в пользу включения в контракты с китайскими контрагентами арбитражной, а не пророгационной оговорки. Признанное среди институтов международного арбитража место МКАС при ТПП РФ в числе пяти наиболее часто признаваемых в Китае арбитражных институтов дополнительно подкрепляет практическую целесообразность выбора российского арбитражного центра для споров с китайскими контрагентами.

Во-вторых, сквозной проблемой, объединяющей практику обеих стран, выступает ненадлежащее извещение ответчика: именно этот довод разделяет исход обоих известных дел о признании решений российских судов в Китае, а также стал причиной отказа в признании решений китайского арбитражного учреждения в России. Отсюда вытекает практическая рекомендация, значимая для обеих сторон контракта: адрес для направ-

ления юридически значимых сообщений должен быть зафиксирован в договоре с указанием конкретного способа извещения и порядка его актуализации при изменении места нахождения стороны, а иницилирующая разбирательство сторона обязана заблаговременно проверять достоверность используемого адреса по официальным реестрам и сохранять полный комплект доказательств вручения корреспонденции.

В-третьих, различие сроков обращения с заявлением о признании – два года по законодательству КНР против трёх лет по российскому праву – создаёт риск для российского заявителя, ожидающего более продолжительного срока, чем фактически предоставляет китайское процессуальное право. Учитывая, что рассмотрение заявления о признании иностранного судебного решения в Китае в среднем занимает около полутора-двух лет [4], своевременность обращения приобретает особое значение.

В-четвёртых, реформа арбитражного законодательства КНР 2025 г. открывает для российских компаний дополнительную опцию структурирования арбитражной оговорки: администрирование спора на территории Китая может оказаться удобным для контрактов, тесно связанных с китайским рынком. Сокращение срока на отмену арбитражного решения с шести до трёх месяцев также требует более оперативной организации юридического сопровождения на стадии постарбитражного контроля. Запущенная Министерством юстиции КНР программа поддержки «арбитражных институтов мирового уровня» указывает на дальнейшее направление политики государства в этой сфере и может со временем расширить круг реалистичных альтернатив для российских участников оборота.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что архитектура разрешения споров по российско-китайским коммерческим контрактам должна строиться на трёх взаимосвязанных принципах.

Во-первых, приоритет институционального коммерческого арбитража перед государственным судопроизводством: устойчиво высокий и статистически подтверждённый на протяжении более чем десятилетия уровень признания арбитражных решений (свыше 90 %) резко контрастирует с немногочисленной и внутренне противоречивой практикой признания судебных решений применительно к России, что делает арбитражную оговорку более обоснованным выбором для большинства коммерческих контрактов.

Во-вторых, тщательная договорная фиксация порядка извещения сторон, включая обязанность актуализировать адрес и явно согласованный способ вручения корреспонденции, – поскольку именно этот процедурный аспект остаётся ведущей причиной отказов в признании решений с обеих сторон границы.

В-третьих, учёт новых возможностей, которые открывает реформа арбитражного законода-

тельства КНР 2025 г., в первую очередь – расширенной автономии сторон в выборе места арбитража и доступа иностранных арбитражных институтов на территорию Китая, при сохране-

нии осторожного отношения к пока ограниченному по сфере применения институту арбитража ad hoc.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Объем торговли Китая и России в 2025 году сократился на 6,9 % // ТАСС. 14.01.2026. URL : <https://tass.ru/ekonomika/26141131> (дата обращения 27.07.2026).
2. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: заключена в Нью-Йорке 10 июня 1958 г. // United Nations Treaty Series. Vol. 330. 3 с.
3. Treaty Between the People's Republic of China and the Russian Federation on Judicial Assistance in Civil and Criminal Matters of 19 June 1992. Art. 16 // China Justice Observer. 2024 Guide to Enforce Russian Judgments in China. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/guide-to-enforce-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
4. 2024 Guide to Enforce Russian Judgments in China-CTD 101 Series // China Justice Observer. 12.06.2024. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/guide-to-enforce-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
5. The 2025 Amendments to China's Arbitration Law – Progress with Conservatism // Ashurst. URL : <https://www.ashurst.com/en/insights/the-2025-amendments-to-chinas-arbitration-law> (date of application 25.07.2026).
6. China's New Arbitration Law 2025: Overview of Key Changes // Aceris Law. URL : <https://www.acerislaw.com/chinas-new-arbitration-law-2025-overview-of-key-changes> (date of application 25.07.2026).
7. China Overhauls Arbitration Law for Global Alignment // China Justice Observer. 13.05.2026. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-overhauls-arbitration-law-for-global-alignment> (date of application 27.07.2026).
8. What Do China's New Arbitration Reforms Mean for Your IP Strategy? // Mayer Brown. URL : <https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2026/04/what-do-chinas-new-arbitration-reforms-mean-for-your-ip-strategy> (date of application 25.07.2026).
9. Landmark Reform of the Arbitration Law of the People's Republic of China // Bird & Bird. URL : <https://www.twobirds.com/en/insights/2025/china/landmark-reform-of-the-arbitration-law-of-the-peoples-republic-of-china> (date of application 25.07.2026).
10. A New Era for Chinese Arbitration: the 2025 PRC Arbitration Law // Charles Russell Speechlys. URL : <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/insights/expert-insights/dispute-resolution/2025/a-new-era-for-chinese-arbitration-the-2025-prc-arbitration-law> (date of application 25.07.2026).
11. China's Revised Arbitration Law: Key Reforms and Implications for International Arbitration // Belgravia Law. URL : <https://belgravia.law/news/chinas-revised-arbitration-law-key-reforms-and-implications-for-international-arbitration> (date of application 20.04.2026).
12. Amendment of the Chinese Arbitration Law – One Step Backward after Two Steps Forward // Global Arbitration News. 30.12.2025. URL : <https://www.globalarbitrationnews.com/2025/12/30/amendment-of-the-chinese-arbitration-law-one-step-backward-after-two-steps-forward> (date of application 25.07.2026).
13. China MOJ Boosts World-Class Arbitration Institutions // China Justice Observer. 06.01.2026. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-moj-boosts-world-class-arbitration-institutions> (date of application 27.07.2026).
14. Arbitration in China // China Justice Observer. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/arbitration-in-china> (date of application 27.07.2026).
15. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China Between 2012–2022: Review and Remarks / S. Li (Ronghui) [et al.] // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2023. Part I. URL : <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/recognition-and-enforcement-of-foreign-arbitral-awards-in-china-between-2012-2022-review-and-remarks-part-i> (date of application 27.07.2026).
16. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China Between 2012–2022: Review and Remarks / S. Li (Ronghui) [et al.] // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2023. (Part II). URL : <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2023/09/12/recognition-and-enforcement-of-foreign-arbitral-awards-in-china-between-2012-2022-review-and-remarks-part-ii-2> (date of application 27.07.2026).

17. Enforcement of Judgments 2025 – China // Chambers and Partners Global Practice Guides. URL : <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/enforcement-of-judgments-2025/china/trends-and-developments> (date of application 27.07.2026).
18. Russia-China Judgments Recognition and Enforcement // China Justice Observer. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/recognizing-and-enforcing-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
19. Chinese Court Recognizes and Enforces a Russian Court Judgment in 2018 // China Justice Observer. 17.03.2019. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/chinese-court-recognizes-and-enforces-a-russian-court-judgment-in-december-2018> (date of application 27.07.2026).
20. Russia-China Judgments Recognition and Enforcement // China Justice Observer (запись о деле АО «Чепецкий механический завод», (2020) Jing 04 Xie Wai Ren № 2). URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/recognizing-and-enforcing-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
21. Рачков И. Признание и исполнение решений СИЕТАС в России / И. Рачков, А. Щербакова // Arbitration.ru. 15.11.2019. URL : <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/priznanie-i-ispolnenie-resheniy-cietas-v-rossii> (дата обращения 25.07.2026).

References:

1. China's Trade with Russia Fell by 6.9 % in 2025. TASS, 14 January 2026. URL : <https://tass.ru/ekonomika/26141131> (date of application 27 July 2026).
2. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, done at New-York, 10 June 1958. United Nations Treaty Series. Vol. 330. 3 p.
3. Treaty Between the People's Republic of China and the Russian Federation on Judicial Assistance in Civil and Criminal Matters of 19 June 1992. Art. 16 // China Justice Observer. 2024 Guide to Enforce Russian Judgments in China. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/guide-to-enforce-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
4. 2024 Guide to Enforce Russian Judgments in China-CTD 101 Series // China Justice Observer. 12.06.2024. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/guide-to-enforce-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
5. The 2025 Amendments to China's Arbitration Law – Progress with Conservatism // Ashurst. URL : <https://www.ashurst.com/en/insights/the-2025-amendments-to-chinas-arbitration-law> (date of application 25.07.2026).
6. China's New Arbitration Law 2025: Overview of Key Changes // Aceris Law. URL : <https://www.acerislaw.com/chinas-new-arbitration-law-2025-overview-of-key-changes> (date of application 25.07.2026).
7. China Overhauls Arbitration Law for Global Alignment // China Justice Observer. 13.05.2026. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-overhauls-arbitration-law-for-global-alignment> (date of application 27.07.2026).
8. What Do China's New Arbitration Reforms Mean for Your IP Strategy? // Mayer Brown. URL : <https://www.mayerbrown.com/en/insights/publications/2026/04/what-do-chinas-new-arbitration-reforms-mean-for-your-ip-strategy> (date of application 25.07.2026).
9. Landmark Reform of the Arbitration Law of the People's Republic of China // Bird & Bird. URL : <https://www.twobirds.com/en/insights/2025/china/landmark-reform-of-the-arbitration-law-of-the-peoples-republic-of-china> (date of application 25.07.2026).
10. A New Era for Chinese Arbitration: the 2025 PRC Arbitration Law // Charles Russell Speechlys. URL : <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/insights/expert-insights/dispute-resolution/2025/a-new-era-for-chinese-arbitration-the-2025-prc-arbitration-law> (date of application 25.07.2026).
11. China's Revised Arbitration Law: Key Reforms and Implications for International Arbitration // Belgravia Law. URL : <https://belgravia.law/news/chinas-revised-arbitration-law-key-reforms-and-implications-for-international-arbitration> (date of application 20.04.2026).
12. Amendment of the Chinese Arbitration Law – One Step Backward after Two Steps Forward // Global Arbitration News. 30.12.2025. URL : <https://www.globalarbitrationnews.com/2025/12/30/amendment-of-the-chinese-arbitration-law-one-step-backward-after-two-steps-forward> (date of application 25.07.2026).
13. China MOJ Boosts World-Class Arbitration Institutions // China Justice Observer. 06.01.2026. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/a/china-moj-boosts-world-class-arbitration-institutions> (date of application 27.07.2026).
14. Arbitration in China // China Justice Observer. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/arbitration-in-china> (date of application 27.07.2026).
15. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China Between 2012–2022: Review and Remarks / S. Li (Ronghui) [et al.] // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2023. Part I. URL : <https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/recognition-and-enforcement-of-foreign-arbitral-awards-in-china-between-2012-2022-review-and-remarks-part-i> (date of application 27.07.2026).
16. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in China Between 2012–2022: Review and Remarks / S. Li (Ronghui) [et al.] // Kluwer Arbitration Blog. 12.09.2023. (Part II). URL : <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2023/09/12/recognition-and-enforcement-of-foreign-arbitral-awards-in-china-between-2012-2022-review-and-remarks-part-ii-2> (date of application 27.07.2026).

17. Enforcement of Judgments 2025 – China // Chambers and Partners Global Practice Guides. URL : <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/enforcement-of-judgments-2025/china/trends-and-developments> (date of application 27.07.2026).
18. Russia-China Judgments Recognition and Enforcement // China Justice Observer. URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/recognizing-and-enforcing-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
19. Chinese Court Recognizes and Enforces a Russian Court Judgment in 2018 // China Justice Observer. 17.03.2019. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/a/chinese-court-recognizes-and-enforces-a-russian-court-judgment-in-december-2018> (date of application 27.07.2026).
20. Russia-China Judgments Recognition and Enforcement // China Justice Observer (Record of the case concerning JSC «Chepetsky Mechanical Plant», (2020) Jing 04 Xie Wai Ren № 2). URL : <https://www.chinajusticeobserver.com/t/recognizing-and-enforcing-russian-judgments-in-china> (date of application 27.07.2026).
21. Rachkov I. Recognition and Enforcement of CIETAC Awards in Russia. Arbitration.ru, 15 November 2019. 2019 / I. Rachkov, A. Shcherbakova. URL : <https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/priznanie-i-ispolnenie-resheniy-cietac-v-rossii> (date of application 25 July 2026).

Информация об авторе

Харина Екатерина Максимовна

магистр права,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации;
младший юрист,
ООО «СЛ ЛИГАЛ»
ekaterina.kharina@sl.legal

Ekaterina M. Kharina

Master of Law,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation;
Junior Lawyer,
LLC «SL LEGAL»
ekaterina.kharina@sl.legal

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 08.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-11>

УДК 343.3/.7

Attribution

cc by

СВЕДЕНИЯ О СОЕДИНЕНИЯХ И ГЕОЛОКАЦИИ В ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Швецов Р.Е.

Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева

Аннотация. Цель статьи – определить критерии уголовно-правовой оценки получения частным детективом сведений о телефонных соединениях, базовых станциях, местоположении абонентского устройства и иных данных связи. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и правоприменительный методы, а также выборочный анализ судебных ситуаций, связанных с незаконным получением телекоммуникационных сведений. Обосновывается, что такие сведения не являются обычным результатом наведения справок в частной сыскной деятельности, поскольку затрагивают тайну связи, персональные данные и компьютерную информацию. Сделан вывод, что квалификация зависит от вида сведений, способа доступа, роли инсайдера, передачи результата заказчику и профессионального контекста; возможна оценка по ст. 138, 272, 272.1 и 203 УК РФ.

Ключевые слова: частный детектив, частная сыскная деятельность, тайна связи, сведения о соединениях, геолокация, персональные данные, компьютерная информация, ст. 138 УК РФ, ст. 203 УК РФ.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CONNECTION AND GEOLOCATION DATA IN PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY: CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Roman E. Shvetsov

G.B. Mirzoev Russian University of Advocacy and Notariat

Abstract. The purpose of the article is to define criteria for criminal law assessment of a private detective's obtaining of connection data, base-station information, location of a subscriber device and other communication data. The methodology includes formal legal, systemic and law-enforcement methods, as well as selective analysis of court situations involving unlawful access to telecommunication information. The article substantiates that such data cannot be treated as an ordinary result of making inquiries in private investigative activity, since they affect secrecy of communications, personal data and computer information. It is concluded that qualification depends on the type of data, method of access, role of an insider, transfer of the result to the client and professional context; assessment under Articles 138, 272, 272.1 and 203 of the Criminal Code may be required.

Keywords: private detective, private investigative activity, secrecy of communications, connection data, geolocation, personal data, computer information, Article 138, Article 203.

Funding: Independent work.

Введение.

Частная детективная деятельность по своей социальной природе связана с поиском, проверкой и передачей информации заказчику. Именно поэтому в практической плоскости одним из наиболее востребованных, но одновременно наиболее рискованных направлений незаконного частного сыска становится получение сведений о телефонных соединениях, базовых станциях и местоположении абонентского устройства. Заказчик нередко воспринимает такую информа-

цию как обычный результат «проверки», «поиска» или «наведения справок», однако правовой режим этих сведений существенно отличается от режима открытой информации.

Сведения о телефонных соединениях, абонентских номерах, времени, длительности и направлении коммуникаций, а также данные о базовых станциях и примерном местоположении устройства позволяют восстановить круг общения, маршруты перемещения, семейные, деловые и социальные связи лица. В этом смысле речь

идёт не о нейтральной справочной информации, а об информационном массиве, способном раскрывать значимые элементы частной жизни и коммуникационного поведения человека.

Центральная проблема состоит в том, что сведения о соединениях и местоположении абонентского устройства внешне могут восприниматься заказчиком как обычный информационный результат детективной услуги, однако по своему правовому режиму они относятся к охраняемой информации и не могут быть получены частным детективом вне предусмотренных законом процедур. Законная частная сыскная деятельность не предоставляет частному детективу права требовать у операторов связи детализацию, сведения о базовых станциях, биллинговые данные или геолокацию абонента.

Цель настоящей статьи состоит в определении критериев уголовно-правовой оценки получения частным детективом сведений о соединениях и геолокации.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые и информационно-правовые нормы, регулирующие охрану тайны связи, персональных данных, компьютерной информации и пределы частной сыскной деятельности.

Методологически исследование основано на формально-юридическом анализе уголовно-правовых и информационно-правовых норм, системном сопоставлении режимов тайны связи, персональных данных и компьютерной информации, а также на выборочном анализе судебных ситуаций по критериям предметной связи с получением телекоммуникационных сведений, периода выявления проблемы в судебной практике и значения для разграничения ст. 138, 137, 272, 272.1 и 203 УК РФ, связанных с незаконным получением телекоммуникационных сведений.

Научная новизна статьи состоит в предложении специального критерия квалификации: учитывать не только статус частного детектива, но и вид сведений, способ доступа, наличие служебного доступа у источника, профессиональную связь с детективным поручением, передачу результата заказчику и самостоятельность охраняемых объектов.

Полученные выводы могут быть использованы при квалификации деяний частных детективов, связанных с получением телекоммуникационных сведений, а также при разработке разъяснений судебной практики о соотношении ст. 138, 272, 272.1 и 203 УК РФ.

Эмпирическая база исследования уточняется как выборочная: в неё включены судебные ситуации, в которых фигурируют получение детализации телефонных соединений, использование операторских или иных закрытых информационных ресурсов, а также профессиональная связь таких действий с частной сыскной деятельностью. Эти материалы используются не как статисти-

ческая выборка, а как правоприменительные примеры, демонстрирующие типовые квалификационные затруднения и неоднородность подходов к оценке телекоммуникационных сведений.

Результаты.

Сведения о соединениях и геолокации как предмет незаконного интереса заказчика.

В частной детективной практике незаконный интерес заказчика к сведениям связи обычно имеет прикладной характер. Заказчика интересует не абстрактная тайна связи, а конкретный результат: с кем общается лицо, когда и как часто происходят соединения, где находилось абонентское устройство, какие маршруты можно восстановить по базовым станциям, с какими абонентами поддерживалась регулярная связь. Такие сведения могут запрашиваться в семейных, имущественных, корпоративных, долговых, конкурентных или личных конфликтах.

К типичным объектам незаконного интереса относятся входящие и исходящие соединения, номера абонентов, дата, время и длительность звонков, сведения о фактах отправки и получения SMS-сообщений, данные о базовых станциях, примерное местоположение телефона, история перемещения абонентского устройства, а иногда и сопутствующие сведения об абоненте. Даже если содержание разговора или сообщения не раскрывается, сам факт, интенсивность, частота и направление коммуникации имеют самостоятельное информационное значение.

Опасность незаконного получения сведений о соединениях состоит не только в раскрытии факта коммуникации, но и в возможности построить социальный, семейный, деловой или пространственный профиль лица. По детализации телефонных соединений можно установить круг общения, частоту контактов, периодичность взаимодействия с определёнными лицами, косвенные признаки семейного конфликта, деловой активности или передвижения. Данные базовых станций и геолокации позволяют реконструировать перемещения, сопоставлять местонахождение лица с событиями, встречами или иными обстоятельствами.

Такие сведения обычно невозможно получить законно в рамках обычной частной детективной услуги. Поэтому в незаконной практике они добываются через работников операторов связи, бывших сотрудников, посредников, лиц, имеющих доступ к биллинговым системам, нелегальные цифровые сервисы, Telegram-боты или иные неформальные каналы. Потерпевший, как правило, не знает о сборе таких сведений и не может своевременно воспрепятствовать их передаче заказчику.

Именно латентность делает подобные деяния особенно опасными. Лицо может узнать о неза-

конном сборе сведений только после того, как информация уже использована в споре, конфликте, переговорах, бракоразводном процессе, корпоративной борьбе или иной ситуации давления. Поэтому уголовно-правовая оценка получения сведений о соединениях и геолокации должна строиться не по бытовому восприятию такой услуги заказчиком, а по правовому режиму полученной информации и способу доступа к ней.

Следует учитывать, что официальная уголовная статистика обычно не выделяет незаконное получение детализации соединений и геолокационных данных частными детективами в самостоятельную категорию. Поэтому вывод о латентности таких деяний основан на их способе совершения: сведения добываются через закрытые информационные каналы, передаются заказчику без уведомления проверяемого лица и обнаруживаются преимущественно тогда, когда уже использованы в конфликте. Такая конструкция снижает вероятность своевременного выявления потерпевшим самого факта вмешательства.

Пределы законного частного сыска: почему детализация и геолокация не являются «наведением справок».

Закон РФ № 2487-1 допускает осуществление частной детективной деятельности в строго определённых пределах. Частный детектив вправе оказывать предусмотренные законом сыскные услуги, проводить устный опрос с согласия граждан, наводить справки, изучать предметы и документы с согласия их владельцев, осуществлять внешний осмотр и наблюдение в допустимых законом рамках¹. Однако эти полномочия не означают права доступа к закрытым информационным ресурсам операторов связи.

Наведение справок в частной сыскной деятельности не может толковаться как право на получение данных оператора связи, поскольку лицензия частного детектива не создаёт публичного или служебного информационного доступа. Частный детектив не вправе требовать у оператора связи детализацию телефонных соединений, сведения о базовых станциях, данные о местоположении абонентского устройства или иную информацию, доступ к которой ограничен законом. Получение таких сведений через работника оператора, посредника или нелегальный цифровой сервис не является реализацией права на наведение справок, а представляет собой обход установленного правового режима. Иное возможно только при наличии надлежащего правового основания, например, волеизъявления самого абонента в предусмотренной законом форме, однако поручение третьего лица само по себе такого основания не создаёт.

Согласие самого абонента или субъекта персональных данных должно быть конкретным, осознанным и относиться именно к тому объёму сведений, который предполагается получить и передать. Общее согласие на проверку, бытовое согласие в переписке либо согласие, данное третьему лицу без указания оператора, периода, вида данных и цели обработки, не должно рассматриваться как достаточное основание для получения детализации соединений или геолокационных сведений. Для уголовно-правовой оценки это означает, что наличие согласия подложит специальной проверке: если согласие отсутствует, сфальсифицировано, получено обманом либо не охватывает спорный объём данных, деяние сохраняет признаки незаконного доступа к охраняемой информации.

Федеральный закон «О связи» прямо гарантирует на территории Российской Федерации тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и почтовой связи, а ограничение этого права допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами². Следовательно, сведения, связанные с коммуникацией абонента, находятся в специальном правовом режиме. Частный детектив не включён в число субъектов, которым предоставляется публичное право ограничивать тайну связи.

Кроме того, сведения о соединениях и местоположении абонентского устройства могут содержать персональные данные, поскольку позволяют прямо или косвенно идентифицировать лицо, его контакты, поведение и перемещения. Федеральный закон «О персональных данных» направлен на защиту прав и свобод человека при обработке персональных данных, включая защиту права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну³. Поэтому незаконное получение и передача таких сведений не могут рассматриваться только как нарушение договорной или лицензионной дисциплины частного детектива.

Особое значение имеет запрет на осуществление оперативно-розыскных действий частными детективами. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» связывает оперативно-розыскные мероприятия с деятельностью уполномоченных государственных органов⁴. Частный детектив не вправе подменять такие органы и использовать каналы получения сведений, характерные для публичного расследования. Если сведения о соединениях или геолокации добываются через результаты оперативно-

¹ Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888. Ст. 3, 5, 7.

² Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895. Ст. 63.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3451. Ст. 2, 3.

⁴ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349. Ст. 1, 6, 13.

розыскной деятельности, служебные базы или инсайдеров, это не расширяет полномочия частного детектива, а усиливает противоправный характер получения информации.

Таким образом, детализация телефонных соединений и геолокация не являются разновидностью обычной справки. Они связаны с тайной связи, персональными данными и режимом ограниченного доступа к информационным системам оператора. Поэтому квалификация их незаконного получения должна строиться не через категорию допустимого частного сыска, а через анализ уголовно охраняемых информационных объектов.

Уголовно-правовая оценка незаконного получения сведений о связи.

Незаконное получение сведений о соединениях не имеет единой квалификации: она зависит от правового режима сведений, способа доступа к ним и того, причинён ли вред тайне связи, частной жизни, компьютерной информации или персональным данным. В одних случаях центральным объектом будет тайна связи, в других – компьютерная информация, в третьих – персональные данные или частная жизнь. Поэтому правоприменитель не должен механически выбирать одну норму только потому, что речь идёт о телефонной детализации.

Первым возможным направлением оценки является ст. 138 УК РФ, предусматривающая ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений¹. В литературе подчёркивается, что уголовно-правовая охрана тайны сообщений направлена не только на защиту содержания коммуникации, но и на недопустимость произвольного доступа к коммуникационной сфере лица [1; 2]. Сведения о соединениях могут раскрывать сам факт коммуникации, круг адресатов, время и интенсивность контактов. Поэтому при незаконном получении таких сведений необходимо проверять, затронут ли режим тайны связи.

Вместе с тем, сведения о соединениях требуют самостоятельного обоснования как предмета уголовно-правовой охраны. Содержание телефонного разговора или сообщения и сведения о факте, времени, продолжительности, направлении соединения, используемой базовой станции либо маршруте абонентского устройства не совпадают по фактическому содержанию. Однако в конституционно-правовом и уголовно-правовом смысле тайна связи не должна сводиться только к содержанию переговоров: охране подлежит и сама коммуникационная сфера лица, поскольку данные о контактах позволяют выявить круг общения, интенсивность взаимодействия и социальные связи. Поэтому вопрос о ст. 138 УК РФ

должен решаться не автоматически, а через проверку того, нарушен ли режим конфиденциальности коммуникации и были ли сведения получены вне предусмотренной законом процедуры.

Вторым направлением является ст. 137 УК РФ. Сама по себе, детализация соединений не всегда раскрывает частную жизнь в содержательном смысле. Однако в сочетании с иными сведениями, с анализом круга общения, семейных связей, маршрутов перемещения или личных обстоятельств она может становиться средством вмешательства в частную жизнь. Если полученные данные используются для установления личных отношений, семейного поведения, интимных обстоятельств, скрытых контактов или иного приватного профиля лица, возникает вопрос о посягательстве на неприкосновенность частной жизни [3].

Критерием перехода от нарушения тайны связи к посягательству на частную жизнь является не сам технический факт получения детализации, а её содержательное использование для реконструкции личной сферы. Если сведения о соединениях ограничиваются фактом незаконного доступа к коммуникационным данным, основной акцент делается на тайне связи. Если же они сопоставляются с адресатами, маршрутом, семейным положением, местом работы, кругом близких лиц, встречами или иными обстоятельствами, позволяющими создать поведенческий профиль лица, возникает дополнительная проверка признаков ст. 137 УК РФ. Такой подход позволяет избежать расширительного толкования и одновременно не оставлять без оценки случаи, когда телекоммуникационные сведения становятся инструментом вторжения в частную жизнь.

Третьим направлением является ст. 272 УК РФ. Если сведения о соединениях получены через неправомерный доступ к информационной системе оператора связи, биллинговой базе, служебному интерфейсу или иной компьютерной системе, необходимо оценивать содеянное с точки зрения неправомерного доступа к компьютерной информации². В таком случае предметом посягательства является не только коммуникационная тайна, но и охраняемая законом компьютерная информация, находящаяся в информационной системе оператора [4; 5].

Четвёртым направлением является ст. 272.1 УК РФ, введённая для защиты компьютерной информации, содержащей персональные данные³. Если сведения о соединениях, абонентских данных, местоположении устройства или иной телекоммуникационной информации обрабатываются в компьютерной форме и содержат персональные данные, незаконное использование, передача, сбор или хранение таких данных могут

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Ст. 138.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 272.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации. Ст. 272.1.

требовать самостоятельной оценки. Особенно это значимо при массовой выгрузке данных, передаче сведений третьим лицам или использовании цифровых ресурсов для их незаконного оборота [6].

При применении ст. 272.1 УК РФ необходимо учитывать её самостоятельную конструкцию. Неправомерный доступ к информационной системе оператора связи прежде всего оценивается через ст. 272 УК РФ, тогда как ст. 272.1 УК РФ требует проверки незаконных действий именно с компьютерной информацией, содержащей персональные данные: её сбора, хранения, передачи, распространения либо иного оборота. Поэтому получение работником оператора сведений из биллинговой системы, последующая выгрузка массива персональных данных, передача такого массива частному детективу и последующее предоставление результата заказчику могут образовывать разные юридически значимые этапы. В зависимости от фактической роли участников следует разграничивать неправомерный доступ, незаконный оборот персональных данных и использование полученного результата в рамках детективного поручения.

Если получение сведений о связи сопровождается использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, дополнительно возникает вопрос о самостоятельном уголовно-правовом режиме таких средств [7].

Статья 183 УК РФ обычно не является основной нормой для оценки операторской детализации абонента, если речь идёт о частной коммуникации физического лица. Однако она может приобретать значение, когда незаконно полученные сведения связаны с коммерческой тайной организации, корпоративными переговорами, деловыми контактами, клиентской базой или иными сведениями, имеющими коммерческую ценность [8]. В таких случаях квалификация зависит не от самого факта телекоммуникационного канала, а от режима охраняемой тайны, к которой относятся сведения.

Следовательно, незаконное получение сведений о связи требует многослойной уголовно-правовой оценки. Статья 138 УК РФ отвечает за тайну коммуникации, ст. 137 УК РФ – за частную жизнь, ст. 272 УК РФ – за неправомерный доступ к компьютерной информации, ст. 272.1 УК РФ – за незаконное обращение с компьютерной информацией, содержащей персональные данные. Вопрос о ст. 203 УК РФ возникает дополнительно, если деяние связано с профессиональным частным сыском.

Обсуждение.

Служебный доступ оператора связи и статус частного детектива.

Особое значение для квалификации имеет вопрос о том, кто именно обладал доступом к све-

дениям о соединениях. Работник оператора связи или иное лицо, имеющее доступ к биллинговым системам, карточкам абонентов, детализациям и техническим данным, может использовать служебные возможности для незаконной выгрузки сведений. В таком случае его действия могут оцениваться с учётом служебного положения, если соответствующий квалифицирующий признак предусмотрен применимой уголовно-правовой нормой.

Частный детектив находится в иной позиции. Его лицензия на осуществление частной детективной деятельности не предоставляет доступа к информационным системам оператора связи. Если он получает сведения через работника оператора, бывшего сотрудника, посредника или иное лицо, то использует не служебный доступ, а профессиональные связи, заказ, оплату, репутацию или организационную роль в получении результата. Поэтому служебный доступ к сведениям о соединениях имеет работник оператора связи или иной обладатель доступа, но не частный детектив, если его статус основан только на лицензии частного сыщика.

Это различие важно для разграничения ролей. Работник оператора связи может быть исполнителем незаконного доступа или передачи сведений, если именно он использует служебные возможности. Частный детектив может выступать организатором, пособником, подстрекателем, приобретателем результата или самостоятельным исполнителем иного состава – в зависимости от фактической модели деяния. Заказчик, в свою очередь, может нести ответственность при наличии умысла на незаконное получение сведений и соответствующего вклада в совершение преступления.

В научной литературе по ст. 203 УК РФ обращается внимание на необходимость точного установления субъективных и статусных признаков при квалификации превышения полномочий [9; 10]. Применительно к сведениям связи это означает, что нельзя автоматически переносить признак служебного положения с работника оператора на частного детектива. Если детектив не обладает служебным доступом к системе оператора, его повышенная опасность выражается не в службе, а в профессиональном использовании частного сыска для получения закрытых сведений.

Судебные ситуации, связанные с незаконной передачей детализации через работников операторов связи, подтверждают эту логику. В таких делах служебный доступ относится к лицу, имеющему техническую или должностную возможность получить сведения из системы оператора, тогда как роль внешнего получателя определяется отдельно: через заказ, оплату, посредничество, передачу результата и осознание незаконности источника. Поэтому квалификация должна строиться не по абстрактному статусу частного детектива, а по тому, какое действие он совер-

шил и какой информационный режим был нарушен.

В настоящей статье такие судебные ситуации используются выборочно, поскольку они иллюстрируют не статистическую распространённость, а юридически значимые модели поведения: наличие инсайдера с доступом к операторской или иной закрытой системе, передачу результата внешнему получателю, профессиональное использование сведений частным детективом и последующее применение информации заказчиком. Именно эти признаки имеют значение для разработки критериев квалификации и позволяют отделить бытовой незаконный доступ к информации от профессионального информационного злоупотребления.

Соотношение ст. 138, 272, 272.1 и 203 УК РФ.

Если сведения о соединениях получены обычным лицом вне связи с частной сыскной деятельностью, ст. 203 УК РФ не применяется. В такой ситуации правоприменитель должен оценивать признаки специальных информационных составов и возможное соучастие. Иная ситуация возникает, когда сведения получает лицензированный частный детектив в рамках поручения заказчика, за вознаграждение, с подготовкой отчёта или передачей результата как продукта детективной услуги.

Статьи 138, 272 и 272.1 УК РФ оценивают конкретный информационный объект. Статья 138 УК РФ защищает тайну связи; ст. 272 УК РФ – охраняемую компьютерную информацию; ст. 272.1 УК РФ – компьютерную информацию, содержащую персональные данные. Статья 203 УК РФ имеет иной фокус: она позволяет поставить вопрос о профессиональном выходе частного детектива за пределы дозволенной частной сыскной деятельности. Поэтому при профессиональном контексте незаконное получение сведений о соединениях может требовать не только оценки нарушения тайны связи или компьютерной информации, но и проверки признаков превышения полномочий частным детективом.

Такая совокупность не является автоматической. Необходимо установить, что лицо имело статус частного детектива; деяние было связано с выполнением или имитацией выполнения детективного поручения; конкретное поведение выходило за пределы разрешённых законом способов частного сыска; наступило существенное нарушение прав; а также имеются признаки соответствующего информационного состава. Если хотя бы один из этих элементов отсутствует, применение ст. 203 УК РФ может быть необоснованным.

В деле Савеловского районного суда г. Москвы незаконное получение детализации телефонных соединений было связано с обращением к частному детективу, оплатой услуги и передачей результата заказчику. Содеянное получило оценку по совокупности ст. 203 УК РФ и специ-

альных информационных составов¹. Это показывает, что профессиональная форма получения телекоммуникационных сведений может иметь самостоятельное значение наряду с нарушением тайны связи или частной жизни.

Иной пример демонстрирует дело Дикушина, где фигурировали сведения о телефонных соединениях, налоговые и банковские данные, а также обстоятельства, указывавшие на профессиональный контекст частной детективной деятельности. Однако суд исключил ст. 203 УК РФ как излишнюю². Это дело показывает не отсутствие проблемы, а необходимость чётких критериев разграничения: наличие информационного состава не должно автоматически исключать оценку профессионального превышения, но и ст. 203 УК РФ не должна применяться без установления самостоятельного вреда порядку частного сыска.

Следовательно, если незаконное получение сведений о соединениях совершено частным детективом в рамках детективного поручения, правоприменитель должен оценивать не только нарушение тайны связи или компьютерной информации, но и возможный профессиональный выход за пределы частной сыскной деятельности. При этом совокупность допустима только при самостоятельности охраняемых объектов.

Критерии квалификации.

Квалификация получения частным детективом сведений о соединениях и геолокации должна строиться не по названию услуги и не по статусу заказчика, а по правовому режиму полученных сведений, способу доступа и профессиональной роли частного детектива. Для этого можно выделить несколько критериев.

Первый критерий – вид сведений. Необходимо установить, что именно было получено: содержание сообщений, сведения о соединениях, абонентские данные, данные о базовых станциях, местоположение абонентского устройства, история перемещения, сведения о владельце номера или массив персональных данных. Разные виды сведений могут затрагивать разные уголовно охраняемые объекты. При этом вид сведений следует оценивать не формально, а функционально. Данные о соединениях и геолокации могут выступать самостоятельным объектом тайны связи, но при сопоставлении с иными данными они способны приобретать качество сведений о частной жизни. Поэтому квалификация должна учитывать не только источник данных, но и то, какой информационный профиль лица фактически сформирован в результате их получения и передачи.

Второй критерий – способ доступа. Открытый источник, добровольное предоставление ин-

¹ Савеловский районный суд г. Москвы. Приговор от 04.04.2019. Дело № 01-0138/2019.

² Ленинский районный суд г. Иваново. Приговор от 19.09.2025. Дело № 1-223/2025. А.Ю. Дикушин.

формации самим лицом, законное согласие, запрос к оператору, использование инсайдера, доступ к базе оператора, Telegram-бот, неправомерный вход в информационную систему или покупка готовой детализации имеют разное уголовно-правовое значение. Законный способ получения может исключать преступность, тогда как скрытый доступ к биллинговой системе или приобретение незаконной выгрузки требует проверки уголовных составов.

Третий критерий – лицо, имеющее доступ. Если сведения выгружает работник оператора связи, вопрос о служебном положении относится к нему. Если сведения передаёт посредник, необходимо установить его роль и источник доступа. Если частный детектив лишь получает результат, надо определить, знал ли он о незаконном происхождении сведений, организовывал ли получение, оплачивал ли доступ и передавал ли результат заказчику.

Четвёртый критерий – профессиональная связь с частной сыскной деятельностью. Договор, поручение, оплата, отчёт, переписка с заказчиком, передача результата и использование статуса частного детектива могут свидетельствовать о том, что деяние совершено не как бытовое информационное нарушение, а как часть детективной услуги. Именно этот элемент имеет значение для проверки ст. 203 УК РФ [11; 12; 13].

Пятый критерий – характер вреда. Сведения о соединениях могут нарушать тайну связи, а в сочетании с иными данными – частную жизнь. Если они хранятся и передаются в цифровой форме, возникает вопрос о компьютерной информации и персональных данных. Если сведения используются в конфликте, для давления, шантажа, имущественного или семейного воздействия, это усиливает общественную опасность деяния.

Шестой критерий – наличие самостоятельных составов. Если нарушена тайна связи, проверяется ст. 138 УК РФ. Если данные получены через неправомерный доступ к системе, проверяется ст. 272 УК РФ. Если речь идёт о компьютерной информации, содержащей персональные данные, проверяется ст. 272.1 УК РФ. Если сведения раскрывают частную жизнь, возможна оценка по ст. 137 УК РФ. Если деяние совершено в профессиональном контексте частного сыска, дополнительно проверяется ст. 203 УК РФ.

Таким образом, уголовно-правовая оценка должна быть многоэлементной. Недостаточно установить, что частный детектив «получил детализацию». Нужно определить, какие сведения получены, как именно они добыты, кто имел доступ, кому они переданы, в каком конфликте использованы и связано ли получение с частной сыскной деятельностью.

Заключение.

Сведения о телефонных соединениях, базовых станциях и местоположении абонентского устройства не являются обычной справочной информацией. Они позволяют восстановить коммуникационные, социальные, семейные, деловые и пространственные связи лица, а потому находятся в зоне действия специальных правовых режимов: тайны связи, защиты частной жизни, персональных данных и охраняемой компьютерной информации.

Частный детектив не вправе получать такие сведения только на основании лицензии или поручения заказчика. Наведение справок в частной сыскной деятельности не включает доступ к биллинговым системам операторов связи, детализации соединений, данным базовых станций или геолокации абонентского устройства. Получение этих данных через инсайдера, посредника, цифровой сервис или неправомерный доступ к информационной системе должно оцениваться как возможное посягательство на самостоятельные уголовно охраняемые объекты.

Служебный доступ к сведениям о соединениях может иметь работник оператора связи или иной обладатель технического доступа, но не частный детектив по факту наличия лицензии. Поэтому при квалификации необходимо разграничивать действия инсайдера, посредника, частного детектива и заказчика. Если незаконное получение сведений связано с выполнением или имитацией детективного поручения, дополнительно проверяется наличие признаков ст. 203 УК РФ.

Уголовно-правовая оценка получения частным детективом сведений о соединениях и геолокации должна строиться через сочетание информационного режима сведений и профессионального контекста частного сыска: первое определяет применимость специальных информационных составов, второе – возможность дополнительной оценки по ст. 203 УК РФ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Юрченко И.А. Нарушение телекоммуникационной тайны в контексте российского уголовного права: текущие проблемы и перспективы их преодоления // Lex Russica. 2023. Т. 76. № 9(202). С. 44–58. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.044-058 EDN: PKTERQ
2. Федотова Н.В. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 171 с. EDN: QEGJRR
3. Жеребкин В.П. Уголовно-правовая охрана частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 197 с. EDN: NMOGNB
4. Доронин А.М. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 155 с. EDN: NODYZP
5. Песков П.Д. Актуальные вопросы квалификации состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ / П.Д. Песков, С.Н. Помнина // Огарёв-online. 2024. Т. 12. № 16. С. 46–53. DOI: 10.15507/ogarev-online.v12i16.278133.
6. Князьков А.А. Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272.1 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 5(129). С. 65–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073 EDN: CHMJWG
7. Петроченков С.Д. Уголовная ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 174 с.
8. Артемов В.В. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 206 с.
9. Борбат А.В. Квалификация преступления, предусмотренного ст. 203 УК РФ, по признакам субъективной стороны // Российский следователь. 2016. № 14. С. 11–13. DOI: 10.18572/1812-3783-2016-14-11-13 EDN: WICWHD
10. Федорова Е.Л. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, совершенное с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия: вопросы квалификации // Сибирский юридический вестник. 2024. № 1. С. 95–101. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.1.95 EDN: WWAVSM
11. Овчаров А.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 186 с. EDN: NMCMAZ
12. Чурсина И.В. Уголовная ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2016. 26 с. EDN: ZQCOYD
13. Волков К.А. Квалификация превышения полномочий частным детективом или работником частной охранной организации // Законность. 2016. № 4. С. 49–53. EDN: WCFZAP

References:

1. Yurchenko I.A. Violation of telecommunication secrecy in the context of Russian criminal law: current problems and prospects for overcoming them // Lex Russica. 2023. Vol. 76. № 9(202). P. 44–58. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.202.9.044-058 EDN: PKTERQ
2. Fedotova N.V. Criminal liability for violating the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other communications : Candidate of Legal Sciences. M., 2009. 171 p. EDN: QEGJRR
3. Zherebkin V.P. Criminal and legal protection of private life: dis. ... Candidate of Legal Sciences. Saratov, 2003. 197 p. EDN: NMOGNB
4. Doronin A.M. Criminal liability for unlawful access to computer information: dis. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2003. 155 p. EDN: NODYZP
5. Peskov P.D. Actual issues of qualification of the corpus delicti provided for in art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation / P.D. Peskov, S.N. Pomnina // Ogarev-online. 2024. Vol. 12. № 16. P. 46–53. DOI: 10.15507/ogarev-online.v12i16.278133.
6. Knyazkov A.A. Criminal law novella for violation of the legislation on personal data (Art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): design features of the composition and qualification issues // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2025. № 5(129). P. 65–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.065-073 EDN: CHMJWG
7. Petrochenkov S.D. Criminal liability for the illegal trafficking of special technical means intended for the secret receipt of information : dis. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2013. 174 p.
8. Artyomov V.V. Illegal receipt and disclosure of information constituting a commercial, tax or banking secret in the criminal law of Russia : dis. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2011. 206 p
9. Borbat A.V. Qualification of the crime under Article. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation on the grounds of the subjective side // Russian investigator. 2016. № 14. P. 11–13. DOI: 10.18572/1812-3783-2016-14-11-13 EDN: WICWHD
10. Fedorova E.L. Abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization, committed using weapons or special means and entailing grave consequences: qualification issues // Siberian Law Bulletin. 2024. № 1. P. 95–101. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.1.95 EDN: WWAVSM
11. Ovcharov A.V. Criminal liability for abuse of authority by employees of private security and detective services : dis. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2002. 186 p. EDN: NMCMAZ

12. Chursina I.V. Criminal liability for abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization: abstract of the dis. ... Candidate of Legal Sciences. Khabarovsk, 2016. 26 p. EDN: ZQCOYD
13. Volkov K.A. Qualification of abuse of authority by a private detective or an employee of a private security organization // Legality. 2016. № 4. P. 49–53. EDN: WCFZAP

Информация об авторе

Швецов Роман Евгеньевич

соискатель ученой степени
кандидата юридических наук,
кафедра адвокатуры и уголовно-правовых
дисциплин имени А.В. Клигмана,
Российский университет адвокатуры
и нотариата имени Г.Б. Мирзоева;
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
ORCID iD: 0009-0002-1111-0240
615007@gmail.com

Roman E. Shvetsov

Applicant for the academic degree
of Candidate of Legal Sciences,
Department of Advocacy
and Criminal Law Disciplines
named After A.V. Kligman
G.B. Mirzoev Russian University
of Advocacy and Notariat;
Advocate of the Moscow Chamber of Advocates
ORCID iD: 0009-0002-1111-0240
615007@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.07.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Корректор: Попов М.Ю.

Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Дизайн обложки: Кручинова С.В.

Сдано в набор 23.09.2026

Подписано в печать 25.09.2026

Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18

Печать riso. Уч.-изд. л. 5,13

Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.

Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 137

e-mail: id-yug@id-yug.com